О.А.Харусь

ЛИБЕРАЛИЗМ В СИБИРИ НАЧАЛА XX ВЕКА

ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

Томский государственный университет

О.А.Харусь

ЛИБЕРАЛИЗМ В СИБИРИ НАЧАЛА XX ВЕКА: ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

Томск - 1996

Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: идеология и политика. - Томск: Издание Томск. ун-та, 1996. 227 с. 200 экз.

В монографии исследуется процесс идейно-политического оформления либеральной оппозиции в Сибири начала XX в., выявляются его закономерности и особенности. Анализ философских воззрений, социально-политических концепций местных теоретиков либерализма, а также программных и тактических установок региональных отделов конституционно-демократической партии и «Союза 17октября» служит основой для комплексной характеристики либерального мировоззрения. Освещение идейно-политических позиций сибирских кадетов и октябристов используется для их идентификации с либеральным типом сознания и выявления степени соответствия двум подтипам - неолиберальному и классически-либеральному. Рассматриваются социокультурные факторы, обусловившие невостребованность теоретически глубоко обоснованных либеральных проектов переустройства Отечества в начале XX в.

Книга является первой частью исследования, посвященного истории либеральной оппозиции в Сибири в 1905 - феврале 1917 гг.

Для специалистов и всех интересующихся историей общественной мысли и политического движения в России.

Научный редактор - докт. ист. наук, проф. Ю.В.Куперт
Научный рецензент - докт. ист. наук, проф. Б.В.Иванов

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-01-00332)

© О.А.Харусь, 1996

ВВЕДЕНИЕ

Решение сложнейшей проблемы выбора вектора общественного развития, вставшей в очередной раз со всей остротой перед нашим Отечеством на исходе XX века, для многих россиян, как имеющих доступ в "большую политику", так и далеких от нее, ассоциируется прежде всего с разработкой конкретных проектов политического и социально-экономического переустройства. Желание найти рецепт преодоления кризисных симптомов, который можно было бы использовать в качестве практического руководства к действию, заслоняет в общественном сознании фундаментальную основу "рецептуры" - идеологическую парадигму, определяющую суть предлагаемой альтернативы. В конечном счете российскому обществу предстоит именно и прежде всего идеологический выбор, результаты которого во многом зависят от способности политиков к теоретическому обоснованию положительной, консолидирующей идеи, позволяющей заполнить образовавшуюся лакуну и обеспечить общественную легитимацию проектируемых реформ.

Будучи нацеленными на создание альтернативной "советской" социально-политической и экономической модели, российские реформы, по справедливому, на наш взгляд, замечанию Б.Г.Капустина, не могут не являться по своей сути либеральными[1]. Однако подобная констатация отнюдь не предполагает модельного уподобления обществам, рассматриваемым обычно в качестве репрезентативных воплощений либерализма. Специфика задач создания прочного общественного порядка, совместимого с субъективной свободой, при отсутствии социокультурных, нравственных и институциональных предпосылок, существовавших на Западе, диктует отечественному либерализму необходимость активистской политико-этической позиции поиска. Роль идеологии в этих условиях заключается прежде всего в создании адекватной российским условиям концепции либеральной гражданственности и обеспечения ее общественной поддержки[2]. Лишь на такой основе может разрабатываться политически и социологически конкретизированная программа действий реформаторов.

В этой связи встает задача выхода на качественно новый уровень теоретической проработки либерального варианта общественного развития. Памятуя о том, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды, что без малого столетие, минувшее с начала нынешнего века, заметно преобразило социокультурное пространство России, нельзя тем не менее допустить игнорирования богатейшего наследия отечественной философской и политической мысли, аккумулированного либерализмом к 1917 г. Пренебрежительное отношение к это-

---

[1] Капустин Б.Г. Начало российского либерализма как проблема политической философии // Полис. 1994. № 5. С.23.

[2] Там же С. 37.

му наследию, по-видимому, сыграло не последнюю роль в том, что в первой половине 90-х гг. доминировавшими в политике радикал-либералами был принят на вооружение "облегченный" вариант либерализма, проявивший свою ущербность, в частности, в редуцировании целостной политической идеологии по существу до идей рыночной экономики и главенства права на частную собственность и породивший в результате растущее разочарование россиян в модернизации по "либеральному образцу"[1].

Анализируя позиции наиболее влиятельной либеральной партии начала XX в. - конституционно-демократической, В.А.Кувшинов справедливо фиксирует принципиальные отличия ее представителей, признававших прогрессивность социалистической идеи, необходимость ограничения частной собственности, государственного регулирования экономики и производственных отношений, авторитетных парламентских структур, от современных реформаторов[2]. Во многих отношениях кадеты шли в фарватере начавшейся на рубеже столетия трансформации западного либерализма под воздействием марксистских и социал-демократических теорий. Игнорирование новаций в отечественной либеральной традиции обусловило избрание реформаторской элитой 90-х гг. в качестве идеологического ориентира анахроничного либерализма, который на Западе уже давно и устойчиво отождествляется с консерватизмом.

Обращение к идейно-политическому "багажу" либеральной оппозиции начала XX в. диктуется и самой логикой развития исторической науки, которая вне зависимости от актуализации данной проблематики, политической конъюнктуры и какого бы то ни было социального заказа приводит к осознанию невозможности полноценного и объективного представления о российской дореволюционной интеллектуальной традиции вне учета ее либеральной компоненты.

Между тем теоретико-методологический уровень современных исследований по истории отечественного либерализма свидетельствует об отсутствии четких критериев, позволяющих определить сущность и границы самого предмета научного интереса, классифицировать то особенное, что давало основания для внутренней дифференциации либеральной оппозиции. Редукционизм в теоретической разработке политической идеологии либеральных реформаторов нынешней генерации в известной степени является следствием

---

[1] Гуторов В.А., Завражин В.Н. Новый российский либерализм и опыт британского неоконсерватизма // Вестник Санкт-петербургского университета. Сер.6. 1994. Вып.1 С.31; Согрин В. Западный либерализм и российские реформы // Свободная мысль. 1996. № 1. С.32.

[2] Кувшинов В.А. Взгляды кадетов на российскую государственность //Научная республ. конф."Политические партии. История. Современность." Тез. докл. и сообщ. Орел, 1994. С.49.

аналогичного подхода в исследовательской литературе. Вряд ли правомерным можно признать использование для обозначения сути российского либерализма начала XX в. характеристик, основанных на признании в качестве его идеала крайнего индивидуализма, эксплуатации народного труда, конкуренции, приспособления к нуждам торговой и промышленной буржуазии[1]. Подобные характеристики, с одной стороны, не позволяют определить фундаментальные признаки либерального течения общественной мысли и общественно-политического движения, отличающие его от направлений иной ориентации, а с другой - вольно или невольно унифицируют наши представления об отечественном либерализме, который в начале XX в. отказался от изначально присущих ему однозначных политических и социальных предпочтений. Будучи в какой-то мере уместными (хотя далеко не исчерпывающими) для выявления особенностей позиций приверженцев традиций классического либерализма XVIII-XIX вв., они не учитывают тех изменений в доктрине, которые обусловили появление принципиально новых тенденций в либеральной оппозиции.

Нивелируют различия в стане российских либералов и определения, основанные на обозначении их ориентиров, заимствованных у западной цивилизации: индивидуальные свободы,парламентаризм, всеобщее избирательное право, местное самоуправление, развитие образования и культуры[2]. Предпринимаемый же исследователями поиск новых методологических подходов к классификации "особенного" в политическом лагере либеральной ориентации посредством определения предполагавшейся различными течениями меры и степени осуществления задач буржуазно-демократической революции[3], выдержаны в традиционном русле фиксации вторичных, производных признаков и оставляют без внимания сущностные критерии.

Неопределенность дефиниций, игнорирование разнообразия ипостасей российского либерализма начала XX в. в ряде случаев становится причиной неоправданного, на наш взгляд, сужения рамок либерально-оппозиционного движения. Так, В.В.Леонтович, автор фундаментального труда по истории либерализма в России, считая неотъемлемыми чертами этого течения общественной мысли и движения, наряду с признанием приоритета личности и ее прав надо всем остальным, принцип незыблемости частной собственности и

---

[1] Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX - начала XX века. Либералы. Новосибирск, 1995. Вып.2. С.3, 4.

[2] Там же. С.5.

[3] Абрамов А.В. Некоторые аспекты методологии изучения политических партий России начала XX в. // История политических партий в вузовском курсе политической истории. Проблемы теории, методологии, методики. Всесоюзная научно-метод. конф. Тез. докл. и сообщ. М., 1991.Вып.1. С. 4.

однозначный отказ от революционных методов общественных преобразований, приходит к выводу о неправомерности квалификации конституционно-демократической партии как либеральной и наделяет ее титулом "партии русского радикализма". Право же на статус подлинно либеральной партии признается исследователем лишь за "Союзом 17 октября"[1]. Созвучно представлениям В.В.Леонтовича о "настоящем либерализме" как исключительно либерализме консервативном и высказанное М.Абрамовым на коллоквиуме "Современная социальная концепция: либеральное видение" мнение о "дефективности" либерализма партии народной свободы по причине отсутствия в ее программе открытого признания частной собственности на землю и поддержки общины и о некоей неполноценности отечественного либерализма дореволюционного образца (за исключением Б.Н.Чичерина), не успевшего вырасти из "подросткового возраста"[2].

С другой стороны, в исторической литературе наметилась и противоположная тенденция выведения за рамки либеральной оппозиции таких политических партий, как "Союз 17 октября", торгово-промышленная, прогрессивная экономическая, правового порядка и др.[3] Так, М.Н.Барышников зачисляет эти партии в разряд консервативных, несмотря на констатацию их устремленности к "сбалансированному, с учетом исторических традиций страны, пути ее социально-экономического и политического обновления", сориентированности на поиск компромиссов "между старым и новым". При этом, однако, основной тезис, который приводится в подтверждение правомерности подобной классификации, - приверженность консерваторов приоритету общего над индивидуальным - не сопровождается сколько-нибудь развернутой и убедительной аргументацией[4].

В свете подобных современных исканий при разработке проблемы партийно-политической идентификации отечественного либерализма начала XX в. вырисовывается предпочтительность традиционного варианта ее рассмотрения через призму членения либеральной оппозиции на два фланга - правый, представленный прежде всего "Союзом 17 октября", и левый, наиболее репрезентативным воплощением которого в партийном измерении являлась

---

[1] Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М., 1995. С. 4, 21, 22, 480.

[2] Возможности либерализма в осмыслении современного мира. Обзор коллоквиума //Полис. 1994. № 3. С. 127.

[3] Грешнихин А.Г. Классы и политические партии в трех российских революциях. М., 1991.Вып.1. С.4.

[4] Барышников М.Н. Программа российских консерваторов в начале XX в. // Научная республ. конф. "Политические партии. История. Современность."... С.39, 40.

конституционно-демократическая партия[1]. Однако такая градация, отражая наиболее адекватно, на наш взгляд, реальную поляризацию либерализма, по сути также фиксирует вторичные признаки, совокупность которых обозначается как показатель степени оппозиционности двух течений. В этой связи возникает необходимость поиска фундаментальных теоретико-методологических критериев, позволяющих, с одной стороны, определить некую общую идейную платформу либеральной оппозиции и ее принципиальные отличия от нелиберальных направлений общественной мысли и общественно-политического движения, а с другой - обеспечить дифференцированный анализ течений либерализма, вычленяемых по сущностным основаниям.

Весьма продуктивным для работы в данном направлении является обращение к категориальному аппарату, используемому в современной философской, социологической и политологической литературе. Продолжающиеся и в настоящее время дискуссии по проблемам типологии либерализма, высвечивая различия в позициях исследователей , в то же время создают возможность вычленения общепринятых категорий и наполнения их определенным содержанием. Признание либерализма совокупностью родственных идеологий, своеобразным идеологическим семейством, включающим в себя целый диапазон философских и политических приверженностей, выдвигает на первый план проблему установления общности этого семейства, определения ключевых убеждений, присущих практически всем либералам [2]. В качестве обязательной основополагающей установки либерализма рассматривается приоритет человеческой личности, ее свободы как высшей моральной и политической ценности. Наиболее четко, по нашему мнению, суть либерализма как философии и социально-политической теории обозначил Б.Г.Капустин, вычленив его центральную проблему - возможность и осуществимость общественного порядка, общежития вообще, если их основанием считается индивидуальная свобода [3]. Характеризуя основные черты минимального идеального типа либерального сознания, определяющие его отличия от нелиберальных типов, исследователь фиксирует прежде всего признание самоценности индивидуальной свободы, выражающейся в плане общественных отношений как равенство в свободе (свобода равных); в плане отношений с государством - как равенство перед законом, который гарантирует не противоречащую ему

---

[1] Шелохаев В.В. Кадеты - главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1983. С.4; Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С.86; Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг. М., 1985. С. 13; История политических партий России. М., 1994. С.87.

[2] Шапиро И. Введение в типологию либерализма //Полис. 1994. № 3. С.7.

[3] Капустин Б.Г. Три рассуждения о либерализме и либерализмах // Полис.1994.№ 3.С.14; Он же. Начало российского либерализма ... С.23.

свободу частной и публичной деятельности; в плане отношения к различиям в общественной жизни - как терпимость ко всему, что само не отрицает терпимости; в плане экономики - как признание частной собственности условием свободного развития человека[1].

В свою очередь либеральный тип сознания подразделяется на два подтипа, находящихся в парадигматическом сродстве и охватывающих весь комплекс ценностей в их "минимально-либеральном" осмыслении: экономически-либеральный и социал-либеральный[2]. Для обозначения их сути в политологической литературе предлагаются также в качестве однопорядковых соответственно термины "элитарный", "консервативный", "классический" (по причине первородства и длительности господства первого направления) и "гуманистический", "демократический", "неолиберализм", "радикал-либерализм"[3]. Использование того или иного эпитета в каждом конкретном случае исследовательской практики должно быть продиктовано, по-видимому, потребностями концентрации внимания на определенных аспектах разноплановой специфики двух направлений.

Наиболее значимые различия этих направлений фиксируются по следующим параметрам: 1) иерархия и логическое соподчинение ценностей (классический либерализм исходит из признания приоритета права частной собственности, рассматривая все остальные либеральные ценности как производные от него; для неолиберализма приоритетной является свобода); 2) средства практической реализации либеральных ценностей (классический либерализм рассматривает частную собственность в качестве универсального средства реализации других ценностей; неолиберализм предполагает использование различных средств для реализации и развития свободы в соответствии с обстоятельствами места и времени); 3) содержательное осмысление ценностей (классический либерализм, например, трактует равенство как равенство перед законом, государственно-правовым и экономически рыночным; неолиберализм дополняет это "минимальное" понимание равенства требованием предоставления равных стартовых возможностей через осуществление программ в сферах образования, здравоохранения, социального обеспечения и т.д.[4]

Производными от этих сущностных различий двух направлений в либерализме являются особенности в трактовке концепции индивидуализма:

---

[1] Он же. Либеральное сознание в России // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С.74.

[2] Там же. С.75.

[3] Гаджиев К.С. Либерализм: история и современность //Новая и новейшая история.1995. № 6. С.17,20; Согрин В. Указ.соч. С.34.

[4] Капустин Б.Г. Либеральное сознание в России... С.75.

- элитарно-буржуазная ориентация в классическом либерализме с ее признанием права частной собственности главенствующим и подчеркнуто внеклассовый характер социал-либеральных требований обеспечения возможности реализации индивидуальных потенций представителям всех классов;

- наделение государства ограниченным комплексом самых необходимых функций по охране порядка и защите страны от внешней опасности (идея "государства-ночного сторожа") в классической концепции "негативной свободы" и принципы позитивной роли государства в социальной и экономической жизни, расширения государственного регулирования в целях реализации либеральных ценностей, защиты прав и свобод человека, предусматриваемые неолиберальной концепцией "позитивной свободы"[1].

Принимая в расчет подобные дефиниции представляется возможным характеризовать "Союз 17 октября" и конституционно-демократическую партию как наиболее репрезентативные партийно-политические воплощения двух идейных тенденций в отечественном либерализме начала XX в. - классической и неолиберальной. Обоснование правомерности такого теоретико-методологического подхода посредством анализа конкретно-исторического материала составляет одно из направлений данного исследования, задача которого, впрочем, отнюдь не сводится к приведению категориального аппарата исторической литературы по проблемам либерализма в соответствие с общепринятой лексикой философов, социологов и политологов, Очевидно, что стыковка смежных отраслей знания на ниве целостной по своей сути либеральной проблематики не может ограничиться понятийным уровнем, а должна носить более глубинный содержательный характер. В настоящее время существует своеобразное разделение сфер влияния между философами, сконцентрировавшими свой интерес на изучении мировоззренческой парадигмы отечественного либерализма, и историками, традиционно исследующими данный феномен в аспектах политических субъектов, признающих себя сторонниками либерализма, их прикладных программ деятельности в тех или иных областях жизни. Будучи в известной мере оправданной, такая специализация зачастую порождает, с одной стороны, логически не завершенное представление о социально-политической философии либерализма, не имеющей практического выхода на реалии окружающей действительности, а с другой - создает почву для проявлений субъективной пристрастности в трактовке и оценке политических позиций либеральных партий, рассматриваемых вне контекста определивших их мировоззренческих ориентиров.

Необходимость целостного системного изучения идейно-политических традиций российского либерализма начала XX в. обусловила авторский выбор проблематики. Он предполагает анализ характерных для либерализма, как типа политического мышления, подходов к философскому осмыслению

---

[1] Гаджиев К. Указ.соч. С.17, 21; Согрин В. Указ.соч. С.39.

действительности (прежде всего в ее социально-политических измерениях), освещение политических позиций его представителей в комплексе, а также установление взаимосвязи и взаимозависимости этих двух относительно самостоятельных мировоззренческих уровней в рамках либеральной парадигмы. Объектом конкретно-исторического исследования, призванного способствовать определению сути феномена российского либерализма в избранном ключе, является либеральная оппозиция в Сибири начала XX в. Обращение к ее истории позволяет, на наш взгляд, выявить как общие закономерности идейной эволюции отечественного либерализма, так и специфические черты его региональных ипостасей. Учитывая, что наиболее яркими политическими воплощениями либеральной традиции и вместе с тем наиболее активными ее адептами на арене общественной жизни России в начале XX в. выступали конституционно-демократическая партия и "Союз 17 октября", представляется целесообразной концентрация внимания на изучении мировоззренческих установок их идеологов и политических позициях сибирских отделов этих партий.

Территориальные рамки исследования являются в целом традиционными для исторического сибиреведения и включают Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии, Акмолинскую и Забайкальскую области в дореволюционных административных границах, т.е. практически весь обширный регион современной России от Урала до Дальнего Востока. Исключение составляет Якутия ввиду отсутствия в ней фиксированных в источниках проявлений политической активности либералов.

Выбор хронологических рамок -1905-февраль 1917 гг. -в значительной степени продиктован спецификой самого предмета исследования. Отсутствие или же чрезвычайно скромное значение в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX в. тех организационных структур, которые являлись в европейской части страны центрами консолидации либеральных сил (земства, культурно-просветительные учреждения, массовые периодические издания и т.п.), а также политическая индифферентность местной буржуазии и малочисленность интеллигенции, прежде всего лиц свободных профессий, обусловили более позднее и замедленное формирование либеральной тенденции в Сибири. Поэтому говорить об идейном оформлении либеральной оппозиции в крае представляется возможным лишь применительно к началу XX в., точнее - к периоду первой российской революции. К тому же в силу особенностей социально-экономического и политического статуса региона в Российской империи, предопределивших значительное влияние областнических идей и настроений, вплоть до 1905 г. либерализм в Сибири настолько тесно переплетался с областничеством, что дифференциация этих двух течений в общественной мысли и общественно-политическом движении более раннего периода является весьма затруднительной и практически невозмож-

ной[1].Обозначение февраля 1917 г. в качестве другой границы хронологических рамок исследования связано с осознанием переломного для судеб либерализма значения Февральской буржуазно-демократической революции, существенным образом преобразившей контуры политического пространства: октябризм как политическое течение окончательно исчез с арены политической борьбы (хотя отдельные его представители продолжали проявлять активность и даже предпринимали усилия, впрочем, безуспешные, по воссозданию октябристской партии), а кадеты лишились статуса оппозиционной силы, приняв на себя ответственность носителей государственной власти, что соответствующим образом повлияло на пересмотр их политических ориентиров. С учетом этих обстоятельств история либерализма в Сибири 1917 года должна быть, на наш взгляд, предметом самостоятельного исследования, основные контуры которого уже определены в кандидатской диссертации Л.М.Коломыцевой [2].

Наличие в ряде работ достаточно полных аналитических обзоров отечественной и зарубежной исследовательской литературы по истории либеральных партий в общероссийском масштабе[3] позволяет ограничиться обозначением тех основных тенденций в изучении интересующих нас проблем, которые наметились в историографии последних лет. В связи с изменением общественно-политической ситуации начался процесс пересмотра идеологических ориентиров в отечественной исторической науке. Если ранее в качестве таковых при изучении истории политических партий в России использовались исключительно ленинские характеристики классовой сущности, роли и места партий в общественной жизни, с которыми непременно соотносились итоговые

---

[1] Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX - начала XX века. Либералы... С.9, 10, 18.

[2] Коломыцева Л.М. Конституционные демократы в Сибири (февраль 1917 - начало 1918 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1993.

[3] Шелохаев В.В. Либеральный лагерь накануне и в годы первой русской революции в освещении советской историографии // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978. С.236-255; Волобуев О.В., Леонов М.И., Уткин А.М., Шелохаев В.В. История политических партий периода первой российской революции в новейшей советской литературе //Вопросы истории. 1985. № 7. С.66-67; Российский либерализм в англо-американской историографии. М., 1988; Волобуев О.В., Леонов М.И., Уткин А.М., Шелохаев В.В. История политических партий России 1907-1914 гг. в советской историографии //Вопросы истории. 1989. № 4. С.147-161; Волобуев О.В., Миллер В.И., Шелохаев В.В. Непролетарские партии России: итоги изучения и нерешенные проблемы //Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С.5-20; История политических партий России. М., 1994. С.8-38.

оценочные положения исследований, призванных подтвердить заранее заданную концепцию фактическим материалом, то в настоящее время пришло осознание необходимости преодоления вполне естественной для руководителя большевистской партии, но недопустимой в претендующей на объективную научную разработку проблем исследовательской литературе, пристрастности.

Однако обновление теоретико-методологичесакого аппарата отечественной историографии породило и определенные сложности в изучении исторической эмпирии, нашедшие свое частное проявление в чрезвычайной подвижности современных представлений о проектах общественного переустройства, предлагавшихся либеральными партиями. В настоящее время эти представления определяются преимущественно ценностными установками самих исследователей, в основе которых заложено отношение последних к окружающей их действительности, а потому отличаются заметным многообразием. Например, наряду с традиционными для советской историографии оценками сути предлагавшихся либеральной оппозицией проектов общественных преобразований как отражавших исключительно узкокорыстные интересы класса буржуазии и принципиально антидемократичных, высказывается точка зрения, согласно которой либеральная идеология в России выражала стремление передовых элементов общества к модернизации и не была четко связана с каким-либо одним социальным слоем[1].

Современная историческая литература демонстрирует и диаметрально противоположные подходы авторов к поиску ответа на вопрос о причинах политического фиаско русского либерализма в 1917 г. Так, А.С.Сенин считает основными факторами кризиса либерализма в России такие присущие ему отрицательные черты, как "резко негативное отношение к прошлому, мстительность, популизм, двойную мораль, внутренний страх перед содеянным и апелляция к силе, железной руке и т.п." Сама по себе подобная характеристика либерализма вызывает сомнения, как, впрочем, и аргументация авторской позиции [2]. Еще более сомнительной и непродуктивной представляется по-

---

[1] Медушевский А.Н. Об особенностях либерализма в России и странах Восточной Европы. (Сравнительный анализ социальной программы) //Вестник Московского университета. Сер.12. 1993. № 5. С.80.

[2] Вывод А.С.Сенина о негативном отношении либералов к прошлому, например, призваны подтвердить публикации либеральных газет 1917 г. о "самых грязных фактах из недавнего прошлого" - придворных интригах, шпионаже в пользу Германии, похождениях Г.Распутина, провокациях охранки и т.п., а также создание Временным правительством Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных действий бывших министров, главноуправляющих и других должностных лиц. В упрек либералам ставится и поддержка кампании по переименованию городов, железнодо-

пытка объяснения несостоятельности либеральной альтернативы в России 1917 г. исключительно посредством поиска уязвимых мест в политическом и личном поведении ее сторонников. На наш взгляд, подобный подход является довольно поверхностным и далеким от объективности.

Более плодотворным в научном плане представляется предложенное В.В.Шелохаевым осмысление причин невостребованности теоретически глубоко обоснованных либеральных программ через характеристику социокультурных реалий того времени и, в частности, путем определения специфики восприятия этих программ массовым сознанием. Так, исследователь обращает внимание на отсутствие в экстремальных ситуациях поддержки идей либерализма, рассчитанных на реформирование всех сфер общественной жизни, на мирное, парламентское согласование разнородных социальных интересов, со стороны массового сознания, в котором доминируют максималистские требования и экстремистские настроения. В числе дополнительных факторов, заблокировавших либеральную альтернативу общественного развития в России начала XX в., отмечаются предельная острота политической конфронтационности и резкая поляризация социальных интересов[1]. Очевидно, подвести общий знаменатель под позиции В.В.Шелохаева и А.С.Сенина весьма сложно, их согласование представляется вряд ли возможным ввиду принципиальных различий самих методологических подходов авторов.

В целом же, признавая в известной мере продуктивность активного интерпретирующего воздействия историка на предмет своего исследовательского интереса, следует, по-видимому, обозначить и некие относительно устойчивые ориентиры в изучении феномена российского либерализма. Одним из возможных вариантов решения подобной задачи может, по нашему мнению, стать восприятие и интерпретация политических позиций либералов в контексте тех ценностей, того мировоззрения, которые определяли их собственное отношение к окружавшему их миру.

Весьма эффективным в этом отношении представляется подход, продемонстрированный в монографии В.В.Шелохаева "Идеология и политическая

рожных станций, учебных заведений, которая сводилась к изъятию из названий слова "императорский", титулов и имен представителей прежней династии. Показателем "двойной морали", по-видимому, должны служить "амурные похождения" членов правительства, на которые намекала пресса того времени, и "некоторые личные черты их характера". См.: Сенин А.С. 1917 год: К вопросу о кризисе либерализма в России// Вестник Московского университета. Сер.12. 1993. № 5. С.85, 86, 87.

[1] Шелохаев В.В. Социальная программа русского либерализма //Кентавр. 1995. № 1. С.110.

организация российской либеральной буржуазии"[1]. Исследуя историю трех политических партий - кадетов, октябристов и прогрессистов, автор раскрывает связь их программ и тактики с исходными идеологическими установками. Однако при этом понятие "идеология" содержательно отождествляется с понятием "политическая доктрина". Последняя же, в свою очередь, характеризуется В.В.Шелохаевым как система воззрений либералов по самым животрепещущим проблемам современности, как-то: отношение к идее социальной и политической революции, оценка ближайших перспектив развития России после революции 1905-1907 гг., характеристика роли и потенциальных возможностей различных общественных сил. Безусловно, перечисленные компоненты либеральной концепции социального развития являлись приоритетными в разработке кадетами, октябристами и прогрессистами стратегического и тактического курса применительно к условиям третьеиюньского политического режима, и в этом смысле авторский подход к вычленению важнейших структурных элементов буржуазной идеологии является вполне естественным и оправданным[2]. И все же для комплексной оценки феномена российского либерализма начала XX в. представляется необходимой более широкая постановка вопроса о сути его идеологии, предполагающая включение в рамки исследования характеристики мировоззренческих позиций либералов в целом, анализ их представлений о роли и месте человека в обществе, путях гармонизации частных и общих интересов, перспективных направлениях и путях трансформации социальной и политической модели общества и т.д.

Заметный сдвиг в исследовании мировоззренческой парадигмы отечественного либерализма произошел в 90-е гг. в философской и социологической литературе. Социальная доктрина, политическая концепция, философские позиции отдельных его представителей стали предметом самостоятельного исследовательского интереса, что позволило обозначить общее и особенное во взглядах российских либералов на судьбы Отечества, вычленить основные тенденции идейной эволюции либерализма, показать концептуальные различия классического "дворянского" либерализма второй половины XIX в. и но-

---

[1] Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907-1914 гг. М., 1991.

[2] Следует отметить, что в целом работы В.В.Шелохаева, посвященные специальному анализу и сравнительной характеристике идейно-политических позиций кадетов и октябристов, отличает фундаментальность, строгая научная логика и аргументация, объективность подхода. В настоящее время, на наш взгляд, ими определяется высшая планка в исследованиях по данной проблематике. См., в частности: Шелохаев В.В. Экономическая программа русского либерализма // Кентавр.1994. № 4; Он же. Социальная программа русского либерализма //Кентавр. 1994. № 6; 1995. № 1; Он же Политическая программа русского либерализма //Кентавр. 1995. № 6.

вого либерализма начала XX в.[1] Концентрация внимания на изучении мировоззренческой парадигмы либерализма стала фундаментальной предпосылкой для появления нового, весьма перспективного направления в исследовании причин неспособности либеральной идеи обозначить реальную альтернативу исторического развития нашего Отечества, основанного на соотнесении этой идеи с российским менталитетом[2].

К сожалению, в литературе по истории либеральной оппозиции начала XX в. в Сибири до настоящего времени не предпринимались попытки исследования политических позиций местных отделов кадетской и октябристской партий в контексте их идеологических ориентиров. Характеристика правовых идей профессора И.В.Михайловского в статье Г.С.Криницкой представляет собой, пожалуй единственный пример реконструкции философских воззрений сибирских идеологов либерализма[3].

В целом же в работах региональных историков обращает на себя внимание смещение акцентов с анализа идейных позиций либералов на изучение организационного состояния отделов конституционно-демократической партии и "Союза 17 октября", а также конкретных проявлений их политической активности. Тем не менее за последние два десятилетия специалистами проделана определенная работа по исследованию программных и тактических установок сибирских кадетов и октябристов на различных этапах их политической деятельности[4]. Однако, на наш взгляд, существующие в настоящее

---

[1] Татарникова С.В.Концепция политики национального согласия П.Б.Струве // Социально-политические науки. 1991. № 12; Маркин А.В.,Татарникова С.В. "Редкий в России государственник": о некоторых аспектах творчества Б.Н.Чичерина //Там же. 1992. № 1; Новикова Л., Сиземская И. Идейные истоки русского либерализма // Общественные науки и современность. 1993. № 3; Они же. Новый либерализм в России //Там же. 1993. № 5; Ширинянц С.А. "Вехи" и модель политической культуры интеллигенции // Вестник Московского университета. Сер.12. 1994. № 2 и др.

[2] Могильницкий Б.Г. Либеральная идея и российский менталитет // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). Томск, 1996. Вып.1.

[3] Криницкая Г.С. Философия права в духовном наследии интеллигенции Сибири // Культура: философия и история. Томск, 1994.

[4] Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978; Кучер В.В. Сибирские организации буржуазно-монархических партий об аграрном вопросе в годы первой российской революции // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX - начале XX вв. Новосибирск, 1986; Харусь О.А. Кадетские и октябристские организации Сибири в период первой российской революции. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Томск, 1986; Она же. Проблема совершенствования политической системы в программных установках сибирских кадетов // Общество. Перестройка. Чело-

время представления по данным проблемам являются далеко не исчерпывающими[1]. Вырисовываются лишь самые общие контуры политических позиций местных либералов.

Невостребованным остается значительный комплекс источников, позволяющих осветить не только положения программных документов сибирских отделов либеральных партий, но и охарактеризовать нюансы в позициях представителей левого и правого флангов, в этих отделах существовавших. Обращение к изучению идейно-политических ориентиров и установок местных либералов диктует и то обстоятельство, что большинство работ прямо или косвенно демонстрируют изначальную заданность и односторонность авторских оценок, в основе которых заложено представление о стремлении кадетов и октябристов к укреплению экономического и политического господства буржуазии как единственном мотиве их позиций. К тому же ряд содержащихся в литературе положений нуждается в уточнении и корректировке (например, тезис о республиканских настроениях представителей левого фланга в кадетских организациях, о неприятии кадетами одной из основных областнических идей - идеи сибирской автономии, об их намерении оставить в неприкосновенности земли казны и Кабинета и др.).

Учитывая степень изученности интересующих нас проблем и необходимость комплексного освещения идейно-политических позиций сибирских либералов начала XX в., представляется возможным определить основные ориентиры данного исследования. В самом общем виде его цель заключается в оценке идейно-политического потенциала либеральной оппозиции в Сибири начала XX в. Конкретные задачи, решение которых способствует реализации

век. Хабаровск, 1990. Ч.1; Она же. Идея примирения в проектах общественного переустройства сибирских кадетов // История общественных движений и политических партий России. Томск, 1993; Толочко А.П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910-1914 гг.) . Томск, 1989; Он же. Непролетарские партии в Сибири. Омск, 1995.

[1] Наличие у автора публикации, посвященной характеристике основных тенденций и особенностей дореволюционной и советской историографии истории сибирских отделов буржуазных партий в период первой российской революции, который традиционно привлекал наибольший интерес специалистов, а также включение в этот обзор целого ряда исследований, имеющих более широкие хронологические рамки, позволяет в данной работе ограничиться общей итоговой оценкой состояния изученности интересующей нас проблематики. См.: Харусь О.А. К вопросу об историографии кадетских и октябристских организаций Сибири в период первой российской революции // Некоторые вопросы отечественной истории в советской историографии. Томск, 1989.

поставленной цели, можно сформулировать следующим образом: характеристика философских основ мировоззрения идеологов либерализма в Сибири; анализ предлагавшихся ими социально-политических концепций ; исследование программных и тактических установок местных кадетов и октябристов в общем контексте либерального мировоззрения с целью определения степени научной обоснованности и аргументированности их проектов общественного переустройства России; оценка перспективных замыслов либералов в соотнесении с намечавшимися мерами по осуществлению последних; выяснение специфики политических позиций местных организаций конституционно-демократической партии и "Союза 17 октября" по сравнению с официальными общепартийными установками; освещение проблемы идейно-политической дифференциации в рядах сибирских представителей либеральной оппозиции; выявление того общего, что сближало позиции кадетов и октябристов, и того особенного, что отличало две представленные ими тенденции в отечественном либерализме.

Весьма продуктивным для решения обозначенных задач является использование метода сравнительно-исторического анализа в его как синхронной, так и диахронной вариациях, позволяющего составить представление об общем и особенном в идеологии и политике российского либерализма в целом и либеральной оппозиции в Сибири, а также показать идейную эволюцию либерализма, проследить преемственность (в том числе по отношению к теоретическому наследию "дворянских" либералов) и новации в либеральной интеллектуальной традиции начала XX в.

Такая постановка задач предполагает, на наш взгляд, поиск новых методологических подходов. Учитывая, что характерной чертой современного исторического знания и, по-видимому, ведущей тенденцией его развития становится идейно-теоретическая конвергенция, предусматривающая синтез различных социологических и философско-исторических концепций, автор исходит из стремления к органическому соединению элементов социального анализа и культурантропологического подхода, позволяющего, в частности, реконструировать образ мыслей и чувствований, стиль поведения конкретного человека. Избранная методологическая позиция продиктована представлением об историческом явлении как совокупном результате действия многих факторов объективного и субъективного порядка и необходимостью выявления действия всех факторов в их взаимосвязи и взаимообусловленности во избежание упрощенного монизма в освещении истории либеральной оппозиции.

Жесткие детерминистские модели, основанные на объяснении деятельности человека в истории влиянием внешних по отношению к нему обстоятельств, оказываются, по нашему мнению, несостоятельными при исследовании феномена либерализма и, в частности, его мировоззренческой парадигмы и политической идеологии, вариации которых определялись в значительной

мере индивидуальными особенностями мировосприятия представителей этого направления общественной мысли. Но преодоление позитивистских стереотипов, растворяющих уникальную личность в социально типичном, не должно носить характер инверсии и приводить к видению истории исключительно через призму уникально-неповторимого. В этом отношении использование элементов социального анализа создает возможности для сопряжения личности и сообществ разного уровня (в том числе, например, групп определенной идейно-политической ориентации и различных течений в них).

В целом, авторское конструирование идейно-политического облика либеральной оппозиции в Сибири ориентировано на общепринятые стандарты верификации и непротиворечивости воссоздаваемой картины прошлого и не претендует на монополию истины, предлагая лишь один из возможных вариантов интерпретации исследуемых проблем Историческая истина-версия рассматривается при этом как сложная мыслительная конструкция, определяемая не только субъективными свойствами восприятия и интуиции исследователя, но и в неменьшей степени объективными данными источников.

Источники, послужившие основой данного исследования, разнообразны по характеру, содержанию и степени репрезентативности. Реконструкция социально-философских воззрений сибирских теоретиков либерализма осуществлялась посредством анализа опубликованных материалов учебных и публичных лекций профессоров Томского университета, являвшихся членами местных отделов кадетской и октябристской партий, их научных и научно-публицистических трудов. Комплекс источников такого рода довольно ограничен, поскольку собственно философские проблемы бытия и общественного устройства составляли предмет специального интереса для незначительной группы идеологов.

В числе последних особо выделялся ученик и идейный последователь Б.Н.Чичерина профессор философии права И.В.Михайловский. Автор фундаментального научного труда "Очерки философии", он оставил богатое эпистолярное наследие. Творчество И.В.Михайловского представляет тем больший интерес, что позволяет проследить процесс трансформации классически-либеральных методологических подходов в неолиберальную доктрину. Будучи приверженцем основополагающих постулатов либерализма, сформулированных его учителем, И.В.Михайловский вместе с тем внес в них существенные коррективы, продиктованные новыми веяниями в развитии философии и социально-политических учений. Его работы служат особо ценным источником для воссоздания мировоззренческой парадигмы либерализма, поскольку представляют все основные конституирующие элементы таковой в комплексе.

Частные проблемы, позволяющие судить о мировоззренческих ориентациях авторов, поднимались также в трудах и лекциях членов томской октябристской организации профессоров университета И.А.Базанова, Д.Н.Беликова

иП.А.Прокошева, кадетов М.И.Боголепова, И.А.Малиновского, С.П.Мокринского, Н.Я.Новомбергского. Обращение к их эпистолярному наследию способствовало осмыслению мировоззренческой парадигмы либерализма в ее многообразии, поскольку палитра исходных философских и теоретико-методологических позиций авторов весьма широка: от религиозного мистицизма и объективного идеализма до позитивизма и экономического материализма.

Анализ научно-публицистических работ профессоров Томского университета создает определенные возможности и для выявления их политических приверженностей, позволяя проследить взаимосвязь и взаимозависимость последних с философскими воззрениями. Сходным по содержанию и характеру источником для реконструкции политических позиций сибирских либералов являются публиковавшиеся на страницах местной и центральной периодической печати тексты их речей и выступлений на партийных собраниях, заседаниях Государственной думы, перед общественностью, а также авторские и редакционные статьи в кадетских и октябристских газетах. Однако при использовании этих материалов приходится учитывать, что им зачастую был присущ оттенок демагогичности, обусловленный соображениями политической конъюнктуры, особенно усиливавшийся в условиях марафона по выборам Государственной думы. Та же специфика отличает предвыборные воззвания и листовки местных отделов либеральных партий, хранящиеся, главным образом, в фонде конституционно-демократической партии (ф.523) Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Более объективная информация о программных и тактических установках сибирских кадетов и октябристов содержится в газетных сообщениях обеих партийных собраниях, которые не только высвечивают различные мнения по обсуждавшимся вопросам, но и позволяют судить о доминировавших в той или иной конкретной ситуации умонастроениях на основе анализа результатов баллотировки и принимавшихся большинством голосов резолюций. Наибольшую же ценность для характеристики позиций местных кадетских и октябристских организаций по ключевым проблемам политического и социально-экономического развития России и региона представляют их программные документы. Некоторые из них (программа томского отдела партии народной свободы и программа свободной народной партии Красноярска) отложились в фонде кадетской партии ГАРФ. Большинство же программных заявлений (например, тобольского отделения партии центра и красноярского союза мира и порядка, являвшихся коллективными членами "Союза 17 октября", томского отдела октябристской партии, Временной Либерально-конституционной партии в Верхнеудинске, иркутской кадетской организации) было опубликовано на страницах местной либеральной печати.

В целом, разнообразные по характеру материалы, помещавшиеся на страницах печатных органов сибирских кадетских и октябристских организаций,

очень важны для освещения либеральных проектов общественного переустройства как в общероссийском, так и региональном масштабах. Среди местных кадетских газет особо следует выделить "Сибирскую. жизнь", являвшуюся своеобразным рупором томского отдела партии народной свободы. Исключительная ценность материалов этой газеты определяется следующими обстоятельствами. "Сибирская жизнь" была единственной в крае кадетской газетой, которая издавалась практически бесперебойно на протяжении всего исследуемого периода. Она широко использовалась как источник информации другими сибирскими и центральными изданиями. К тому же "Сибирская жизнь" являлась печатным органом самой многочисленной и активной в Сибири кадетской организации, материалы о деятельности которой имеют особое значение[1].

Из сибирских газет октябристского направления особого внимания заслуживает газета "Время" - печатный орган томского отдела "Союза 17 отября". По количеству выпущенных номеров она превзошла все другие октябристские издания в Сибири. Нельзя не учитывать и мощности идеологического потенциала местной организации "Союза 17 октября", который обеспечивался активной ролью в ней профессуры Томского университета.

В качестве источников наряду с местными использовались и центральные кадетские и октябристские издания. Материалы центральных органов кадетской партии газеты "Речь" и журнала "Вестник партии народной свободы", а также издававшегося в Петербурге лберально-буржуазного по своему направлению журнала "Сибирские вопросы" позволяют сравнивать политические позиции отделов либеральных партий в Сибири с позициями центрального руководства и отделов в Европейской России. Аналогичную смысловую нагрузку в ходе данного исследования имело привлечение протоколов общепартийных съездов, в работе которых принимали участие делегаты сибирских организаций, высказывая свои, зачастую отличные от официальных установок, мнения по обсуждавшимся вопросам.

Определенный интерес представляют материалы периодических изданий сибирских революционно-демократических и черносотенных организаций. Изучение публиковавшихся в них редакционных и авторских статей, посвященных характеристике позиций либералов, способствует выявлению механизма взаимооценок политических оппонентов. Для решения этой задачи использовались также листовки местных социал-демократических и эсеровских организаций, как опубликованные в сборниках документов по истории революционного движения в Сибири, так и хранящиеся в фондах Центров доку-

---

[1] Харусь О.А. Газета "Сибирская жизнь" как источник по истории кадетских организаций Сибири в 1905-1919 гг. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989.

ментации новейшей истории Иркутской и Томской областей (ЦДНИИО, ЦДНИТО) и Новосибирском областном краеведческом музее (НОКМ).

Для определения степени достоверности и весомости информации, содержащейся в источниках, автором использовались общепринятые приемы их внешней и внутренней критики, а также возможности сопоставления различных по характеру происхождения, содержанию и идеологической направленности источников.

В целом, учет результатов исследовательских работ предшественников и привлечение обозначенного корпуса источников позволяют, на наш взгляд, решить поставленные научные задачи в избранном теоретико-методологическом ключе.

В заключение следует отметить, что, ограничившись анализом идейно-политических позиций либералов в Сибири начала XX в., автор отдает себе отчет в необходимости комплексного подхода к изучению истории либеральной оппозиции, что предполагает обращение к исследованию организационных структур, численного и социального состава местных отделов кадетской и октябристской партий, характеристике форм и методов их политической деятельности, практики взаимоотношений с политическими оппонентами и союзниками и пр. В этой связи данная монография представляется вниманию читателей как первая часть научного исследования, посвященного истории либеральной оппозиции в Сибири начала XX в.

Глава 1. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА СИБИРСКИХ ЛИБЕРАЛОВ

1. Философские основы мировоззрения

Положение об обусловленности политических ориентаций представителей различных течений общественного движения их социально-классовой принадлежностью стало одной из аксиом отечественной историографии. Даже в тех случаях, когда этот тезис не постулируется открыто, непосредственно, сама структура исследовательских работ, как правило, свидетельствует о приверженности их авторов именно такой логике мышления.

По-видимому, корреляция политических позиций и социального статуса их носителей, включающего характеристику сословного происхождения, материального благосостояния, образовательного уровня, рода служебной деятельности и т.п., должна приниматься в расчет прежде всего при оперировании понятиями "партия", "политическое движение", "политическая сила". Вместе с тем следует признать, что акцент на социально-типичном, способствуя созданию собирательного образа, выводит за рамки исследовательского интереса отдельных людей, обладающих сугубо индивидуальными качествами и свойствами. А между тем факт самоочевидный: воздействие внешних условий, реальных жизненных обстоятельств на личность преломляется через призму ее субъективного мировосприятия. И если возможности реконструкции психологического облика хотя бы отдельных идеологов либерализма в Сибири на основе весьма кратких сохранившихся биографических данных, характеризующих основные вехи жизненного пути, являются проблематичными, то интеллектуальное наследие, представленное в их научных исследованиях, опубликованных учебных лекциях и выступлениях перед населением, вполне позволяет проследить присущую им логику осмысления окружающего мира.

Эта логика, с одной стороны, во многом определялась принадлежностью к определенной научно-методологической традиции, а с другой - носила отпечаток индивидуального стиля мышления. Поэтому характеристика мировоззренческой парадигмы сибирских либералов способна дать ключ к решению двух проблем: во-первых, к определению неких общих теоретических оснований их позиций, а во-вторых, к выявлению нюансов в социально-философском "плацдарме", связанных как с приверженностью различным методологическим системам, так и с личностными вариациями в интерпретации их принципов.

Индивидуализированный подход к рассмотрению проблемы обусловленности выбора политической ориентации идеологами и непосредственными участниками общественного движения, предполагающий освещение их миро-

воззренческих позиций, должен, очевидно, служить одной из отправных посылок в анализе социально-политических концепций, программных и тактических установок, которых они придерживались. Индуктивный метод исследования, предусматривающий движение от характеристики субъективного мировосприятия к основанным на вычленении общезначимых для либералов ценностей обобщениям, представляется тем более оправданным и необходимым, что либерализм никогда не являл собой единой доктрины или мировоззрения, будучи скорее совокупностью родственных идеологий, своеобразным идеологическим семейством, которое включает в себя широкий диапазон взглядов на причинностные основы мирового устройства, философских и политических приверженностей[1].

Прочной связующей нитью, объединяющей разнообразные, иногда взаимоисключающие мировоззренческие позиции либералов в единую "семью", является признание самоценности и приоритета человеческой личности, представление об индивидуальной свободе как "исходной данности" при построении общежития и соответственно при конструировании социально-политической теории[2]. В этой связи естественно возникает соблазн проанализировать субъективные воззрения отдельных либеральных мыслителей по вопросам сущности человеческого бытия, его первооснов и составляющих, движущих сил становления и развития личности и, наконец, проследить в целом логику их мышления, которая обусловила выход именно на такую методику создания концепции общественного порядка, несмотря на разнообразие философских приверженностей и политических пристрастий.

В среде университетской интеллигенции Томска, являвшейся интеллектуальным ядром и своеобразным мозговым центром либеральной оппозиции в регионе, преобладали сторонники религиозно-идеалистического мировоззрения, что в значительной степени было обусловлено, по-видимому, доминировавшей в семьях системой воспитания и общей направленностью гуманитарной подготовки профессиональных кадров. Однако в самой интерпретации этого мировоззрения и его обосновании представителями либерализма прослеживаются различные подходы - от апелляции к богословской традиции до попыток рациональных доказательств реальности абсолютно-ценного, космического, сверхчеловеческого высшего начала, основанных на системе философских воззрений нового времени.

Своеобразной демонстрацией первого подхода могут служить умозаключения заслуженного профессора богословия, доктора богословия и церковной иерархии, протоиерея Д.Н.Беликова, впоследствии вошедшего в актив томской октябристской организации. В публичной лекции "Чудо как принадлежность откровения", прочитанной в Томске в 1895 г., он давал вполне тради-

---

[1] Шапиро И. Введение в типологию либерализма ... С.7.

[2] Капустин Б.Г. Три рассуждения о либерализме и либерализмах... С.14.

ционалистское, общепринятое в православной богословской апологетике толкование необходимости признания высшего бытия: "Мир не может найти в себе самом достаточного основания и то, что в противовес сему положению лепечет атеизм, - есть только именно лепет, скудные и жалкие речи. Бытие мира с его величием, красотою, порядком, жизнию и разумностью в жизни предполагает другое высшее бытие, где непременно должна быть положена его первопричина. Фактом своего чудного появления и устройства мир устанавливает необходимость признания Бога"[1]. Из этих посылок Д.Н.Беликов делал вывод:"Бог есть всеобщая истина. Это есть утверждение веры и вместе с тем положение того высшего знания, какое именуется философией"[2]. В рамках такой системы мировоззренческих ориентиров основанием для признания ценности человеческой личности служили постулаты христианской религии. Из представления о человеке как "высшем на земле создании Божием, ... наделенном достоинством Богоподобия, возлюбленном Господом до самоотверженной смерти на Голгофе", логически выводилось положение:"...каждый из людей есть величайшая ценность в очах Создателя, призванная к вечному с Собою общению в блаженстве вечного царства".

Подобная логика обоснования ценности человеческой личности была тесно связана с неприятием Д.Н.Беликовым воззрений, рассматривающих человека как материальный механизм, существо животного происхождения, включающих его в зоологическую цепочку не только по телу, но и по душе, а потому подразумевающих под его благом прежде всего благо рода и интересующихся личностью лишь постольку, поскольку она может содействовать совершенствованию рода[3]. Отсюда же и протест против сугубо прагматического подхода к оценке личностных возможностей, в основе которого заложен единственно критерий полезности и который не позволяет учитывать широту сострадательной человеческой души, являющейся "отблеском Божественного Духа"[4].

В такой трактовке понятия личности можно уловить некоторые тенденции его индивидуализации, свидетельствующие об отходе в определенной мере от ортодоксально-православных мотивов христианства с их идеями соборности. Вместе с тем индивидуалистическое начало личности все же ставилось под сомнение восприятием души как "отблеска Божественного Духа". Исходя из признания Бога первоисточником всего сущего, религиозно-мистический подход предполагал весьма специфичную трактовку самого понятия

---

[1] Беликов Д.Н. Чудо как принадлежность откровения. Публичная лекция. Томск. 1895. С.14.

[2] Он же. Речь, произнесенная в храме Императорского томского университета 22 октября 1989 г. Б.м., б.г. С.3.

[3] Там же. С.6.

[4] Там же. С.3, 5.

"ценность личности" как "ценность в очах Создателя", которая в данном случае безусловно не является эквивалентом либерального представления о ее самоценности. Давая почву для возвышения личности как "наделенного достоинством Богоподобия создания", христианизированная логика тем не менее не предусматривала ее приоритета. Провозглашение же Д.Н.Беликовым в соответствии с заповедями Божиими одним из основополагающих принципов человеческого общежития уважения и любви к ближнему, заботы о его благе[1], пожалуй, в большей степени освящало общинно-коллективистские приоритеты, а не индивидуалистические устремления личности.

Несовместимость православной традиции, заложенных в ней начал соборности с принципами индивидуализма неизбежно ограничивала возможности христианского гуманизма в обосновании либеральных ценностей[2]. К тому же иррациональные представления православного христианства о существовании загробного мира, внеземной жизни, в которой каждому воздастся по его заслугам, приводили к абстрагированию от реальных условий бытия человека. Показательно в этом отношении заявление Д.Н.Беликова: "Нет ничего ценнее достоинства человеческой личности, в каком бы положении она здесь ни находилась, какое бы из земных состояний ни переживала"[3]. С другой стороны, категоричное неприятие позитивизма с позиций традиционалистского религиозно-идеалистического мировоззрения оборачивалось признанием ограниченности возможностей человеческого познания. Поскольку "за пределами мира видимого должен быть и есть мир, нашим внешним чувствам неподлежащий", постольку, по утверждению Д.Н.Беликова, "в области доступного нам конечного мира мы овладеваем познаниями только вторичных причин, - причины первичные от нас ускользают"[4]. Безусловно такая логика косвенно предполагала сдержку творческих потенций личности, служила препятствием на пути полноценной реализации личностных возможностей и инициативы, которые в либеральной концепции рассматривались как основа общественного развития.

Поэтому обращение к традициям светского гуманизма, к философским учениям, основанным на рационализме эпохи Просвещения, содержало в себе гораздо большие теоретические возможности для утверждения приоритета личности, чем апелляция к ортодоксальным мотивам теизма.

---

[1] Беликов Д.Н. Речь, произнесенная в храме... С.3, 5.

[2] В этом отношении западный либерализм обладал определенными преимуществами, связанными со способностью протестантизма стать если и не теоретическим фундаментом, то во всяком случае его своеобразным религиозным вдохновителем и идейным "союзником".

[3] Беликов Д.Н. Речь, произнесенная в храме... С.6.

[4] Беликов Д.Н. Чудо как принадлежность откровения... С.20.

Серьезное внимание изучению и разработке философских основ либерального мировоззрения уделял профессор юридического факультета Томского университета И.В.Михайловский, писавший: "Путеводною звездою высшей духовной жизни, расцветающей под эгидой государства, является философия". Однако его стремление опереться на почву рационализма не являлось показателем разрыва с традиционными религиозными началами. Напротив, признавая, что без помощи философии нельзя построить более или менее удовлетворительного мировоззрения, И.В.Михайловский рассматривал религию в качестве основы метафизики[1]. Приветствуя усиление идеалистических течений, возрождение метафизики идеализма как "самое крупное и важное явление современной культуры, богатое плодотворными последствиями", залогом достижения таковых профессор считал тесную связь с пробудившимися религиозными стремлениями. Единение идеалистической философии и религиозных духовных ценностей призвано было, по его мнению, стать "важнейшим фактором грядущей культуры" и спасением от той "бездны, куда влечет нас партийная "наука" с ее догматами"[2].

И все же в рамках подобных религиозно-метафизических установок ортодоксальный теизм уже не признается самодостаточным основанием для мировоззренческих конструкций. Будучи учеником Б.Н.Чичерина, И.В.Михайловский не мог не испытывать влечения к гегелевской философии, являвшейся теоретическим фундаментом социально-политической концепции для большинства представителей классического "дворянского" либерализма в России второй половины XIX в. Для И.В.Михайловского философия Гегеля являлась "вершиной европейской мысли", поскольку "ни до него, ни после него не было системы философии, задуманной и построенной так грандиозно, так глубоко, с таким богатым содержанием, давшей так много ценного". Однако осознание того, что на трудах Гегеля развитие философии не остановилось, побуждало его к признанию:"...в сущности ни на одном философе успокоиться нельзя: все они друг друга дополняют"[3].

Отказ от изначально присущей русскому либерализму однозначности в философских приверженностях, проявлявшейся в преимущественной ориентации на гегелевскую философию, являлся одной из примет неолиберализма. На рубеже XIX-XX вв. происходит своеобразное духовное раскрепощение интеллигенции, ее переориентация на широкие мировые перспективы, чему в немалой степени способствовало и распространение в России марксизма, сформулировавшего принципиально новую проблематику. Этот процесс был

---

[1] Михайловский И.В. Религия и народное образование. Новониколаевск, 1919. С.2.

[2] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов. Правовые прелюдии к грядущей культуре. Томск, 1910. С.25.

[3] Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т.1.С. 190.

сопряжен с попытками самостоятельного, свободного, творческого восприятия разнообразных философских учений и критического осмысления их постулатов. Внутренняя раскованность позволяла либералам новой формации синтезировать в своем индивидуальном мировоззрении наиболее ценные, на из взгляд, элементы различных философских систем.

И.В.Михайловский, в частности, полагал необходимым признать наличие "взаимного дополнения" между Кантом и Гегелем[1]. В основе правильного научного мировоззреция, по его мнению, всегда должны быть заложены следующие истины, содержавшиеся в философии Канта: 1) разум есть совершенно самостоятельный, независимый от опыта источник познания; 2) за миром, доступным внешним чувствам, взвешиванию, измерению и т.п., находится мир, доступный только духовному взору, мир, служащий основой внешнему миру; 3) сущность духа заключается в свободе, живой деятельности; 4) человек, как носитель нравственного закона, есть самоцель и имеет право на безусловное уважение; 5) мир покоится на известных рациональных началах[2]. Естественно, что для ученого, почитавшего руководящим началом своей деятельности либерализм, положения кантианства о самоцельности человеческой личности, ее творческих началах, проявляющихся в свободной, инициативной деятельности, не могли не обладать несомненной притягательной силой. Но, с другой стороны, гносеологическая сторона философского учения Канта, отрицавшего способность человека возвышаться до познания абсолютного, побуждала И.В.Михайловского оценивать возможности кантианства и неокантианства в обосновании либеральных ценностей если не в пессимистическом, то во всяком случае скептическом тоне. Заслугу Канта он усматривал исключительно в отчетливой постановке проблемы познания, но отнюдь не в ее решении. В рецензии на учебник профессора Берлинского университета И.Колера, являвшегося главой неогегельянского направления в философии права, И.В.Михайловский писал: "Все современное движение под знаменами позитивизма, релятивизма и т.п. имеет своим исходным пунктом ту непроходимую пропасть, которую создал Кант между субъектом и объектом. А между тем этот дуализм ложен в корне: наш мыслительный аппарат со своими формами, категориями и идеями есть часть окружающего нас мира, а потому не может быть принципиальной разницы между миром и нашими понятиями. Объект метафизики недоступен нашим внешним чувствам, но он доступен нашему разуму, открывающему родственный ему разум во Вселенной"[3].

---

[1] Там же.

[2] Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина... С.37, 38.

[3] Михайловский И.В. Рецензия на учебник философии права Иосифа Колера. Берлин, 1909 . Б.м., б.г. С.367.

В контексте таких рассуждений вполне логичным выглядит неприятие И.В.Михайловским лозунга "назад к Канту" и его призыв "назад к Гегелю". Не в неокантианстве, а в неогегельянстве усматривает он перспективное направление мысли, которому принадлежит будущее[1]. В поисках удовлетворительного объяснения явлений мировой жизни, их эволюции, закономерности, их общей гармонии И.В.Михайловский считает необходимым обратиться к основополагающей идее философии Гегеля, заключающейся в утверждении существования Абсолютного Источника всей мировой жизни: "Бог есть Абсолютный Разум и Абсолютное Добро. Он есть Первоисточник всех законов мира во всех его порядках"[2]. Главное преимущество гегелевской философии усматривается при этом прежде всего в окончательном устранении дуализма мышления и бытия, человеческого разума и "вещи в себе", начатом Фихте и Шеллингом. Поскольку природа и дух воспринимаются как последовательные формы развития единого абсолютного бытия, постольку существует тождество законов человеческого разума и законов развития всего сущего, тождество мышления и бытия. Последнее в своих высших проявлениях познает себя, как мыслящий разум.

Признание существования Абсолютного Разума и Абсолютного Добра как свойств Первоисточника всей мировой жизни подводило к восприятию человеческого духа (ноуменального Я) как искры Божией, как члена мирового этического порядка. Отсюда И.В.Михайловский считал возможным извлечь вывод, имевший чрезвычайное значение для подтверждения центрального постулата либеральной доктрины о самоценности человеческой личности:"...человек принципиально отличается от животного, ...он обладает разумом, аналогичным Абсолютному Разуму ("человек создан по образу и подобию Божию"), а посему законы его разума аналогичны законам мирового бытия, и он может открывать и понимать законы, управляющие жизнью мирового этического порядка"[3].

Таким образом, панлогизм философии Гегеля, отрицавшей существование границ для разума, непознаваемых "вещей в себе", привлекал либералов констатацией способности человека возвышаться до познания абсолютного, которая, в свою очередь, рассматривалась как основание права личности на уважение к себе[4].

Тезис о существовании Абсолютного источника всей мировой жизни и общих законах его развития стал для И.В.Михайловского исходным в конструировании теории естественного права. В самом общем виде суть естествен-

---

[1] Михайловский И.В. Очерки философии права...С.190; Он же. Рецензия на учебник ... С 367.

[2] Михайловский И.В. Очерки философии права ... С.199.

[3] Там же. С.201.

[4] Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина ...С.27.

но-правовой доктрины он излагал через перечисление следующих основных ее компонентов:"1) комплекс общих разумно-этических принципов, вечных и неизменных, регулирующих поведение людей; 2) связь этих принципов с Первоисточником мировой жизни; 3) реализация их в положительном праве сообразно условиям места и времени; 4) двоякая роль их в правовой жизни: они - основа положительного права, элемент, придающий праву прочность, устойчивость, сообщающий ему высшее этическое освещение (конститутивная функция); они - критерий для оценки положительного права, фактор прогрессивного развития (нормативная функция)"[1].

Гегелевское восприятие абсолютного бытия, основы всего сущего не как неподвижной субстанции, а как развития духа, совершающегося на основе диалектического закона примирения противоположных определений в высшем единстве (тезис, антитезис, синтез) позволяло, по мнению И.В.Михайловского, устранить резкое противопоставление идеальных начал и реального мира. Идеальные начала (должное Канта) утрачивают облик абстрактных норм, становятся "живыми силами, проявляющимися в реальном мире", "реализующимися идеями, лежащими в основе всех конкретных явлений". Соответственно естественное право трактуется как идеальная основа положительного права, руководящим принципом которого должен быть синтез личной свободы и объективного порядка. В результате естественное право не противопоставляется положительному, а составляет его "идеальную сущность, вечную основу и вместе с тем фактор всего исторического развития". Возможности же воплощения этой идеи в действительности обусловлены конкретными (местными и временными) условиями данной социальной среды[2]. Поэтому право воспринимается как "реализация в данной среде известных абсолютных начал", как часть мирового разумно-этического порядка.

В такой интерпретации философия права приобретает практическое значение: "она спасает от двух крайностей: от полного преклонения перед существующим правом и от легкомысленного отрицания этого права, если это покажется несоответствующим тем или другим идеалам. С другой стороны, философия права дает критерии и для оценки самих идеалов, для различия идеалов от утопий"[3].Очевидно, эта формула в сочетании с признанием руководящим принципом положительного права синтеза личной свободы и объективного порядка может быть истолкована как вполне адекватно отражающая сам дух классического либерализма, основанного на признании тесной взаимосвязи либеральных идеалов и консервативных ценностей. Уважение к существующему, и прежде всего к существующему, положительному праву, традиционно рассматривалось либералами как гарантия предотвращения

---

[1] Михайловский И.В. Очерки философии права .. С.198.

[2] Там же. С.190-191.

[3] Там же. С.35-36.

произвола законодательной власти, связанного с субъективизмом ценностных ориентаций.

Гегелевская диалектика привлекала либералов не только открывавшимися в ее рамках возможностями примирения идеалов и реалий, преодоления их противопоставления, но и признанием идеи развития в качестве основной идеи мирового процесса. На основе сформулированных Гегелем общих законов развития Б.Н.Чичерин в свое время создал концепцию развития истории культуры, которую И.В.Михайловский оценивал как "одну из грандиознейших концепций человеческого ума". Разделяя основные ее положения И.В.Михайловский так излагал суть: "Развитие есть постепенное осуществление внутренней природы развивающегося существа;... начала, господствующие на высших ступенях развития, развиваются постепенно и в зачатках находятся уже в первоначальных формах. Общий ритм развития состоит в том, что из первоначального единства выделяются противоположности, каждая из них развивается самостоятельно, а затем все сводятся к высшему, гармоничному единству, в котором эти противоположности находят каждая свойственное ей место"[1].Кредо либерализма в трактовке общественного развития, унаследованное от своего учителя, И.В.Михайловский предельно лаконично выразил в формуле: "Настоящее есть результат прошедшего и основа для будущего". Представление, согласно которому "Грядущая культура не может быть чем-то принципиально новым, отделенным от современной непроходимой пропастью"[2], отражало восприятие общественного развития как движения поступательного и преемственного.

В целом же перевод приведенных философских рассуждений на язык социологии позволяет вычленить в качестве центральных постулатов теории общественного развития следующие: эволюционизм, постепенность общественных преобразований; учет в реформаторских замыслах изначальных социальных реалий, диктующий необходимость утверждения и развития, а не радикального отвержения последних; преемственность в общественном развитии; стремление к примирению социальных крайностей, противоположностей в исторической перспективе. В таком контексте становится очевидным, что гегелевская диалектика содержала богатые возможности для философского обоснования либеральной теории прогресса.

Однако, если либералы 50-70-х гг. XIX в. могли довольствоваться методологическим потенциалом концепции Гегеля, то их последователи в начале XX в. вынуждены были вносить в нее определенные коррективы, продиктованные усилением влияния релятивизма в связи с философским осмыслением революции в физике и глубокими переменами в представлениях о социальной сущности современного мира. Неолибералам приходилось считаться с начи-

---

[1] Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина...С.29.

[2] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов... С.25.

нающим доминировать в науке историко-генетическим направлением, основанным на отрицании относительной устойчивости вещей и явлений, отказе от абсолютных истин, на подчеркивании постоянного, бесконечного изменения, движения, эволюции действительности.

Признавая, что это направление дало науке много ценного, И.В.Михайловский в то же время опасался его тотального господства, признания его самодостаточным в интерпретации социальных явлений. В основе таких опасений лежало не только вполне естественное для ученого неприятие агностицизма, путаницы понятий, порожденной преклонением перед принципом относительности, но и осознание возможности распространения принципа релятивизма на область нравственных отношений, появления этического релятивизма, оправдывающего духовный и практический анархизм, моральную беспринципность, произвол, разгул низших страстей, слепую веру в грубую силу. Стремлением не допустить исчезновение "всяких твердых точек опоры", утрату абсолютных ценностей в хаосе относительного, условного был проникнут призыв И.В.Михайловского дополнить историко-генетическое направление идеалистической философской традицией, представленной именами Платона, Спинозы, Лейбница, Гегеля, Канта[1].

С другой стороны, распространение релятивистских воззрений заставило И.В.Михайловского усомниться в универсальности диалектической схемы Гегеля, казавшейся бесспорной его учителю Б.Н.Чичерину. Не случайно в качестве наиболее перспективного направления в философии ему представлялось неогегельянство с привнесенным в теорию Гегеля Шопенгауэром и Ницше признанием существования в мире массы неподдающегося логике, случайного, неразумного. Именно констатация существования иррациональных начал, не укладывающихся в строгую диалектическую схему Гегеля, послужила И.В.Михайловскому основой для утверждения о разумности мирового процесса в общем ходе развития и конечных целях, но не в частностях. "Культура есть постоянный прогресс, - писал он, - но этот прогресс сплошь и рядом прерывается; он движется не по прямой линии, а по линии чрезвычайно извилистой во всех направлениях"[2].

Тем не менее убежденность в том, что общая направленность развития верно схвачена в гегелевской диалектике, питала социальный оптимизм И.В.Михайловского, его веру в возможность реализации либеральных ценностей, воспринимавшихся как аналог разумных начал. Он подчеркивал: "Зная закон развития и его ритм, зная, что принципом этого развития является стремление к осуществлению известных разумных начал, мы совершенно иначе отнесемся к целому ряду печальных явлений жизни. Мы не подчинимся этим явлениям, будем бороться с ними, твердо веря, что светлые идеалы ис-

---

[1] Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина...С.38.

[2] Михайловский И.В. Рецензия на учебник...С.368.

тины, свободы, справедливости, всеобщего братства и отсутствия насилия представляют собой реальность, гораздо более сильную, чем все зло жизни, реальность, в конце концов восторжествующую над этим злом"[1].

Таким образом, социальный оптимизм философии, обусловленный идеями неизбежности торжества в конечном итоге абсолютных разумных начал, был сопряжен также и с представлением об активной роли людей, каждого человека в историческом развитии.

Появление человека рассматривалось в социальной философии И.В.Михайловского как закономерный, логический этап бесконечной эволюции мировой жизни, имеющей свой ритм, свои законы: "Единая, абсолютная, творческая сила, лежащая в основе мироздания, дает материи все высшее и высшее строение, приготовляя ее к восприятию духа. В человеке история развития органического мира завершается"[2]. Вместе с тем этот этап оценивается как принципиально, качественно новый, поскольку дальнейшее развитие предопределяется уже духовным началом. Поэтому И.В.Михайловский полагал бессмысленным перенесение на историю человечества тех законов развития, которые коренятся в свойствах материи. Так, в частности, совершенно неприемлемым для выявления сути социальных явлений считал он закон борьбы за существование, поясняя свою позицию следующим образом: "Если бы это начало играло в истории такую первенствующую роль, какую ему приписывают, то человечество не только не подвинулось бы вперед, а вечно осталось бы на степени животной. Борьба за существование ничего не может развить, кроме животных инстинктов ...Только прогрессивные цели способны дать и прогрессивный характер борьбе, из чего ясно, что развитие человечества определяется развитием разумных целей; борьба же (и притом борьба преимущественно духовным оружием) - только средство"[3].

Безусловно, И.В.Михайловский был не в состоянии настолько абстрагироваться от реалий своего времени, чтобы игнорировать социальную борьбу, ставшую, по его же признанию, одним из обычных явлений общественной жизни. Но задачу человеческих обществ, государства он, будучи верен духу либерализма, усматривал в том, чтобы умерить эту борьбу и привести враждующие силы к согласию. В определении же И.В.Михайловским сущности и значения процесса борьбы четко различимы мотивы идеалистической философии. Значимыми для истории человечества, по его мнению, являются не процесс борьбы сам по себе, а те начала, которые раскрываются в этой борьбе и которые часто не имеют ничего общего с материальным существованием.

---

[1] Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина ...С.29.

[2] Там же. С.36.

[3] Там же. С.36, 37.

"Эти начала вытекают из духовной стороны человека, из его духовного мира, источником которого служат разум и воля"[1].

Таким образом, принципиальная новизна этапа мировой эволюции, связанного с появлением человеческой личности, определяется тем, что главным двигателем развития человечества становятся не слепые влечения,не материальные интересы, а разум. Значение разума заключается в том, что он "вносит свет в хаос борющихся сил и стремлений и тем самым делает их способными служить высшим целям человечества"[2].

В качестве основной, единой цели всей истории человечества, представляющей одно преемственное движение на основе общих законов, в философских категориях определяется раскрытие существа духа. Чрезвычайно важную роль в ее достижении (и в земной жизни как одном из проявлений мировой эволюции вообще) И.В.Михайловский отводил человеку. Он, в частности, писал:"...человек, являясь на первых ступенях эволюции полуживотным, ...прогрессирует в своем развитии и становится свободным и сознательным участником в мировом процессе реализации Добра, осуществлении царства Божия"[3]. Двоякое содержание практической деятельности человечества в этом отношении как бы предопределяет два ее этапа. Если на первом этапе людям предстоит покорить природу и создать материальную основу для высшей духовной жизни, то на втором этапе они оказываются перед проблемой еще более сложной и масштабной - созданием нравственного порядка общежития[4]. В качестве же необходимых условий и гарантий успешного разрешения стоящих перед человечеством задач познания мира, создания культуры, обеспечения господства над землей, а быть может и над более обширными частями мира при помощи техники, рассматривались, во-первых, всестороннее развитие личности и, во-вторых, надлежащая организация общест-

---

[1] Там же. С.26, 27.

[2] Там же. С.36.

[3] Михайловский И.В. Очерки философии права...: С.201.

[4] Такое вычленение этапов практической деятельности человечества на основе представлений о ее содержательной стороне является несомненным упрощением и может носить исключительно условный характер. Сам Михайловский рассматривал всю историю человечества как единое поступательное, преемственное движение, вполне допускающее во временных рамках пересечение и наложение двух уровней проблем, стоящих перед людьми, и соответственно направленных на их решение усилий. Он писал:"...человечество, как правильно учил Гегель, постоянно идет вперед, создавая вечные культурные блага, оно все больше познает окружающее, овладевает землею и одухотворяется". См.: Михайловский И.В. Рецензия на учебник ...С.368

ва, поскольку человечество может достигнуть своих целей только общими силами[1].

Таким образом, в целом гегелевская диалектика оказалась органично вплетена в либеральную доктрину, давая теоретическое основание таким ее положениям, как эволюционизм, социальный компромисс, активная созидательная роль человеческой личности в историческом процессе, необходимость всестороннего развития личности и создания для этого оптимальных условий в рамках общественной организации.

Вместе с тем возможности старого гегельянства в обосновании идеала эволюции человечества воспринимались неолибералами (в отличие от предшественников) как весьма ограниченные. Опираясь на центральное положение моральной философии Гегеля по вопросу о значении государства, Б.Н.Чичерин заявлял, что в государстве идея человеческого общества достигает высшего своего развития. Либералы же новой формации относились к этому утверждению с известной долей скепсиса, считая его безусловно верным лишь для существующего в реальности порядка вещей. Признавая государство высшим типом социального общения, известным до настоящего времени, перспективы общественного развития они связывали с реализацией идеи человеческого общения в масштабах всего человечества, "единого стада с един Пастырь"[2].

По-видимому, появление таких воззрений было продиктовано самой атмосферой начала XX в. с присущими ему тенденциями интернационализации в экономике и политике и обусловленным этими тенденциями распространением социально-политических концепций, отличавшихся глобализмом в видении и постановке перспективных задач человечества (в частности, марксизма с его поистине мировым размахом). Вместе с тем смещение акцентов в неолиберализме с формы, каковой представлялось государство, на нравственное содержание, заключавшееся в самом процессе общечеловеческого общения, в известной степени было отражением религиозно-философского ренессанса в России начала XX в. Совокупность названных факторов породила расхождения во взглядах Б.Н.Чичерина и И.В.Михайловского, учителя и ученика, по вопросу о значении государства с точки зрения конечных результатов развития человечества. Симптомом отхода И.В.Михайловского от старого гегельянства можно считать его отрицательное отношение к строго гегелев-

---

[1] Михайловский И.В. Рецензия на учебник... С.369.

[2] Тарановский Ф.В. Новый опыт построения философии права в русской литературе. Рец на: Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т.1.- Юрьев, 1915. С.44.

скому воззрению на современность как на высшее проявление чистой идеи и признание высшим типом человеческого общения "международного союза"[1].

Вероятно, И.В.Михайловский отдавал себе отчет в неизбежности элементов утопизма в перспективном прогнозировании хода развития человечества. Во всяком случае, во вступительной лекции по курсу философии права, прочитанной студентам юридического факультета Томского университета 18 сентября 1907 г., он отмечал: "Так как эволюция человечества только еще начинается, несмотря на все тысячелетия существования человека на нашей планете, то никакая фантазия не в состоянии нарисовать нам образы конечного пункта этой эволюции"[2]. Однако определение общей направленности эволюции, основных ее путей и вех представлялось И.В.Михайловскому вполне осуществимым с учетом тезиса о единстве мира, вытекающего из признания существования Абсолютного Разума и Добра как свойств Первоисточника всей мировой жизни. Раскрывая суть этого тезиса через характеристику единства составных элементов, сил и законов мира, он считал возможным сделать следующий вывод: "Окружающая нас земная жизнь со всеми ее проявлениями есть лишь бесконечно малая частица мировой жизни; и как физический порядок жизни земли тесно связан с физическим порядком жизни мира, так и разумно-нравственный порядок имеет такую же связь: он есть частица мирового этического порядка"[3].

Какова же перспектива, рисовавшаяся мысленному взору философа, обращенному к судьбам человечества? Ее абрис оказывается одновременно выдержанным и в духе идеалистического мировоззрения, и в духе приоритетных ценностей либерализма. В качестве ближайшего (и вместе с тем страшно отдаленного) идеала, к которому медленно, но неуклонно стремится человече-

---

[1] Михайловский И.В. Очерки философии права ...С.71. Вместе с тем прорыв Михайловского по вопросу о государстве в сторону неогегельянства, по справедливому замечанию Ф.В.Тарановского, оказался не слишком последовательным. Придерживаясь старогегельянских воззрений в вопросе об отношении закона к другим формам положительного права, Михайловский провозглашал закон, являющийся высшим типом положительного права до сих пор , чистым типом с точки зрения идеи права. В этой связи Ф.В.Тарановский указывал на противоречивость его позиции:"...автор, сумевший по поводу государства подметить, что уже и в настоящее время многое сделано для организации высшего, чем государство, союза, закрывает глаза на признаки протеста современного правосознания против абсолютного господства закона". См.: Тарановский Ф.В. Указ. соч. С.45.

[2] Михайловский И.В. Университет и наука. Вступительная лекция в курсе философии права, читанная 18 сентября 1907 г. студентам I курса юридического факультета. Томск, 1908. С.7.

[3] Михайловский И.В. Очерки философии права... С.201.

ство, И.В.Михайловский намечал "превращение нашей планеты в одухотворенный сад человечества, как почву для идеального общежития, то есть всеобщего братства свободных, гармонически развитых индивидуумов, пользующихся всеми благами культуры и живущих высшею духовною жизнью, общежития, где уважение к личности и к праву войдет в плоть и кровь каждого, где единственной формой борьбы будет духовная борьба и где не будет места для какого бы то ни было проявления дикости и насилия"[1].

Выход И.В.Михайловского за узко-национальные рамки в трактовке перспектив существования различных народов, уверенность в торжестве общечеловеческих ценностей опять же были обусловлены его философскими приверженностями. Из философского осмысления жизни, основанного на учении Гегеля, он вынес признание того, что при всем разнообразии национально-государственных особенностей народы составляют только отдельное выражение общей духовной сущности (человечество). Чем выше историческое призвание народа, тем ближе он стоит к этой сущности и тем полнее ее отражает. Отсюда и вывод о приоритете общечеловеческого, а не узконациональных начал в судьбах всех народов, подвизающихся на историческом поприще[2]. В таком контексте вера И.В.Михайловского в осуществление евангельских предсказаний о всеобщем братстве [3] приобретала некоторые рациональные очертания.

На первый взгляд, создается впечатление, что видение И.В.Михайловским перспектив существования человечества являлось типичной утопией. Между тем профессор четко разграничивал постулировавшийся им социальный идеал и утопии. Основой дифференциации понятий "идеал" и "утопия" для него являлось соотнесение с Абсолютом. Идеал, будучи недостижимым в полной мере, воспринимался тем не менее как воплощение и аналог абсолютных, разумных начал, как компонент мирового разумно-этического порядка [4]. Утопиями же, к числу которых философ относил прежде всего социализм и анархизм в их партийно-политических ипостасях, являлись для него совершенно произвольные конструкции, фантастические построения. Даже частичная реализация заложенных в них замыслов представлялась И.В.Михайловскому невозможной. "Сколько бы мы ни стремились к

---

[1] Михайловский И.В. Университет и наука...С.7.

[2] Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина ...С.37.

[3] Михайловский И.В. Моцарт. По поводу 150-летия со дня его рождения (27 января 1756 - 27 января 1906 гг.). Томск. 1906. С.2

[4] В качестве иллюстрации представления об идеале И.В.Михайловский приводил пример из области геометрии: невозможно сделать идеальный шар, но идея шара заложена в основе всех "материальных" шаров и служит критерием для оценки работ. См.: Михайловский И.В. Очерки философии права... С.217.

ним, как бы мы ни верили в их осуществление, - писал он, - мы никогда ничего не получим"[1].

Тем не менее в концепции самого И.В.Михайловского несомненно присутствовали элементы умозрительности, усиливавшиеся идеалистическими философскими приверженностями[2]. Его попытка обосновать осуществимость намеченного социального идеала общими ссылками на свидетельства прошлой истории земли о постоянном прогрессе, о реальности тех достижений, которые каких-нибудь два-три века назад представлялись абсолютно невозможными утопиями, о разумной основе эволюции[3] по сути не несет в себе реалистической нагрузки в данном контексте.

И все же нельзя безоговорочно признать логику социологических рассуждений И.В.Михайловского логикой "кабинетного" ученого, полностью абстрагировавшегося от драматических событий в России начала XX в. Современная российская действительность воспринималась им как поистине трагичная, характеризующаяся господством грубой силы, произвола, дикости, огромной массы совершающегося зла, невиданной "вакханалией зверя в человеке". Естественно, шансы философии пессимизма в таких условиях возрастали чрезвычайно. Противоядием этой философии И.В.Михайловский, будучи, по-видимому, человеком эмоциональным и эстетом, считал великие произведения человеческого духа в области философии, науки, искусства; музыку, отражающую полное гармонии, красоты, радости и света мировоззрение; нравственные подвиги отдельных личностей. Все это должно было, по его мнению, в противовес пессимистическим представлениям о превалировании темных сил в человеке укреплять убеждение в том, что "человек все-таки есть завершение того великого, дивного, гармонического и разумного порядка, который называется мирозданием"[4].

Используя язык аллегорий, о таком рецепте противоядия уместно было бы говорить как о традиционной медицине, своего рода знахарстве. Диагноз же и рецепт Михайловского-профессионала был выдержан в классических формулировках философии объективного идеализма неогегельянского образца:"...если в общей мировой экономии физическая жизнь нашей планеты имеет свое значение, не может быть бесследно уничтожена, тесно связана с общей физической жизнью, то точно так же и духовная жизнь составляет часть общего мирового порядка, разумно-нравственного, а посему не может пропасть бесследно, имеет свое значение. Пессимизм окончательно теряет под

---

[1] Михайловский И. В. Университет и наука...С.4; Он же. Культурная миссия юристов...С.24; Он же. Очерки философии права...С.217.

[2] Впрочем, вероятно, таков удел всех версий общесоциологической теории, принимающих на себя прогностические функции.

[3] Михайловский И.В. Университет и наука...С.7.

[4] Михайловский И.В. Моцарт...С.1-2-.

собой почву: в мировой эволюции возможны моменты регресса, моменты застоя, преобладания зла, но несмотря на все эти диссонансы, общий аккорд звучит в мажоре, а не в миноре, он имеет характер светлый, а не мрачный, мир стремится к царству света, а не тьмы"[1].

Однако жизнеутверждающий, преисполненный оптимизма мотив, выводимый И.В.Михайловским в оценке перспектив человечества, не доводился до абсурда эйфории. Он уравновешивался признанием содержащейся в пессимизме части истины, являющейся "очень полезным противовесом против того наивного оптимизма который думает, что мы можем достигнуть всех благ сложа руки"[2]. Эта истина заключается в констатации существования зла вообще и зверя в человеке, в частности, в осознании высокой степени вероятности превращения нашей планеты не в сад человечества, а в настоящий ад при условии отказа людей от постоянной борьбы с силами Тьмы за приближение к заветным целям.

Определяя действительные и действенные гаранты достижения намеченного социального идеала, И.В.Михайловский прочно встает на почву реализма. Таковыми он считает, во-первых, активную деятельность человека, который не допустит добровольного превращения в раба низшей стороны своей природы; во-вторых, наличие надлежащей социальной организации, на основе которой только и может развиваться духовная культура; и, наконец, в-третьих, право как цемент, без которого распалось бы все общественное здание. "Никакая проповедь о нравственном самоусовершенствовании, о стремлении к Богу, о любви к человечеству не приведет к желательным результатам, если нет прочного правового фундамента," - наставлял профессор своих студентов[3]. И здесь уже содержался прямой выход на концепцию правового государства, в разработке которой весьма преуспели российские либералы.

В целом философские рассуждения И.В.Михайловского являются убедительным свидетельством того, что объективный идеализм позволял дать рациональное, логически стройное, хотя и с очевидными элементами умозрительности, обоснование ключевых постулатов либерализма. Тем не менее среди его адептов не существовало однозначно положительного отношения к гегельянству или неогегельянству. Характерный для них широчайший плюрализм в философских приверженностях допускал ориентацию не только на иные вариации религиозно-идеалистического мировоззрения, но и на материалистические учения.

Гамма оттенков в определении либералами философского потенциала материализма была довольно насыщена. Сторонниками идеалистических воззрений он, естественно, оценивался почти исключительно в негативных тонах

---

[1] Михайловский И.В. Университет и наука...С.8.

[2] Там же.

[3] Там же.

Констатируя абсолютную неспособность материализма с его теорией "слепого механизма" к объяснению начала вещей, смысла их существования, Д.Н.Беликов в выступлении перед населением Томска решительно отвергал его как "мировоззрение узкое и низменное, оставляющее человека впотьмах на самые жгучие вопросы его сознания"[1]. Прямолинейный негативизм доктора богословия по отношению к серьезному направлению в философской мысли выглядит в данном случае скорее как эмоциональный всплеск, чем как попытка аргументированного обоснования своей позиции.

Гораздо более сложная задача стояла перед И.В.Михайловским, которого избранная им научная форма изложения собственных взглядов обязывала к рациональному подходу в анализе философских воззрений оппонентов. Поэтому, не ограничиваясь простым утверждением несогласованности экономического материализма с фактами жизни, профессор права давал развернутую характеристику его теоретических просчетов.

Ошибочной, на взгляд И.В.Михайловского, являлась сама исходная посылка экономического материализма, заключавшаяся в стремлении вывести всю общественную жизнь, всю историю культуры, всю духовную жизнь из одного начала. Приветствуя монизм в гносеологии и метафизике, он считал его совершенно неуместным в объяснении социальной жизни во всем многообразии ее сложнейших разнородных и взаимообусловленных проявлений.

Усматривая в материализме неправомерное отождествление понятий "социальный" и "экономический", в то время как в действительности второе понятие включает лишь часть содержания первого, И.В.Михайловский фактически обращал свою критику против экономического детерминизма. Он был готов согласиться с тем, что экономический фактор, на который ранее не обращали достаточного внимания, должен занять подобающее место среди других факторов истории культуры. Более того И.В.Михайловский признавал особый, преобладающий характер экономических потребностей, забот о добывании средств к жизни, основываясь при этом на элементарной логике здравого рассудка: прежде чем думать о какой бы то ни было духовной жизни, человек должен пить, есть, одеваться, иметь жилище. Соответственно, истину, заключавшуюся в теории экономического материализма, он усматривал в констатации невозможности духовной жизни без материальной основы. Но эта материальная основа, экономическое начало должны рассматриваться не как причина, а как одно из условий появления произведений духа. Отрицание же экономическим материализмом самостоятельности других факторов в истории, помимо экономического , выглядит как глубочайшее заблуждение. В частности, как специалист в области философии права, И.В.Михайловский особо настаивал на признании в качестве самостоятельного фактора права,

---

[1] Беликов Д.Н. Чудо как принадлежность откровения...С.14, 15.

которое, по его мнению, не должно восприниматься исключительно как отражение экономики или результат классовой борьбы.

Для И.В.Михайловского в равной степени были неприемлемы поощряемые экономическим материализмом претензии экономии как специальной науки и на монополию в изучении общественных явлений, и на роль теоретического фундамента философии истории. Он высказывал убеждение, что ни история культуры (для Михайловского - это история в самом широком смысле слова -О.Х.), ни социология не могут исходить в своих исследованиях и выводах из одного какого-нибудь фактора социальной жизни, из одного рода ее явлений, а должны учитывать всю сложность и многообразие социальной жизни[1].

Своим протестом против узости подходов в изучении истории и жизни общества и поддержкой принципа системности в интерпретации социальных явлений И.В.Михайловский, с одной стороны, как бы продолжал традиции сложившейся в конце XIX в. школы профессора Петербургского университета С.Ф.Платонова с его "теорией факторов", предусматривавшей в качестве основной задачи исследователя рассмотрение влияния на ход истории различных и, как правило, равнозначных факторов исторического процесса (географического, политического, социального, экономического, этнографического и др.) во всех их связях и взаимообусловленностях. С другой стороны, такая постановка вопроса в известных отношениях предвосхищала появление концепции "глобальной", "синтетической" истории, с блеском обосновывавшейся впоследствии в трудах М.Блока, Л.Февра, Ф.Броделя и других представителей школы "Анналов".

В целом отношение И.В.Михайловского к экономическому материализму безусловно было весьма критичным однако не выглядело негативистским, полностью исключавшим попытки вычленения рационального зерна в этой теории[2]. Поэтому вряд ли можно считать правомерным мнение рецензента его фундаментального труда "Очерки философии прав", профессора Юрьевского университета Ф.В.Тарановского, который, ставя в упрек автору фанатичную

---

[1] Михайловский И.В. Очерки философии права...С.105, 106, 108, 109.

[2] Впрочем, в рецензии И.В.Михайловского на учебник философии права И.Колера ликование по поводу укрепления идеалистического направления в философии права и возрождения "естественного права" в противовес господствовавшему "реалистическому" направлению сопровождалось таким пассажем: "К сожалению, материализм не умер, и много придется поработать представителям возрождающегося идеализма, чтобы окончательно сдать в архив пока господствующие заблуждения" (См.: Михайловский И.В. Рецензия на учебник...С.380). Однако, по-видимому, в данном случае Михайловский просто дал волю эмоциям, не преследуя цели научного анализа теории материализма.

критику оппонентов, отмечал его морализующий тон и ограниченность набором общих фраз в оценке научного значения экономического материализма. Вместе с тем нельзя не согласиться с рецензентом в том отношении, что И.В.Михайловский даже не пытался ставить вопрос о значении экономического материализма в качестве рабочей гипотезы общественных наук и, в частности, науки о праве[1]. Однако в общем контексте религиозно-метафизического мировоззрения автора такая позиция выглядит логичной.

Имелись у И.В.Михайловского оппоненты и в стенах Томского университета, среди его коллег не только по службе, но и по кадетской партии. Так, профессор Н.Я.Новомбергский, снискавший в научных кругах известность как убежденный реалист и позитивист[2], в своей рецензии на книгу Михайловского выступил с критикой идеалистической философии права. Признавая огромную эрудицию, бесспорный талант и оригинальность теоретических построений автора, его самостоятельность в развитии и углублении заимствованных у Б.Н.Чичерина основных руководящих положений - религиозно-метафизического мировоззрения и либерализма, Н.Я.Новомбергский выражал принципиальное несогласие с представлением о праве как "реализации в данной среде известных абсолютных начал". В противовес этому представлению он выдвигал материалистическое по своей сути утверждение: "Идеалы вырабатываются не в безвоздушной атмосфере формально юридических построений, а в сочной пестроте бытовых отношений, Там же они находят и беспощадно дробящий их молот, и свои рычаги для завоевательных устремлений "вперед и выше"[3]. Поэтому, в отличие от Михайловского, для которого основой положительного права являлось естественное право, Новомбергский полагал, что "положительное право рождается и развивается под воздействием сложных текущих влияний социальной среды". Аргументом в пользу такой точки зрения служила констатация разнообразия правовых воззрений у разных народов и на разных ступенях исторического развития при бесспорном наличии в них и неких универсально-общих начал, обусловленных единством человеческой природы и сходством условий. Будучи материалистом, Н.Я.Новомбергский не мог признать научным объяснение происхождения права в книге своего коллеги творчеством выдающихся людей, поскольку оно не содержало трактовки причин появления правовых идей у этих последних. Впрочем, Новомбергский считал, что Михайловский не совсем верно ориентируется и в своей собственной философской среде, заявленной им как религиозно-метафизическое мировоззрение. Ограниченность внешним изображением стадий развития этических норм, личности, полномочий суда, на его

---

[1] Тарановский Ф.В. Указ.соч. С.21, 65.

[2] Там же. С.5.

[3] Новомбергский Н.Я. Рец. на: Михайловский И.В. Очерки философии права...// Журнал министерства юстиции. 1915. Март. С.292, 294.

взгляд, "еще не образует диалектического закона в гегелевском смысле" и служит показателем неверного понимания Михайловским сути диалектического закона развития[1].

Различие философских приверженностей И.В.Михайловского и Н.Я.Новомбергского ярко проявилось и в их трактовке человеческой личности. И.В.Михайловский скептически воспринимал широко распространившиеся в это время рассуждения о личности со всем ее духовным миром лишь как о результате окружающей ее среды, об относительности идеалов, всецело зависящих от условий места и времени, то есть все от той же "среды". Именно в этих рассуждениях усматривал он первопричину "войны всех против всех" в таких проявлениях, возможности которых не подозревал и сам Гоббс. Как непременное следствие утраты твердых устоев, потери веры в идеалы, выведения всего и вся из низших, материальных основ жизни воспринималась им пессимистическая альтернатива: превращение человека в "сытое, довольное животное, ревниво оберегающее свой покой и создающую этот покой обстановку" или отчаянное устремление к крайностям анархизма. Напоминая простую истину, заключающуюся в том, что сколько ни складывай нулей никогда не получишь никакой величины, И.В.Михайловский задавался риторическим вопросом:"...общество состоит из лиц, и если мы будем отвергать всякое самостоятельное духовное содержание за личностью, откуда такое содержание возьмется для суммы этих личностей?"[2]

В отличие от И.В.Михайловского, рассматривавшего личность как проявление Абсолютного духа, Н.Я.Новомбергский, выступая за необходимость утверждения "сознания равноценности и самоценности человеческой личности", исходил из совершенно иных посылок материалистического толка. Для Новомбергского признание человека "венцом мироздания" являлось логическим следствием оценки его как "самой большой экономической ценности", а труда человека как "единственной мирообъемлющей силы", "источника миротворения"[3].

Были среди кадетских идеологов в Сибири и интеллектуалы, позитивно оценивавшие марксистскую вариацию материалистического мировоззрения. Сторонником теоретического направления в русском либерализме, признававшего методологический потенциал марксизма, ценность его категориального аппарата, историзма и попыток соединения теории с практикой, являлся профессор кафедры политэкономии и статистики Томского университета М.Н.Соболев. Марксизм привлекал его прежде всего как социологическая теория. Наиболее значимой "в богатом наследстве Карла Маркса"

---

[1] Там же. С.298-300, 303.

[2] Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина... С.26.

[3] Новомбергский Н.Я. По пути к вырождению. Социально-гигиенические очерки. Спб., 1913. С.5, 6.

М.Н.Соболев считал "гениальную идею общественных классов", представлявшуюся ему в высшей степени плодотворною в деле выяснения процесса исторического развития и раскрытия тех социальных сил, из которых складывается течение общественно-политической жизни. История и современное положение государств земного шара должны были служить тому подтверждением. Соответственно одобрительное отношение Соболева вызывала предложенная марксизмом методика классового анализа, классового подхода к оценке политических группировок. Более того, в позитивных тонах характеризовалась им и социально-политическая доктрина марксизма, как дающая "ясное и определенное миросозерцание с точными выводами в сфере практической политики", ее цельность и последовательность[1].

Вместе с тем для либералов, придерживавшихся высокой оценки марксистской теории, было неприемлемо то, что они считали ее классовой ограниченностью и что нередко доводилось последователями основоположников до абсурда. Не случайно представители либеральной оппозиции особо подчеркивали "бедность "учеников" сравнительно с неистощимым богатством оригинальности учителей ... и вырождение критического социализма в мертвенность догматических формул"[2].

В целом характеристика философских приверженностей, представленных в трудах и лекциях профессуры Томского университета, наводит на размышления по поводу факторов, повлиявших на их специфику. Обращает на себя внимание определенная зависимость мировоззренческих позиций от профессиональной специализации либералов. Эта зависимость особенно отчетливо прослеживается у Д.Н.Беликова и М.Н.Соболева. Для мышления первого, как профессора богословия, вполне имманентной являлась логика ортодоксального теизма в его православной вариации. Второй же, будучи магистром политической экономии и статистики, разделив участь многих своих коллег по профессии на рубеже XIX-XX вв., не избежал увлечения марксизмом. Специалистов этой категории привлекала к марксизму трудовая теория стоимости и капитала. По-видимому, углубленное ее изучение, заложившее основы положительного восприятия марксистского учения в целом, было сопряжено для М.Н.Соболева с его научными интересами. После пребывания в двухгодичной заграничной командировке "с ученой целью" от Московского университета в 1898 г. он защитил диссертацию по теме "Мобилизация земельной собственности и новое течение аграрной политики в Германии"[3].

---

[1] Соболев М.Н. Экономические интересы и группировка политических партий в России. М., 1906. С.3, 4, 30.

[2] О подпольной литературе // Сибирское обозрение. 1906. 11 июня.

[3] Формулярный список о службе и.д. ординарного профессора Императорского Томского университета по кафедре политэкономии и статистики М.Н.Соболева // ГАТО. Ф.102. Оп.9. Д.561. Л.1-3.

Различия в философских приверженностях двух правоведов - И.В.Михайловского и Н.Я.Новомбергского - требуют более углубленного подхода в выяснении их причин. Отчасти, пристрастие к классической немецкой философии объективного идеализма Михайловский унаследовал от почитавшегося им учителя - Б.Н.Чичерина. Вместе с тем склонность к поиску рациональных основ бытия за пределами видимого мира, к абстрагированию от реалий сущего в объяснении мироздания выглядит довольно естественной для ученого-теоретика, избравшего для себя в начале XX в. в качестве сферы специальных научных интересов философию права.

Обстоятельства же жизни Н.Я.Новомбергского сформировали из юноши, окончившего юридический факультет Варшавского университета, человека прагматического склада ума. Его карьере преподавателя и ученого предшествовали 8 лет чиновничьей службы, причем в должностях такого ранга, который не позволял оторваться от насущных нужд и проблем сограждан [1]. Тема диссертации Новомбергского - "Врачебное строение в допетровской Руси", как и проблематика ряда его специальных работ, свидетельствовали, в свою очередь, об увлеченности изучением социально-экономических аспектов правоведения. Стиль мышления, сложившийся под воздействием жизненных обстоятельств и связанный с особенностями научных интересов, сделал органичными присутствие в мировоззрении Новомбергского реалистических, позитивистских мотивов и его убежденность в правоте теории экономического материализма. Безусловно, наряду с внешними объективными факторами, свой отпечаток на философские воззрения либералов наложили и особенности их личностного мировосприятия, психологических ориентаций.

Достаточно широкий диапазон философских приверженностей сибирских либералов может, вероятно, рассматриваться как латентная, завуалированная мировоззренческими суждениями основа для их политической дифференциа-

---

[1] Начав свой трудовой путь младшим контролером винокуренных заводов четвертого округа Варшавской губернии, Новомбергский последовательно служил младшим, а затем старшим штатным чиновником особых поручений при Тобольском губернаторе, чиновником по крестьянским делам и крестьянским начальником первого участка Тобольского округа, председателем Тобольского уездного съезда крестьянских начальников, крестьянским начальником и председателем Иркутского уездного съезда крестьянских начальников. Вершиной его служебной карьеры, предшествовавшей оставлению в 1904 г. при Варшавском университете для приготовления к профессорскому званию по полицейскому праву, стало назначение на должность мирового судьи третьего участка острова Сахалина Владивостокского окружного суда. См.: Формулярный список и.д. ординарного профессора Томского университета по кафедре полицейского права Н.Я.Новомбергского //ГАТО. Ф.102. Оп.9. Д.385. Л.243-246.

ции. Весьма условно контуры этой дифференциации, поставленной в зависимость от мировоззренческих ориентиров, могут быть представлены следующим образом: 1) акцентированное признание значения религиозно-нравственного начала в его традиционалистско-православной трактовке - крайне правый фланг либерализма (октябристы); 2) идеалистическая западная философия - правые кадеты; 3) экономический материализм - центр; 4) позитивная по преимуществу оценка марксизма - левые кадеты. Несомненно излишне прямолинейная корреляция должна восприниматься в данном случае как не совсем уместная. Поэтому следует подчеркнуть, что диапазон политических пристрастий либералов был не менее широк, чем диапазон философских приверженностей и, наверное, далеко не всегда происходило их наложение в том виде, какой представлен в схеме, имеющей самый общий характер.

К тому же необходимо принимать во внимание то несомненное обстоятельство, что философские проблемы бытия, в их теоретическом во всяком случае аспекте, интересовали далеко не всех сибирских либералов. Теоретиков такого рода было весьма немного даже в среде интеллектуалов. Что же касается рядовых членов октябристской и кадетской партий, представителей средних городских слоев, то они в выборе своих политических ориентаций, как и в повседневной жизни, руководствовались прежде всего здравым рассудком и определенным набором в целом традиционных нравственных ценностей.

Тем не менее анализ философских воззрений отдельных представителей либеральной оппозиции в Сибири имеет важное теоретическое значение. С точки зрения методологии характеристика основ индивидуального мировосприятия содержит в себе серьезные возможности для реализации задач гуманизации, "очеловечения" исторической науки. Кроме того, она подтверждает подмеченную Б.Г.Капустиным несостоятельность одного из традиционных способов определения общности "семьи либерализма" - через выделение некоторого "твердого ядра" суждений и приверженностей, почитаемых обязательными для всех либералов, т.е. своего рода общего знаменателя их взглядов. В частности, анализ философских воззрений либералов позволяет проиллюстрировать общеметодическое замечание Б.Г.Капустина по поводу крайней содержательной ограниченности упомянутого знаменателя и его неспособности по существенным признакам отличить либерализм от других идейных течений[1] следующим примером. Широко распространенным является представление о либерализме как прежде всего идеологии Просвещения , что предполагает в качестве обязательных для либералов основополагающих установок признание свободы личности наиболее значимой моральной и политической ценностью и рационализм - непоколебимую веру либералов в спо-

---

[1] Капустин БГ. Три рассуждения о либерализме и либерализмах ... С.13.

собность науки постепенно разрешить социальные проблемы, культ разума[1]. Однако последняя характеристика является совершенно неприемлемой для тех сибирских либералов, которые представляли религиозно-мистическое течение русской философской мысли, тяготевшее к иррационализму. К числу таковых принадлежал, например, Д.Н.Беликов. И это безусловно не частный случай. Октябристам, в отличие от кадетов с их рационализмом, вообще было присуще акцентирование роли религиозно-нравственного начала, что дало В.Леонтовичу основание для констатации известного родства между принципами "Союза 17 октября" и христианских демократов и гипотетического предположения о возможности трансформации октябристской партии в партию христианско-демократическую[2].

В контексте данного конкретно-исторического исследования мировоззренческие позиции профессоров Томского университета, находившихся в постоянном контакте с молодежью, практиковавших частые публичные выступления перед населением, представляют особый интерес, поскольку их популяризация не могла не оказывать влияния и на умонастроения лиц, далеких от собственно философской проблематики.

В целом широта диапазона философских приверженностей сибирских либералов, являвшаяся одной из отличительных особенностей неолиберализма, не вызывает сомнений. В этой палитре нашли свое отражение не только идеи немецкой классической философии, но и весьма влиятельные на рубеже веков позитивистские теории. Своеобразным проявлением религиозно-философского ренессанса начала XX в стало обращение к христианскому гуманизму в утверждении ценностей человеческой жизни и личности. Включение религии в качестве важного элемента в философское мировоззрение либеральных мыслителей в определенной мере было продиктовано скепсисом по поводу разумности существующего порядка и обусловленной этим апелляцией к нравственным началам.

И все же плюрализм философских приверженностей не исключает возможности вычленения неких общих их компонентов, ставших теоретико-методологической основой либеральной доктрины. Мировоззренческая пара-

---

[1] Шапиро И. Введение в типологию либерализма...С.7, 8.

[2] Леонтович В.В. Указ. соч. С.481-482. Впрочем, столь же несостоятельной представляется и другая, весьма распространенная версия методики "общего знаменателя", включающая в число общеобязательных для либералов принципов наряду с признанием абсолютной ценности личности и приоритета ее интересов безусловный отказ от революционных методов преобразований общественных структур. Поскольку аргументированное подтверждение этого тезиса выходит за рамки специальных проблем данного раздела, оно приводится ниже - в контексте анализа стратегических и тактических установок кадетов.

дигма либерализма имела своим фундаментом синтетическое единение элементов религиозного мистицизма, объективного идеализма, позитивизма в различных его модификациях, определявшееся прежде всего их возможностями в обосновании тезиса о ценности человеческой личности. Началом, объединяющим воззрения адептов доминировавших идеалистических и позитивистских направлений, стали также идея прогресса и рационализм. Рационалистический пафос, восходящий к эпохе Просвещения, порождал уверенность в возможности не только познания действительности, но и ее преобразования, а потому служил импульсом для конструирования идеальной модели общежития в социально-политической доктрине либерализма.

2. Личность и общество в социальной доктрине либерализма

Общие контуры социально-политической доктрины либерализма определялись центральной проблемой бытия человека в новое время, суть которой заключалась в возможности существования общественного порядка, общежития вообще, если в их основу кладется индивидуальная свобода, понимаемая как право (т.е. способность и возможность) человека действовать по своему усмотрению. Признание свободы частной личности в качестве отправного пункта конструирования социально-политической теории отграничивает "семью" либерализма от протолиберальных, консервативных и социалистических теорий. В этом отношении русский либерализм, пребывавший в постоянных поисках ответа на вопрос "как защитить социальность от варварства" при попытке сохранить и укрепить автономные пространства творящей личности, не имел особых отличий от западного и не дифференцировался внутренне[1].

Либерализм в России был лишен реальных исторических оснований в виде классической феодальной системы, предполагавшей равновесие между королевской властью и феодальными властителями и существование свободы для аристократии, а также независимости духовных властей от светских, которые питали либерализм в Западной Европе[2]. Поэтому идея свободы в нашем Отечестве возникла, с одной стороны, в результате заимствований извне, а с другой стороны, по-видимому, как реакция на политическую и социально-экономическую действительность, столь резко противоречившую принципам либерализма. Тезис о свободе личности, впервые декларированный в "Наказе" Екатерины II для членов специальной комиссии по уложению зако-

---

[1] Капустин Б.Г. Три рассуждения о либерализме...С.14; Кара-Мурза А.А. Либерализма против хаоса. Основные интенции либеральной идеологии на Западе и в России //Полис. 1994. С.121.

[2] Леонтович В.В. Указ.соч. С.2-3.

нов , становится центральным в творчестве А.Н.Радищева, проектах Н.С.Мордвинова и М.М.Сперанского, трудах Т.Н.Грановского, А.И.Кошелева, К.Д.Кавелина, Б.Н.Чичерина и др. В результате к началу XX в. идея абсолютной ценности и самоцельности человеческой личности оказалась прочно инкорпорирована в интеллектуальную традицию русской интеллигенции. Это наследие было воспринято либералами нового поколения. И.В.Михайловский, излагая суть воззрений Б.Н.Чичерина, выражал полную солидарность с основными его положениями: "Исходный пункт всего учения о праве и государстве есть личность. Личность есть движущая сила истории культуры и краеугольный камень всего общественного здания. Человек составляет цель, для которой существует общественный организм"[1]. При этом личность воспринималась либералами не как некая изначальная данность человеческого существования, а как результат длительного исторического развития человечества через "суровую школу коллективизма" к постепенной дифференциации личностного начала из групповой жизни и обретению человеком индивидуальности и самостоятельности[2].

Хотя исторически появление личности в России один из крупнейших теоретиков "дворянского" либерализма К.Д.Кавелин связывал с эпохой реформ Петра I, позволивших стране встать на путь "общечеловеческого развития", главной движущей силой которого является личностное начало, однако и два столетия спустя никто из либералов не решился бы характеризовать своих соотечественников как подлинных носителей этого начала, способных самостоятельно, творчески и свободно им распорядиться. Профессор Томского университета октябрист И.А.Базанов, ссылаясь на заключения губернских совещаний 1897 г., констатировал, что простой народ России все еще пребывает в фазе разложения родового строя и развития личности, формирования самых святых ее потребностей - собственной инициативы, собственных понятий, своего самостоятельного жизненного пути. Рассматривая этот процесс как общемировой, как закономерность эволюции человеческих обществ, проявившуюся в истории всех культурных народов, он считал его необратимым, хотя и далеким от завершения[3].

По мнению профессора Томского университета кадета И.А.Малиновского, Россия продолжала оставаться "страною мертвых душ", поскольку людям различных сословий и званий (в силу прежде всего объективных условий) были чужды высшие запросы человеческого духа, элементарное уважение к человеческому достоинству, стремление стать деятельными членами общества. В этой связи пробуждение человеческого чувства у

---

[1] Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина...С.26.

[2] Михайловский И.В. Рецензия на учебник...С.369.

[3] Базанов И.А. Основные черты гражданско-правового строя крестьян по Положениям 19-го февраля и позднейшим узаконениям. Томск, 1902. С.27.

русского человека рассматривалось как необходимое условие и гарантия воскресения России. Эта проблема имела для И.А.Малиновского два аспекта: 1) политико-социальный ("Воскресение наступит тогда, когда будут проведены реформы политического и социального строя); 2) этический ("Воскресение наступит тогда, когда высокое и прекрасное человеческой природы восторжествует над низким и пошлым")[1].

Взаимосвязь внешнего и внутреннего раскрепощения человеческой личности, прослеживающаяся в такой постановке проблемы, свидетельствует о продолжении радикальной традиции в либеральном мировоззрении, заложенной А.Н.Радищевым. Рассуждения И.А.Малиновского были созвучны представлениям последнего, согласно которым для достижения добродетели в частной жизни (единожитии) человек должен совершенствовать свои физические силы, развивать ум размышлениями и воспитывать нравственное чувство, а в жизни общественной (общежитии) для устранения социального зла необходима коренная реформа политического и социального строя[2]. Поскольку возможности становления и развития личности связаны с общественными условиями, постольку ее интересы соответственным образом оказываются обращены не только и даже не столько вовнутрь, сколько вовне и императивом индивидуальной жизнедеятельности провозглашается формула: "Каждый человек должен быть гражданином земли своей, каждый человек должен поставить законом жизни - служение земле своей"[3].

В контексте таких представлений вполне объясним резкий протест И.А.Малиновского против обвинений, предъявленных русской интеллигенции в сборнике "Вехи". Предметом критики с его стороны стала прежде всего веховская трактовка исторической миссии интеллигенции в свете ее места и функций в общественном развитии страны. И.А.Малиновский выражал категорическое несогласие с обвинением русской интеллигенции в том, что ее "символ веры есть благо народа", что в ее среде сложилась и окрепла вера в "примат общественных реформ", что исповедуя эту веру, русские интеллигенты признают "один путь хорошей жизни - жить для народа, для общества", что у них "общественность заполонила сознание". Усматривая в этом коренное отличие русской интеллигенции от западной, для которой забота о личном благополучии является общепризнанной нормой, М.Гершензон подчеркивал: "Эгоизм, самоутверждение - великая сила; именно она делает за-

---

[1] Малиновский И.А. Общественное значение литературной деятельности Гоголя. Речь, произнесенная в торжественном заседании Императорского Томского университета 20 марта 1909 г. Томск, 1909. С.19-20.

[2] Малиновский И.А. Начальная страница из истории русской интеллигенции. (Ответ авторам "Вех"). Томск, 1909. С.14, 32.

[3] МалиновскийИ.А. Общественное значение литературной деятельности Гоголя... С.2.

падную буржуазию могучим бессознательным орудием Божьего дела на земле"[1] В опровержение этого тезиса И.А.Малиновский приводил краткий очерк жизни и творчества А.Н.Радищева и Н.И.Новикова, которые, по его мнению, и водрузили подлинные "вехи" на пути русской интеллигенции: "общественная самодеятельность, жизнь для общества, для народа, любовь к народу, просвещение народа". Обращаясь к словам писания "несть любви больше той, аще кто душу положит за други своя", он настаивал на том , что именно Радищев и Новиков (а не западноевропейская буржуазия, заботящаяся о собственном благополучии) делали Божье дело, нашедшее своих продолжателей в лице многих знаменитых русских людей и незаметных интеллигентных тружеников, поборников свободы и света[2].

В трактовке роли интеллигенции И.А.Малиновский проявил себя идейным преемником А.Н.Радищева, считавшего, что в борьбе за общее благо, за права человека и гражданина выступают две силы - народ и "просвещенный разум", причем каждая из них действует своими, доступными ей средствами. "Просвещенный разум", носителем которого является интеллигенция, призван свершить революцию сложившихся взглядов, мнений, убеждений, т.е. подготовить почву для изменения существующего порядка и способствовать тем самым общественному прогрессу. Такое разведение задач народной массы, восстающей против существующих порядков с целью их улучшения, и интеллигенции позволяло, по мнению И.А.Малиновского, полностью отвести упреки в адрес последней по поводу плохого "делания" революции, снять с нее обвинения в неудаче.

Безусловно, отказ от принципа личной ответственности за последствия "свершенной революции взглядов и убеждений", нашедшей свое политическое воплощение в событиях 1905-1907 гг., выглядит не слишком привлекательно. Достойно сожаления и то обстоятельство, что за "эгоистическими устремлениями" веховцев И.А.Малиновский, как, впрочем, и большинство либералов, не сумел рассмотреть здравое признание того, что прежде чем приступить к любому общественному делу, необходимо стать личностью, в полной мере осознающей свое предназначение и ответственность. Именно на этом пути усматривали веховцы перспективы создания свободного общества. Вместе с тем у их оппонентов, придерживавшихся, подобно И.А.Малиновскому, радикально-либеральной позиции, вне всякого сомнения были убедительные аргументы, связанные с сомнениями в возможности и оправданности сосредоточения интеллигенции на духовном творчестве в условиях авторитаризма, глубокой социально-экономической поляризации, потря-

---

[1] Гершензон И. Творческое самосознание //Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей. 1909-1910. М., 1991. С.107.

[2] Малиновский И.А. Начальная страница из истории русской интеллигенции... С.6, 7, 34, 35.

сающе низкого уровня общей культуры населения и резкого обострения общественного кризиса. Контакт с социокультурной реальностью оказывал отрезвляющее воздействие на либералов, вызвал скепсис практических политиков в отношении порывов веховцев к пересмотру основ традиционного мировоззрения русской интеллигенции.

Однако у авторов сборника "Вехи" были среди сибирских либералов и единомышленники. Так, И.В.Михайловский считал сборник "лучшей из всех русских книг за последние годы". Столь положительный отзыв был продиктован удивительным созвучием его представлений об историческом предназначении личности, интеллигенции и предстоящем последней творческом пересмотре основ своего мировоззрения с суждениями веховцев.

Общей платформой авторов сборника, позиции которых были весьма различны "как в основных вопросах "веры", так и в практических пожеланиях", после интенсивного обмена мнениями и ряда согласований в составленном М.Гершензоном предисловии было заявлено "признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, являются единственно прочным базисом для всякого общественного строительства"[1]. Соответственно новая миссия интеллигенции по устроению человеческого счастья рассматривалась как дело по своей сути творческое, созидательное, связанное с содействием последовательному, систематическому процессу внутреннего духовного развития общества, воспитания человека, формирования его культуры - процессу, в котором приоритетными являются не политическая конъюнктура момента, а вечные, абсолютные ценности самой жизни людей.

В свою очередь, И.В.Михайловский, считая социальным идеалом, "заветной целью" всеобщее братство на основе развития человечности, одухотворения всей жизни и развития культурных благ, видел нравственную обязанность людей, и прежде всего образованных, в работе над приближением этой цели при ориентации на высшие духовные ценности, а не на поклонение идолам. Отсюда и выводилась необходимость духовного обновления русской интеллигенции, "так долго идущей по ложному пути"[2].

Исходя из признания важности влияния социальной среды на личность, И.В.Михайловский солидаризировался с мнением философа Вл.Соловьева, согласно которому "действительно нравственное совершенствование людей происходит только тогда, когда добрые чувства отдельного человека не ограничиваются субъективной сферой его личной жизни, а переходят за ее пределы, сливаются с жизнью собирательного человека, создавая нравственность

---

[1] Вехи. Интеллигенция в России... С.23.

[2] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов... С.23.

общественную, объективно осуществляемую через учреждения, законы и публичную деятельность групп и лиц"[1].Обращенный к согражданам призыв И.В.Михайловского развивать общую культуру, создавать культурную среду был направлен против двух крайних вариантов "специфически-русского", по его выражению, представления о предназначении человеческой личности. Первый вариант нашел свое воплощение в этической проповеди Л.Н.Толстого, проникнутой пафосом личного нравственного усовершенствования и признанием его единственным средством достижения социального идеала всеобщего братства. Другая крайность специфически-русского образа мыслей проявлялась в максимализме, чрезмерной увлеченности глобальными проблемами возрождения человечества и третировании задач развития культуры как совершенно недостойных внимания при осуществлении мирового переустройства. Для И.В.Михайловского, считавшего, что полную возможность жить высшей духовной жизнью человек может обрести только на почве высоко развитой культуры, такие вариации на тему предназначения человека, являлись неприемлемыми[2].

Из гегельянского восприятия всей космической жизни как совершающейся по некоему грандиозному плану, в основе которого лежит "бесконечная мудрость, бесконечная любовь и бесконечное благо", И.В.Михайловский выводил главную этическую обязанность человека - "активно и свободно участвовать в процессе реализации добра, в очеловечении человечества, в одухотворении окружающего нас мира, в содействии наступлению царства Божия". Источником, освящающим исполнение этой многотрудной миссии, должны были стать заповеди: "Будьте совершенны, как Отец ваш небесный" и "Возлюби ближнего, как самого себя". Признавая недостижимость этих двух абсолютных идеалов, И.В.Михайловский тем не менее не ставил под сомнение их содержание и разумность, вытекающие из самой природы человека. Истинная религиозность объявлялась непременной духовной предпосылкой осуществления человеком своего предназначения, поскольку только человек, глубоко чувствующий существование Бога как абсолютной разумной основы всего бытия, способен дать "возможный максимум ценности в стремлении как прогрессировать самому в смысле развития всей глубины содержания нашего духа, так и содействовать достижению заветного идеала всеобщего братства". Атеизм же как проявление духовной односторонности, по мнению И.В.Михайловского, резко снижал эффективность работы его представителей для культурного прогресса[3]. Более того, присущая значительной части русской интеллигенции антирелигиозность, предполагающая отказ от веры в реальность абсолютно-ценного, в космическое, сверхчеловеческое значение

---

[1] Там же. С. 4, 5.

[2] Там же. С.1-4.

[3] Михайловский И.В. Религия и народное образование...С.3.

высших ценностей, в условиях глубокой укорененности религии в самом духе человека порождала фанатизм в исповедывании и осуществлении догматов низшего порядка, "маленького поля деятельности"[1].

В целом, распространение на всех людей без исключения участия в высшей духовной жизни, компонентами которой наряду с формирующей нравственность религией должны быть наука и искусство, провозглашалось И.В.Михайловским ближайшей целью стремлений человечества. "Вся практическая деятельность человека не сама себе служит целью, - подчеркивал он, - а имеет смысл и значение только потому, что создает необходимую почву для высшей духовной жизни..."[2] Соответственно основное предназначение русской интеллигенции И.В.Михайловский видел в создании атмосферы высокой культуры, способствующей осознанию собственного достоинства, уважению к личности, к установившимся культурным формам общежития, к учреждениям и традициям и порождающей социальную стабильность[3].

Таким образом, тезис об общественном долге личности присутствовал во всех доктринальных вариациях либерализма, однако интерпретация его была различной. Если радикал-либералы служение обществу связывали с содействием в той или иной форме социально-политическим преобразованиям в стране, то либералы консервативного толка акцент делали на формирование общественной нравственности, развитие общечеловеческой культуры[4]. Раз-

---

[1] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов... С.24.

[2] Михайловский И.В. Личность Бетховена и значение его в истории культуры. Реферат, читанный 17 декабря 1895 г. на Бетховенском собрании в Екатеринбурге в память125-летней годовщины со дня рождения Бетховена. Екатеринбург, 1896. С.15.

[3] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов... С.2-4.

[4] Неоднозначные оценки позиций веховцев в либеральной печати, продиктованные, в частности, различиями в трактовке проблемы общественной миссии личности, и преобладание критического отношения к ним среди идеологов кадетской партии не позволяют согласиться с представлением А.П.Толочко о "Вехах" как "концентрированном выражении ренегатства и лжедемократизма кадетов", даже не вдаваясь в полемику по вопросу о правомерности подобных эпитетов в адрес самих веховцев. Неправомерной представляется и попытка исследователя прямолинейно проецировать тенденции, квинтэссенцией которых, по его мнению, стали "Вехи", на характеристику политической линии кадетов в Сибири, Вряд ли удачной можно считать сделанную при этом ссылку на позицию И.А.Малиновского в связи с разгоном II Государственной думы, поскольку именно этот лидер томских кадетов весьма категорично высказался о "Вехах":"...здесь реакции дух, здесь реакцией пахнет". (Малиновский И.А. Начальная страница из истории русской ин-

личия радикально-либеральных и либерально-консервативных трактовок общественного долга интеллигенции и каждой отдельной личности вообще отразили трагичную в своей сути дилемму российской действительности начала XX в.: коренные реформы в условиях социокультурной среды, способной до неузнаваемости исказить замысел реформаторов при его практическом воплощении, или же постепенное, длительное нравственное совершенствование общества с целью подготовки его к сознательному выбору модели переустройства Отечества в ситуации, характеризовавшейся крайним обострением социальных противоречий.

И все же в неоднозначных представлениях о предназначении личности можно усмотреть объединяющий мотив, каковым является признание необходимости служения идее свободы, хотя и мыслимое далеко не в одинаковых категориях. Акцент на создание высокой культуры, формирование общественной нравственности отнюдь не означал полного аполитизма, безоговорочного смирения с попранием прав личности в рамках существующих устоев.

Примечательна в этом отношении позиция И.В.Михайловского, который подчеркивал несостоятельность двух крайних воззрений по вопросу о личности. Первое из них предполагало признание полного воплощения добра в исторических формах общежития, в семье, государстве и диктовало необходимость подчинения их авторитету, их требованиям для достижения нравственного совершенства. Справедливо усматривая в этом забвение человеческой личности, И.В.Михайловский напоминал, что "исторические формы общежития ценны не сами по себе, а как реализация добра, т.е. .. поскольку на них воплотилась верховная идея блага". Другая же крайность заключалась в представлении о возможности проявления добра только в духе человека, во внутреннем состоянии отдельных личностей. В рамках таких воззрений исторические формы и учреждения воспринимались как воплощение насилия, обмана, одурманивания и т.д. (моральный аморфизм), способное лишь подавлять и искажать добро. Эта точка зрения, являвшаяся отражением столь характерных для русской интеллигенции настроений отщепенства как в абсолютном (анархизм), так и в относительном (революционный радикализм) виде, оценивалась И.В.Михайловским как еще более неправильная. Для него позитивное начало в сложившихся формах и установлениях общественного порядка было несомненным уже просто в силу того, что "добро может проявляться только в общежитии, т.е. в тех или иных исторических формах его; эти формы, таким образом, представляют собою необходимое условие для добра"[1].

теллигенции... С.4.) См.: Толочко А.П. Политические партии и борьба за массы в Сибири... С.119-120.

[1] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов... С.5.

Положительное отношение к исторически сложившимся учреждениям и общественным формам, в рамках которых отдельный человек подчиняется определенному порядку и дисциплине, является неотъемлемой характеристикой либеральной доктрины. Она позволяет отграничить либерализм с его несомненным индивидуалистическим пафосом от анархизма, крайности которого можно считать проявлением абсолютного индивидуализма[1]. Независимо от того, как трактуется историческое предназначение человеческой личности различными представителями либерального течения, оно всегда рассматривается в контексте объективного общественного порядка, а потому либеральный индивидуализм имеет относительный характер[2].

Необходимость общественной организации обосновывалась либералами несовершенством человеческой природы, большой степенью вероятности всплеска низменных инстинктов в условиях абсолютно ничем не ограничиваемой свободы. Но основным аргументом служил тезис о возможности полноценной реализации способностей и потенций человека только в обществе[3]. Утверждая в соответствии со своим представлением о приоритете духовных ценностей, что неисчерпаемое богатство человеческого духа раскрывается только в культуре, необходимым условием для процветания последней И.В.Михайловский считал именно высокую степень развития общественной организации. Взаимодействие между личностью и обществом расценивалось в этой связи как главный фактор культурного развития. "Только на почве правильной общественной организации, внешней и внутренней безопасности, обеспеченности прав личности и твердости правопорядка возможна та спокойная жизнь, жизнь содержательная, которая дает импульсы и к научному, и к художественному творчеству, и к практической деятельности, одухотворенной идеалами," - подчеркивал профессор[4].

---

[1] И.В.Михайловский писал: "Несомненно, что анархизм есть заблуждение человеческого ума, ибо власть является необходимым элементом всякого общежития, и ограничение свободы безусловно необходимо для совместного существования людей". См.: Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина...С.29-30.

[2] Леонтович В.В. Указ.соч. С.3. Утверждение А.С.Сенина об абсолютизации как западными, так и российскими либералами понятия свободы и игнорировании ими каких бы то ни было внешних условий и ограничений, на наш взгляд, серьезно искажает самую суть либерализма. Слова же Б.Н.Чичерина, которые автор приводит в обоснование своей позиции, скорее выглядят как ее опровержение. См.: Сенин А.С. Либералы у власти. История повторяется? // Кентавр. 1993. № 2. С.110.

[3] Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина...С.29.

[4] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов... С.5.

Признание правильно устроенного общежития в качестве необходимого условия духовного развития и высшей его цели не противоречит индивидуалистической первооснове либерализма, поскольку не отрицает приоритета человеческой личности и определяет ценность общественной организации в зависимости от того, в какой мере она позволяет защищать права и интересы отдельных людей. И.В.Михайловский отмечал, что общежитие не должно развиваться в ущерб самостоятельности отдельных лиц, поскольку наделенная сознанием и свободой личность стоит выше общества и составляет для него цель. Он писал: "Разрешить великую проблему примирения свободы и самоцельности личности с необходимостью подчинения этой личности требованиям, вытекающим из существа общежития, может только такая организация общежития, где в основу построения будет положен принцип уважения к личности и где гармонически сочетаются все необходимые для общежития элементы"[1].

Оптимальной и высшей формой общежития, охватывающей все другие общественные институты, учреждения, союзы (но не растворяющей их в себе), либералам представлялось государство. Имея источником своего существования единение живых и самостоятельных общественных и личных сил, верховный союз не может не уважать эти силы, а потому он заботится об их процветании. К тому же государство обладает необходимой властью для сдерживания антисоциальных наклонностей человека и поддержания авторитета закона[2]. В качестве основного инструмента реализации этой власти рассматривалось право.

Регулируя механизм взаимодействия между личностью и обществом, право призвано нести двойную функциональную нагрузку. С одной стороны, оно должно обеспечивать личности свободу и возможность беспрепятственного развития, а с другой - гарантировать общежитие и прочный порядок совместной жизни. Иными словами, задачей права провозглашалась "не только охрана субъективных прав, но и охрана общих условий развития культуры, охрана культурных благ, которые не могут быть разделены без остатка между отдельными личностями, а имеют непреходящее значение"[3]. Причем функцию охраны свободы личности право обретает только на высших ступенях своего развития, в связи с изменением реального соотношения главных субъектов гражданского права: индивида и союза. И.А.Базанов излагал суть этого процесса следующим образом. Если в древнем праве союз в форме семьи, общины и пр. господствует над личностью, поглощает ее, то новейшее право характеризуется развитием индивидуализма, преобладающим значением личности , падением старых, естественных союзных форм и возникновением но-

---

[1] Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина... С.37.

[2] Там же. С.37.

[3] Михайловский И.В. Рецензия на учебник... С.369.

вых, главным образом произвольных союзных образований (различных обществ, товариществ, кампаний и т.д.). Специфика новых союзов проявляется в свободном по преимуществу характере соединения индивидов, гарантирующем сохранение самостоятельного значения личности[1]. Задача общего гражданского права заключается в строгой фиксации этого исторического изменения взаимодействия личности и союза.

С целью воспитания энергичного, крепкого духом, инициативного и свободного человека право призвано создать вокруг личности определенную сферу, где эта личность является центром, где все и каждый обязаны уважать ее волю, не могут посягать на ее свободу[2]. Исходя из этого, И.В.Михайловский считал правомерным выделение Б.Н.Чичериным в области права сферы отношений, которая должна быть предоставлена ничем не стесняемой личной свободе и в которую государство может проникать лишь в порядке редких исключений. Более того, признавая необходимость обеспечения личности возможности свободного развития, создания некой ниши, в которой личность может чувствовать себя полным хозяином, не опасаясь ничьих вторжений, он вслед за своим учителем строго разграничивал область права, допускавшую принуждение, и нравственности, где принуждению нет места и торжествует внешняя и внутренняя свобода[3].

Ревностно охраняя свободу личности, либералы не упускали из виду проблему обеспечения общественного порядка. Синтез личной свободы и общего блага, трактовавшийся И.В.Михайловским как главное требование абсолютной идеи права, представлялся идеалом, к которому можно постепенно приближаться, хотя его и нельзя достичь в полном объеме[4].Основываясь на этом, И.В.Михайловский вычленял два ряда общих принципов в области права: "Один ряд выводится из свободы и самцельности личности, а другой - из необходимости организации общежития". К первому ряду он относил равенство всех перед законом, охрану личности и ее прав, запрещение нарушать чужое право, необходимость соблюдать договоры, а также свободу религиозных убеждений, свободу родного языка, неприкосновенность женской чести, право на жизнь, на честь, на свободное пользование законно принадлежащим имуществом, право не быть превращенным в вещь и т.п. Второй ряд принципов включал в себя необходимость прочной организации общежития, необходимость власти, стоящей на страже общего блага, необходимость известных ограничений личной свободы для поддержания общежития, право власти применять принудительные меры для охраны общежития[5].

---

[1] Базанов И.А. Основные черты гражданско-правового строя ... С.13-14.

[2] Михайловский И.В. Очерки философии права... С.217.

[3] Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина... С.29, 30.

[4] Михайловский И.В. Очерки философии права...С.217.

[5] Там же. С.203, 204, 219, 470.

Такое содержательное наполнение сферы естественного права, понимаемого с античных времен как идеальное, независимое от государства право, вытекающее из велений разума и природы человека, поставил под сомнение Н.Я.Новомбергский. Считая перечисленные коллегой требования продуктом "позднейшего, почти современного правосознания"[1],он отрицал их естественно-правовой характер. К тому же, в отличие от И.В.Михайловского, Н.Я.Новомбергский скептически относился к представлениям об универсальности принципов естественного права, их доступности пониманию каждого человека, приемлемости для всех времен и народов[2]. Эту позицию, по-видимому, следует признать правомерной, поскольку и исторический опыт, и реалии современности свидетельствуют о проблематичности трансплантации аксиологических систем личностного и общественного уровня, возникших в определенных культурных, социально-экономических и политических рамках, на принципиально иную почву без соответствующей адаптации. Либеральные ценности, сформировавшиеся в условиях западной цивилизации, не являются в этом отношении исключением.

Впрочем, И.В.Михайловский признавал необходимость соответствия права определенной ступени развития культуры, условиям места и времени. Однако, по его мнению, (и здесь с ним трудно не согласиться) "такое соответствие не исключает возможности для разумного законодателя, стоящего выше обычного уровня, постепенно работать над приближением данного общежития к более высокой ступени культурного развития"[3].

Вместе с тем из тезиса о зависимости постановки задач права от влияния явлений материальной и духовной культуры И.В.Михайловский выводил положение о том, что законодатель не творит юридических норм, а лишь открывает их, констатирует и санкционирует своим авторитетом. Это положе-

---

[1] В частности, Н.Я.Новомбергский напоминал, что равенство всех перед законом и охрана личности и в теории, и в положительном праве были провозглашены лишь во второй половине ХУ111в., а удовлетворительно осуществлены только в Англии с начала XIX в. Требование соблюдать договоры вошло в правосознание значительно раньше, но само возникновение договорных отношений знаменовало собой не начало человеческой культуры, а ее более зрелый возраст. Наконец, учение об общем благе в теории появилось с ХУ11 в., а в положительном праве все еще не нашло своего полного осуществления. Поэтому Н.Я.Новомбергский справедливо отрицал принадлежность сформулированных И.В.Михайловским требований, выявившихся сравнительно недавно, к сфере естественного права. См.: Новомбергский Н.Я. Рец. на: Михайловский И.В. Очерки философии права...С.298.

[2] Новомбергский Н.Я. Рец. на: Михайловский И.В. Очерки философии права ... С.298.

[3] Михайловский И.В. Рецензия на учебник философии права ... С.369.

ние имело принципиальное значение, поскольку служило обоснованием общеобязательности юридических норм для всех членов данного общежития, "в том числе и для представителей, органов того внешнего авторитета, который их санкционировал"[1]. Тем самым провозглашалась идея господства права в государственной жизни, его приоритета по отношению к государственной власти, создающего гарантии против злоупотребления власти своей силой и придающего управлению правовой характер, а не характер личного усмотрения. Для выполнения этого своего предназначения право должно быть деполитизировано. Обосновывая важность роли юристов в государственной жизни, И.В.Михайловский объяснял студентам: "Перед... будущими служителями права должна быть только одна политика: стремление к правде-истине и правде-справедливости"[2].

Выдвигая идею примата права над государством, либералы по-разному оценивали возможности ее воплощения на практике. Так, И.В.Михайловский считал вполне допустимым в порядке исключения из общего правила, оценивающего всякое нарушение конституции монархом с точки зрения права как зло, издание законов, конституции противоречащих. Такое исключение оправдывалось неспособностью существующего порядка обеспечивать доброкачественность законов, несовершенством современной парламентской системы, а также первостепенностью значения содержания (материальной стороны) закона по сравнению с его формальными сторонами (т.е. порядком установления). Учитывая все эти обстоятельства, И.В.Михайловский писал:"...бывают такие кризисы в государственной жизни, когда монарх, как верховный охранитель общего блага, обязан ради избежания гораздо большего зла совершить меньшее и пожертвовать формой ради содержания. Мы получаем закон, соответствующий всем материальным признакам установленного наукой понятия, но не вполне соответствующий формальным. Это нисколько не мешает такому акту верховной власти быть законом"[3]. В этих рассуждениях, допускавших непоследовательность в реализации идеи верховенства закона в качестве высшей ценности среди принципов государственного устройства, просматривается влияние традиций русского либерализма 50-70-х гг. XIX в. с присущим ему упованием на исторически сложившуюся власть монарха как главного стража общественного блага в случае опасной разбалансировки гражданских интересов.

---

[1] Михайловский И.В. Очерки философии права... С.60.

[2] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов ... С.7-8, 12..

[3] Михайловский И.В. Очерки философии права ... С.294. Нарушение соответствия формальным признакам усматривалось при этом в установлении закона в специальном (неконституционном) порядке и представлялось не особо значимым ввиду соблюдения главного формального признака закона - непосредственного установления его верховной властью.

Отличительной чертой "нового либерализма" как идеологии кадетской партии в начале XX в. становится изменение в политических ориентациях, проявившееся в переходе от защиты самодержавия к пропаганде конституционной демократии и соответственно в оппозиционном настрое по отношению к существующей власти. Именно этот дух неолиберализма, по-видимому, руководил Н.Я.Новомбергским, выступившим с критикой приведенных утверждений И.В.Михайловского. Освободившись от пиетета пред властью монарха как истиной в последней инстанции и будучи гораздо более последовательным в отстаивании примата права в государственной жизни, в рецензии на "Очерки философии права" он подчеркивал:"...защита автором противоконституционных законов теоретически неправильна, практически опасна, исторически ошибочна"[1].

Различными были представления сибирских либералов и о возможности сопротивления общества и отдельных его представителей юридическим законам. Так, И.В.Михайловский считал безусловно недопустимым повиновение законам, стесняющим религиозные убеждения или свободу родного языка, со стороны тех, кто сознает их противоречие естественному праву. Предлагавшиеся им формы противодействия подобным законам носили пассивный характер. Например, он рекомендовал судье выйти в отставку, чтобы не быть вынужденным применять такие законы, а за населением признавал "обязанность неподчинения таким актам"[2]. Однако его оппонент Н.Я.Новомбергский считал, что И.В.Михайловский своими рассуждениями нисколько не разрешает теоретически вопрос о закономерном сопротивлении, и высказывал вполне понятное недоумение по поводу ограничения права на сопротивление только нарушением двух требований естественного права и недопущения его распространения на другие требования[3].

Радикально-либеральный вариант постановки и разрешения этой проблемы предлагал И.А.Малиновский. Будучи в идейном отношении последователем традиции, заложенной А.Н.Радищевым, И.А.Малиновский одобрительно отзывался о его воззрениях и полностью их разделял. В качестве руководящих начал общественной жизни человека им рассматривались правила приличия, юридические законы и законы нравственности. В случае противоречия правил приличия юридическому закону предпочтение отдавалось последнему, ибо юридический закон, по выражению А.Н.Радищева, "каков ни худ, есть связь общества". Однако если законы юридические оказываются в противоречии с велениями нравственности, за людьми остается право на борьбу с за-

---

[1] Новомбергский Н.Я. Рец. на: Михайловский И.В. Очерки философии права ... С.294.

[2] Михайловский И.В. Очерки философии права ... С.219, 220, 378.

[3] Новомбергский Н.Я. Рец. на: Михайловский И.В. Очерки философии права ... С.300.

конами, поддерживающими установившиеся в данном обществе порядки. Это право выводилось из теории договорного происхождения общества, предполагавшей добровольное соглашение людей признавать над собою установленную в обществе власть, подчиняться ее велениям для собственной пользы. В случае, если существующие порядки не способствуют благосостоянию всех отдельных граждан, если не соблюдаются основные принципы общежития, то неизбежна и допустима борьба с юридическими законами, поскольку человек должен защищать себя и свои права[1]. Радикализм этой позиции проявлялся, с одной стороны, в принципиальном допущении сопротивления юридическим законам при указанных условиях независимо от конкретного содержания и порядка их установления, а с другой стороны, в признании за людьми права не только на неподчинение этим законам, но и на борьбу с ними.

Критерием доброкачественности юридических законов, снимающей вопрос о правомерности сопротивления им, И.А.Малиновский считал соответствие основным идеалам права: 1) согласованность закона юридического с велениями закона нравственного, порождающая уважение и к одному, и к другому; 2) юридическое равенство; 3) гражданская свобода. Первый идеал был продиктован стремлением предотвратить нарушение как предписаний закона юридического, так и велений закона нравственного. Второй идеал исходил из признания необходимости наполнения содержания закона правами и обязанностями людей и уравнения всех перед законом. "Все люди созданы по образу и подобию Божьему, все люди обладают человеческим достоинством, а потому все люди обладают правом и несут обязанности, ... все люди правоспособны, все люди субъекты прав и обязанностей, личности," - писал И.А.Малиновский[2]. Такое представление было для него всеобъемлющим, распространявшимся и на бродяг, уголовников, ссыльных и др., поскольку судебный приговор не может отнять человеческого достоинства, того образа и подобия Божьего, которое служит основанием правоспособности. Признавая юридическое равенство (равенство всех перед законом) непременным идеалом права, И.А.Малиновский вынужден был констатировать его отсутствие в русском обществе, лишенном уважения к достоинству каждого человека[3].

Наконец, предложение в качестве идеала права гражданской свободы было обусловлено осознанием недостаточности юридического равенства, поскольку последнее может существовать и среди рабов:" Где все бесправны, там все равны". Однако рабство противоречит идее свободной человеческой

---

[1] Малиновский И.А. Начальная страница из истории ... С.14-16.

[2] Малиновский И.А. Вопросы права в сочинениях А.П.Чехова. Доклад, читанный в заседаниях Томского юридического общества 9 и 30 октября 1904 г. Томск, 1905. С.27, 81.

[3] Там же. С.81.

личности, созданной по образу и подобию Божьему. Свобода личности - свобода физических действий и свобода в выражении своих чувств и мыслей - призвана способствовать воспитанию в гражданах тех чувств, которые служат источником общественного прогресса, а именно широкого личного почина, предприимчивости, самодеятельности. Напротив, стеснение свободы влечет за собой приниженность, придавленность, робость и препятствует развитию общественных сил.

Поэтому личная свобода рассматривалась И.А.Малиновским в качестве необходимой предпосылки прав гражданской свободы, являющихся венцом долговременных усилий истории права культурных народов: неприкосновенности личности, собственности, жилища, частной кореспонденции, свободы передвижений, труда и занятий, свободы общения, совести, мысли и слова. "Полный простор для проявления всех свойств и особенностей свободного человеческого духа в области юридических отношений ведет к признанию за людьми личных прав, или прав гражданской свободы," - писал И.А.Малиновский. И вновь с горечью отмечал контраст этого идеала права с русской действительностью: "Где признается свобода личности, там считается дозволенным все, что прямо не запрещено законом. В русском обществе встречаем совершенно противоположный взгляд: все запрещено, что прямо не разрешено... Свободы личности нет в русском обществе. Русские люди на каждом шагу встречают разнообразные стеснения, ограничения, запрещения; они привыкли к этому порядку и боятся всего"[1].

Очевидное несоответствие российских условий либеральным представлениям об идеалах права выводило проблему реорганизации общества за рамки простого совершенствования и упорядочения законодательства и диктовало необходимость ее постановки в более широком контексте. Обращая внимание на то, что несовершенство человеческой природы, недостатки социального и политического строя обусловливают поведение людей, противоречащее нормам положительного права и нарушающее субъективные права, И.В.Михайловский выдвигал задачу создания социальных, политических и юридических гарантий правопорядка. Приоритетное значение при этом придавалось социальным гарантиям.

Само понятие "социальные гарантии" трактовалось достаточно широко, включая в себя различные формы распределения экономических благ, механизм взаимоотношений социальных групп, степень распространения просвещения, господствующие религиозные и нравственные воззрения, общий характер народа (то, что на современном языке именуется менталитетом) и т.п. Значение этих социальных условий определялось их влиянием на формирование "господствующих в населении нравов", т.е. общественного мнения. В этой связи проблема создания социальных гарантий заключалась в обеспече-

---

[1] Малиновский И.А. Вопросы права в сочинениях А.П.Чехова ... С.81.

нии экономического, социокультурного, психологического фона, способного стать основой высокого уровня общественного самосознания, которое, в свою очередь, призвано было стать оплотом против всевозможных правонарушений, откуда бы таковые ни исходили[1].

С учетом неприятия экономического детерминизма и акцентированного признания И.В.Михайловским приоритета духовных ценностей становится вполне объяснимым его упование прежде всего на возможности культурных факторов в создании социальных гарантий правопорядка. Важное значение в числе этих факторов придавалось науке и образованию, развитию и распространению знаний. По убеждению И.В.Михайловского, огромная часть социальных и политических бедствий, выпавших на долю России в XX в., объяснялась именно необразованностью в самом широком смысле, под которой он подразумевал абсолютное невежество и темноту масс, устрашающе низкий уровень образования учащихся средней и высшей школы и, наконец, безнадежную путаницу в умах большей части интеллигенции. Это убеждение разделяло большинство либералов.

Однако возможности выхода из "заколдованного круга культурной отсталости" по-разному осмыслялись активистами-практиками и теоретиками либеральных партий. Для первых умственное развитие народа ассоциировалось прежде всего с политическим просвещением, и в этом отношении их позиция была близка позициям представителей радикальной интеллигенции. Так, один из лидеров красноярских кадетов А.Саввиных средством широкого умственного развития народа считал митинги и лекции[2]. Теоретики же связывали культурный прогресс с развитием образования, опирающегося на прочную научную основу. Наука воспринималась при этом как своего рода маяк в области социальных исканий, как главный критерий дифференциации идеала и утопии, как противоядие крайнему радикализму, отрицавшему выработанные историей формы и допускавшему возможность мирового переустройства при помощи найденной формулы вопреки всем объективным факторам культуры[3].

И все же умственное развитие не представлялось панацеей в деле культурного прогресса. Рационалистическая тенденция, проявлявшаяся в придании науке и образованию решающего значения в развитии культуры, оценивалась И.В.Михайловским как неизбежно обреченная односторонность. Будучи сторонником идеи равноценности разных факторов общественной жизни, он последовательно проводил ее и в постановке проблемы культурного прогресса. Поиски истины на этом пути были сопряжены для него с высшим синтезом различных факторов культуры - науки, умственного развития, эстетического, нравственного и др. Из этого ряда равноценных по своей роли

---

[1] Михайловский И.В. Очерки философии права ... С.597-598..

[2] Саввиных А.А. Тяжкое наследие // Голос Сибири. 1905. 7 дек.

[3] Михайловский И.В. Университет и наука ... С.8.

факторов особо выделялся лишь религиозный, значение которого рассматривалось как превалирующее[1].

Религия признавалась И.В.Михайловским основой истинно-человеческой жизни, истинного прогресса, освобождения человека от демонов злобы, зависти, жадности, эгоизма, гордыни и др. Близость народа к осуществлению идеала всеобщего братства ставилась в прямую зависимость от развитости у него религиозного чувства в противовес низменным инстинктам, свойствам дикости, зверства и злобы. Бедствия же России, крушение социального и государственного уклада жизни рассматривались как следствие поразительного падения религиозности, а в качестве перспективы в условиях прогрессирующего антирелигиозного отщепенства рисовалась окончательная гибель народа.

Рассматривая религию не только как залог правильной постановки дела умственного образования, но и в целом как фундамент прочного социального здания, И.В.Михайловский особо подчеркивал ее роль в специфических российских условиях. При этом аргументация значимости религиозной основы жизни, сводившаяся фактически к эмоциональному обоснованию неприемлемости абсолютного господства "холодного, не согретого порывами сердца" рационализма, позволяет предположить, что религия для него по преимуществу ассоциировалась с духовными началами вообще[2].

Признание приоритета религии, духовности в противовес рационализму Запада, по-видимому, можно расценивать как проявление специфики российского менталитета - доминирования веры над разумом[3].Воплощением истин-

---

[1] Михайловский И.В. Религия и народное образование ... С.2, 6.

[2] Михайловский И.В. Религия и народное образование.... С.4, 5, 7, 8.

[3] Присутствие в российском либерализме подобных концепций позволяет лишний раз усомниться в правомерности использования метода «общего знаменателя» в установлении общности «семьи либерализма». Одним из весьма распространенных определений сущности либерализма, построенных на основе выделения универсальных для либералов суждений и приверженностей, является формула «либерализм есть идеология Просвещения». Такое определение предполагает в качестве обязательных основополагающих установок сторонников либерализма признание свободы личности наиболее значимой моральной и политической ценностью и рационализм, культ разума, непоколебимую веру в способность науки постепенно разрешить все социальные проблемы. (См.: Шапиро И. Введение в типологию либерализма// Полис. 1994. № 3. С.7, 8.). Концепция И.В.Михайловского и его единомышленников (в частности, из «стана веховцев») не вписывается в рамки обозначенного таким образом содержательного пространства «семьи либерализма». Присутствие же в ней методического признания свободы частного лица как отправного пункта построения социально-политической теории и общественного

ной веры при этом отечественным либералам, очевидно, должно было представляться православие. Однако от однозначного и прямолинейного выражения своих религиозных предпочтений они, как правило, воздерживались, руководствуясь, вероятно, стремлением дистанцироваться от апологетов теории "официальной народности", а равно и от идеализации самобытного начала России в славянофильской традиции. Кроме того, сдержанность в отношении оценок различных религиозных течений можно расценивать и как симптом толерантности либерализма, следовать принципам которой в среде духовных верований было проще, чем в пылу политических баталий.

Опору для развития религиозного сознания либералы видели в традиционных религиозных воззрениях соотечественников, специфичными компонентами которых по сравнению с католичеством и протестантизмом являлись приоритет духовных, нравственных потребностей над материальными, гармонизация церковного и индивидуального начал на основе свободы и любви, апелляция к внутреннему чувству, к душе в поисках критериев истинности веры. Косвенным подтверждением могут служить размышления профессора Томского университета октябриста П.А.Прокошева о сущности религиозного кризиса в Западной Европе, связанного с возникновением модернистского религиозного течения. Симпатии профессора богословия к последнему очевидны, хотя и не выражались непосредственно.

Основные мотивы модернизма, которому предрекалось будущее, выглядели в интерпретации П.А.Прокошева вполне созвучными православию и в то же время неприемлемыми для католицизма и протестантизма. В противовес католицизму, предусматривающему безусловный авторитет папы в вопросах веры, нетерпимое отношение к самостоятельному человеческому мышлению, позитивизм грубочувственных представлений о Боге, о душе, о загробной жизни и т.д., модернисты выдвигали на первый план начала индивидуальной совести, исторический критицизм и широкую свободу критического исследования священного текста. Вместе с тем они не могли согласиться и с предполагавшейся протестантизмом заменой авторитета церкви авторитетом разума, господством философского рационализма. За разумом в модернизме признавалась лишь способность содействовать уяснению внутренних религиозных переживаний. Источником же религии объявлялись не научное убеждение, не опыт разума, а внутреннее чувство, внутренний опыт человеческой души, ищущей Бога[1].

Проповедь Бога, которого живущий по-божьи человек находит в глубине своей души, вместо Бога как отдаленного, умозрительно постигаемого монар-

---

порядка делает бесспорным ее либеральный характер, а стало быть, дает основания для сомнений в универсальности метода «общего знаменателя».

[1] Прокошев П.А. Религиозный кризис на Западе Европы. (Модернизм). Томск, 1911. С.12, 13, 14, 16, 17.

ха, сближала модернизм с православием. Поэтому позитивное отношение П.А.Прокошева к модернизму в известной степени можно рассматривать как проекцию его православных предпочтений на оценку религиозной ситуации в Западной Европе.

Опора на отечественные традиции, учет специфики российского менталитета в постановке задач развития религиозного сознания народа как социального фактора обеспечения правопорядка не означали однако абсолютного негативизма по отношению к европейским культурным традициям. Атмосфера высокой культуры, царившая в Европе, развитое чувство законности, сознание своих прав и вместе с тем обязанностей не могли не импонировать либералам. "Европеец прекрасно знает, что он обязан подчиняться не той или иной личности,... а закону... .Отсюда такое высокое сознание собственного достоинства и уважение к личности. Отсюда и уважение к установившимся культурным формам общежития, к учреждениям и традициям. А в результате получается то спокойное, бодрое настроение, которым проникнуты европейцы, та энергия, уверенность в себе, сознание, что существующий строй и правопорядок есть действительно нечто весьма прочное и надежное"[1]. В этих словах И.В.Михайловского явственно ощущается одобрение, граничащее с восхищением. Вместе с тем он испытывал и глубокую горечь, вызванную осознанием наличия "дистанции огромного размера", разделяющей европейское общество и российское с его неуверенностью в завтрашнем дне, недоверием к правопорядку, халатностью, торопливостью, жизнью на авось и прочими "прелестями"[2]. Отсюда и его призывы "очеловечить Россию", "сделать ее равноправным членом в семье культурных народов", "создать ту почву, которая сейчас отсутствует и без которой невозможно прогрессивное развитие народа, а именно чувство законности, уважение к праву, к личности"[3].

Однако не только эмоциональное положительное восприятие европейской действительности побуждало либералов рассматривать формирование и развитие общественного правосознания как необходимую предпосылку создания правового государственного порядка. Первостепенную роль играли все же рациональные посылки. Профессор Томского университета кадет М.И.Боголепов подчеркивал:"...правовое государство прежде всего опирается на определенное правосознание общества и в этом правосознании находит свое основание и устойчивость"[4].

Обосновывая значимость воспитания в обществе чувства законности , теми же соображениями руководствовался и И.В.Михайловский, писав-

---

[1] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов ... С.2..

[2] Там же..

[3] Михайловский И.В. Университет и наука ... С.17..

[4] Боголепов М.и. Финансы, правительство и общественные интересы. Спб., 1907. С.26.

ший:»...уважение к закону, когда оно утверждается долгой практикой и входит в нравы, составляет самую надежную опору государственного строя"[1]. Формально-правовые установления в обществе при отсутствии развитого правосознания представлялись ему лишенными смысла, не способными сколько-нибудь изменить реальное положение вещей. Он отмечал: "Никакие бумажные конституции, никакие законы не могут перевоспитать общество, веками воспитанное в атмосфере бесправия. Только сильно развитое чувство законности, уважение к личности, уважение к праву создают крепкий, надежный фундамент государственного строя, и это настроение, господствующее в обществе, гораздо надежнее охраняет правопорядок, чем томы законов, бессильно стоящих на полках библиотек и присутственных мест"[2].

Вообще, убежденность в необходимости социального воспитания, предполагавшего разнообразное и разностороннее воздействие на природу человека в целях укрепления идей правозаконности, человеческой солидарности, высокой ценности человеческой личности, святости и неприкосновенности человеческой жизни, которые должны были стать нормой общежития, объединяла либералов различных оттенков - и радикального, и консервативного. Радикал-либерал И.А.Малиновский с неменьшим энтузиазмом, чем придерживавшийся принципов охранительного либерализма И.В.Михайловский, настаивал на необходимости подготовки человека к новому государственному и общественному строю при помощи мер социального воспитания. При этом он ссылался на содержавшийся в книге В.М.Бехтерева "Внушение и его роль в общественной жизни" социологический рецепт борьбы с преступностью, суть которого заключалась в прививке обществу антизаразного начала путем правовых жизненных норм [3]. Принципиально отличало позицию радикал-либералов от позиции консервативных либералов в этом отношении лишь признание первыми настоятельной необходимости сочетания мер социального воспитания с коренными реформами политического и социального строя на основе свободы, права и социальной справедливости, в то время как их оппоненты были склонны рассматривать культурное развитие общества и, в частности, формирование его правосознания прежде всего как предпосылку либерального реформаторства.

Осмысление уроков первой российской революции обусловило политическую актуализацию либеральной идеи формирования правосознания в обществе. События 1905-1907 гг. сделали очевидной производность характерного для россиян крайнего радикализма от их "правовой дряблости", отсутствия ярко выраженного чувства законности, проявлявшихся в неподчинении зако-

---

[1] Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина ... С.33.

[2] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов ... С.9.

[3] Малиновский И.А. Кровная месть и смертные казни. Томск, 1909. Вып.II. Ч.III . С. 141, 142, 145.

ну, действиях "захватным правом", отождествлении отдельных носителей власти с правом и т.д. И опять же само собой напрашивалось сравнение (в духе противопоставления) с европейской социокультурной реальностью. И.В.Михайловский отмечал: "Европейцы, даже из наиболее живых, впечатлительных и экспансивных наций, никогда по общему правилу не могут так подчиниться новым идеям, чтобы сразу отбросить как ненужный и вредный хлам несогласные с ними вековые учреждения и традиции. Они чувствуют, что в этом наследии веков всегда хранятся элементы истины. Между тем у нас каждая новая идея сразу овладевает умами и сердцами до такой степени, что все, несогласное с ней, отвергается, адепты новой идеи готовы сейчас же коренным образом перестроить весь мир по рецепту модной идеи. Об уважении к мнениям противников, об уважении к вековым традициям нет и речи! Все это едва ли свидетельствует о высокой культуре"[1].

Формирование уважительного отношения к прошлому, к историческим традициям рассматривалось либералами как важный компонент национального правового воспитания. Признавая, что партийная "обработка" населения, как и насаждение полицейского национализма, дает прискорбные всходы, если сталкивается с "людской пылью", безликой массой, Н.Я.Новомбергский считал , что разумного и твердого противодействия им можно ожидать лишь со стороны граждан, осознавших великое прошлое Отечества и великие задачи, еще предстоящие ему во всемирной истории. Большие надежды в формировании национального сознания он возлагал на юридические факультеты российских университетов, где проходили подготовку представители административной и судебной службы, многих свободных профессий. Подчеркивая важность правильной организации преподавания истории русского права для национального воспитания, Н.Я.Новомбергский предлагал создать в Москве профессорский институт (предназначавшиеся ему функции вызывают ассоциации с современными институтами повышения квалификации преподавательских кадров - О.Х.), не останавливаясь перед расходами, поскольку это будет расход "на сооружение кафедрального храма русского национального сознания"[2]. Исключительную роль в воспитании у россиян чувства законности и, соответственно, в обеспечении достойной будущности России отводил юристам и И.В.Михайловский[3].

Здравая оценка реального уровня культуры в стране приводила к осознанию глубины пропасти, отделявшей российское общество от стандартов общества гражданского. Либералы чутко фиксировали симптомы отставания России от Западной Европы в этом отношении: отсутствие уважения к закону

---

[1] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов ... С.9.

[2] Новомбергский Н.Я. Кафедра истории русского права в росийских университетах. Пг., 1915. С.9.

[3] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов ... С.9.

во всех слоях русского общества, самоуправство и произвол со стороны власти, порождавшие замену чувства законности верой во всемогущество барина-начальника, постоянные нарушения предписаний закона и т.п. Драматизм ситуации, по их мнению, усугублялся тем, что атрофия чувства законности имела глубокие корни в самих устоях общественной жизни. Реформы 60-70-х гг. XIX в., будучи противоречивыми и непоследовательными, не смогли изменить эти устои. Сохранение зависимости крестьян от общины, от податного и паспортного закрепощения, контрреформистские по сути изменения в Земском и Городовом Положениях 90-х гг., частичные изменения судебных уставов, введение института земских начальников, сохранение цензурного гнета, телесных наказаний и пр. - все это в совокупности способствовало, по словам И.А.Малиновского, поддержанию тех понятий, взглядов, привычек и нравов, которые образовались во времена крепостного права[1] .

Тем не менее либералы с оптимизмом смотрели в будущее. Их уверенность в конечном успехе формирования национального сознания на принципах законности, уважения к праву, к личности питалась исторической памятью о традициях и богатых возможностях русского народа, отраженных в юридических памятниках ("Русской правде", Псковской и Новгородской судных грамотах), "где выразилось такое здоровое, цельное правовое чувство"; в памятниках народного искусства, народной песне, во многих фактах и событиях русской жизни. И.В.Михайловский писал:"...страна, давшая человечеству Глинку, Чайковского, Васнецова, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Менделеева, Мечникова, Чичерина, ... имеет перед собой будущее, для такой страны стоит работать"[2].

Дополнительным основанием для положительной оценки либералами перспектив приобщения россиян к цивилизованному гражданскому обществу посредством культивирования чувства законности служили наметившиеся на рубеже XIX-XX вв. тенденции трансформации народного правосознания. Фиксируя противоречивость русской общественной жизни, И.А.Малиновский отмечал присутствие в ней двух течений: "Молодая раскрепощенная Россия уже начала свое бытие и сделала первые нетвердые шаги; но еще доживает последние дни старая крепостная Россия, она употребляет отчаянные усилия, чтобы продлить свое существование ... и ревниво оберегает приобретенные права"[3].

Эта противоречивость не могла остаться без влияния на народное правосознание, которое также обрело некое переходное состояние. Анализ наметившихся сдвигов давал богатую пищу для размышлений. Сущность новых тенденций, обозначившихся в 90-е гг XIX в. как реакция на "начавшееся раз-

---

[1] Малиновский И.А. Вопросы права в сочинениях А.П.Чехова ... С.11.

[2] Михайловский И.В. Университет и наука ... С.16, 17.

[3] Малиновский И.А. Вопросы права в сочинениях А.П.Чехова .. С.12.

ложение в самих недрах народной жизни", Н.Я.Новомбергский определял таким образом: "Правосознание народное, всегда чуткое к температуре окружающей среды, постепенно начинает отражать в себе криворост крестьянской мысли, расшатанной жизнью в казарме, городе, на фабрике и различных отхожих промыслах. Крестьянство, затронутое толками об общих гражданских правах, теряет мало-помалу патриархальную веру в совесть мира и ищет спасения в определениях писанного права, идет к мировому, апеллирует к земскому начальнику"[1].

Движение "от совестного безобрядного волостного суда к камере представителя твердой правительственной власти", служившее показателем вытеснения обычая законом, воспринималось как необратимое. Залогом поступательного развития этого процесса Н.Я.Новомбергский считал даже не столько начавшееся расщепление устоев народной самобытности, которое должно было сломить власть мира над личностью и поставить последнюю в условия общих гарантий правосудия и гражданского равенства перед единым для всех законом, сколько общие закономерности формирования гражданского общества. Излагая их суть, заключавшуюся в процессе "обобществления закона", профессор писал:"Когда гражданская жизнь достигает известной степени выработанности, когда падают национальные, религиозные и сословные перегородки между гражданами одного государства, когда просвещение и культура становятся всеобщим достоянием, то закон обобществляется, народное правосознание покидает свои изолированные пути развития и неизбежно сливается с общим течением национально-государственного правообразовательного творчества"[2].

Признание необратимости замены обычного права законом не являлось для либералов основанием к попыткам придать ей ускоренный характер за счет субъективных усилий. Напротив, исходя из принципа постепенности общественного развития, они стремились не допустить его форсирования при отсутствии соответствующих объективных условий. Поэтому при всей важности общих законодательных норм для воспитания у масс чувства законности и охраны правопорядка, без которого немыслима государственная прочность, радикальный разрыв с нормами обычного права представлялся совершенно неприемлемым. Н.Я.Новомбергский подчеркивал: "Непризнание обычая в вопросах, возникающих между обществами, отдельными крестьянами и между первыми и последними на почве общинного пользования землею и кругового отбывания повинностей ... равносильно будет ... расстройству крестьянской жизни до тех пор, пока личность крестьянина в силу полицейских и финансовых соображений подавлена властью двора, общества, прикреплена к

---

[1] Новомбергский Н.Я. Волостной суд, преобразованный по закону 2-го июня 1898 года. Практическое руководство. Томск, 1910. С.XIII..

[2] Там же. С.XIII-XIV.

земле, ограничена в правах передвижения, собственности и т.п."[1]. И эту убежденность в недопустимости насилия по отношению к народной совести со стороны абстрактных норм писанного закона не могли поколебать ни обращения отдельных крестьян, переросших незатейливую волостную юстицию, с просьбами о разбирательстве их дел на основании общих законов, ни то обстоятельство, что волостной суд зачастую принимал решения, противоречащие переходному настроению крестьянства и нацеленные на движение вспять - к обычаю. Исключение "в интересах не правового, а общего культурного развития массы" допускалось лишь в плане отмены решений, принятых под влиянием жестоких и вредных обычаев, характеризующих не самобытный склад семейно-хозяйственных основ деревни, а душевную грубость и прискорбную духовную нищету народа, как-то: деспотизм старшего в доме, унизительное отношение к женщине, се ние розгами и т.п.[2].

Однако это исключение не предполагало отказа от общего правила, сформулированного Н.Я.Новомбергским: "Обновление народа должно начаться не в горниле индивидуалистического писанного права, а при свете торжества общинно-трудового начала, очищенного от всех наслоений невежества и жестокости." Твердо придерживаясь представления о недопустимости пренебрежения коллективным разумом и вековым опытом народа, он готов был "ради целого жертвовать частью", т.е. в условиях сохранения законодателем семейно-хозяйственной организации как базиса народного суда "интересы отдельных личностей принести на алтарь неприкосновенности охраняемого законом замкнутого состояния сельских обывателей"[3].

Такое признание весьма симптоматично для российского либерализма. Черпая изначально идеи из европейских источников, он вызрел на почве естественно-исторической необходимости развития собственной страны. Возникновение либерализма в России не являлось простой "пересадкой" ценностей иного типа цивилизации[4]. То обстоятельство, что русский образец государства, воплощенный в крепостничестве, гораздо более резко противоречил либеральным принципам, чем западноевропейское государство, в области как политического, так и общественного устройства, чрезвычайно остро ставило перед отечественным либерализмом задачу адаптации к почвенным условиям. Начиная с Екатерины II , ставшей первым пропагандистом либеральных идей в России, их аденты в большинстве своем руководствовались стремлением согласовать новое законодательство и гражданский правопорядок в целом с

---

[1] Там же. С.XV.

[2] Там же. С.XVII, XIX.

[3] Там же. С. XIX.

[4] Новикова Л.И.// Круглый стол «Риск исторического выбора в России»/Вопросы философии. 1994. № 5. С.25; Возможности либерализма в осмыслении современного мира. Обзор коллоквиума // Полис. 1994. № 3. С.128.

характером народа, его обычаями, привычным ему, созданным жизненной действительностью правом. Учет обусловленной уникальностью геополитической ситуации предрасположенности россиян к стабильности, прочности стереотипов их мышления предопределил сильное охранительное начало в традициях отечественного либерализма. В качестве частного его проявления и следует рассматривать готовность Н.Я.Новомбергского вопреки классической парадигме либерализма пренебречь принципами индивидуализма, интересами отдельных личностей во имя уважительного отношения к вековому опыту народа и исторически возникшим общинным связям.

Вместе с тем допускавшаяся Н.Я.Новомбергским возможность отмены решений, обусловленных жестокими обычаями и невежеством народа, свидетельствовала о присутствии в его мировоззрении элементов и иной, радикальной традиции российского либерализма. Заложенная А.Н.Радищевым в XYIII в., эта традиция была связана с отказом от безусловного пиетета перед существующим порядком и нашла выражение в заповеди автора "Путешествия из Петербурга в Москву": "Не дерзай никогда исполнять обычая в предосуждение закона. Закон, каков ни худ, есть связь общества"[1].

Наконец, в приведенных рассуждениях Н.Я.Новомбегского можно уловить и некую региональную специфику либерального мировоззрения. Крупнейший теоретик либерализма в России Б.Н.Чичерин, исходя из недопустимости культивирования настроений социального иждивенчества, при всем уважении к историческим традициям своего Отечества высказывался за разрушение общины[2]. Эта традиция негативного отношения к патриархальному общинному укладу жизни, противопоставления ему мелкобуржуазного, экономически крепкого крестьянства была продолжена в легальном марксизме и трудах идеологов кадетской партии. Уверенность же профессора Томского университета в необходимости использования общинно-трудового начала в процессе гражданского становления русского народа отражала не столько частную позицию, сколько доминировавшее среди местных либералов подчеркнуто бережное отношение к общинным институтам, связанное с представлением о том, что в Сибири община еще далеко не исчерпала своих возможностей и не изжила себя.

В целом же стремление сибирских либералов приобщить россиян к цивилизованному гражданскому обществу путем распространения образования, социального воспитания, формирования правосознания при опоре на традиционные религиозные и нравственные ценности с учетом национальной самобытности является убедительным свидетельством зрелости либеральной

---

[1] Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1971. С.106.

[2] Маркин А.В., Татарникова С.В. "Редкий в России государственник"... С.90.

культуры заимствования[1]. Их западническая ориентация в самом общем виде не вызывает сомнений. Выход России из "заколдованного круга отсталости" они однозначно связывали с движением "со всеми цивилизованными народами по одному пути культурного прогресса, ... к одному общему идеалу - дать всем людям ... возможность пользоваться благами света культуры, на основах гражданской свободы и равенства"[2]. Тем не менее нет ни малейших оснований для обвинения либералов в "слепом" копировании европейского опыта в России, поскольку они предусматривали адаптацию его элементов к почвенным условиям. И.В.Михайловский подчеркивал: "Вообще надобно с большим уважением и вниманием относиться к урокам истории, к вековым традициям и учреждениям: в них всегда мы откроем элементы истины, несмотря на все уклонения, наслоения, которыми нередко закрыты эти элементы"[3].

Не случайно столь значительное внимание в своих работах профессора Томского университета уделяли анализу национального самосознания. Характеристика Н.Я.Новомбергским переходного состояния правосознания русского крестьянства не являлась единственным примером в этом отношении. Живо интересовался особенностями мировосприятия соотечественников и его коллега И.А.Малиновский. Прочитанный им в 1904 г. на заседаниях Томского юридического общества доклад "Вопросы права в сочинениях А.П.Чехова" представлял по сути исследование менталитета российского общества на основе художественных произведений, позволившее дать вполне адекватные, реалистичные оценки умонастроений россиян[4].

Сознанием необходимости усваивать элементы общечеловеческого опыта, найденные и апробированные другими народами, с учетом конкретно-исторических обстоятельств своей страны руководствовался и профессор И.А.Базанов. Рассуждая по поводу критических замечаний в адрес проекта вотчинного режима, обсуждавшегося в III Государственной думе, он отвергал как абсолютный негативизм по отношению к заимствованиям с Запада в вопросах правовой организации под предлогом их недоступности пониманию широких масс и вытекающих из этого тяжелых испытаний для населения, так и стремление сторонников рецепции западноевропейских ипотечных порядков к стихийному подражанию в области формального права. "В этих разногласиях, - писал он, - истина кроется в средине". Такой позицией и объяснялось его одобрительное отношение к тем проектам (в том числе к проекту вотчинного устава, внесенному в III Государственную думу министром юстиции), которые "так же внимательно считаются с достоянием родного право-

---

[1] См.: Селезнева Л.В. О западничестве российской либеральной интеллигенции //История российской интеллигенции. М., 1995. Ч.1. С.24-26.

[2] Саввиных А. Тяжкое наследие ...

[3] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов... С.6.

[4] См.: Малиновский И.А. Вопросы права в сочинениях А.П.Чехова ...

образования, как и с опытом и с успехом правообразования соседей", а потому, "если они и представляют собою заимствование, то самостоятельное и свободное"[1].

Самостоятельность, творческий характер заимствований, с одной стороны, и вера "в силу русского гения", в будущность России, с другой, давали либералам основание не опасаться потери самобытности от этих заимствований и утверждать, что их страна "может смело и бодро глядеть вперед, зная, что ее духовная сила далеко еще не иссякла и что долго еще она может пополнять плеяду звезд, освещающих человечеству путь к лучшему будущему"[2].В этих утверждениях не было оттенка самолюбования, упоения "самостью" Отечества, поскольку они не снимали для либералов ключевой проблемы создания нового, прочного правопорядка. "Да, земля наша действительно велика и обильна, мы богаты и духовными силами, в характере русского народа есть в высокой степени ценные качества, - писал И.В.Михайловский.- Но пока не будет "порядка", ... пока мы будем все делать только "по душе", будем надеяться на наше универсальное "авось", не поймем всей важности организации и прочного правопорядка, до тех пор все таящиеся в русском духе сокровища не выведут Россию из состояния государства отсталого, некультурного"[3].

Итак, трансформация сознания посредством развития общей культуры россиян должна была стать оплотом против всевозможных правонарушений, посягающих на интересы как отдельной личности, так и всего общества. Именно в этом усматривался либералами смысл проблемы создания социальных гарантий правопорядка.

В целом , сибирский либерализм начала XX в. в поисках оптимального варианта решения задачи сочетания индивидуальной свободы личности и надлежащего общественного порядка оказался вполне традиционным. Создание социальных гарантий правопорядка фактически предполагало формирование гражданского общества, идеалом которого были проникнуты как западноевропейские, так и отечественные либеральные доктрины. Однако, понимая под гражданским обществом общество равных прав и возможностей для всех граждан, сибирские либералы не сводили процесс его формирования к обеспечению законодательным путем совокупности гражданских свобод. Основной акцент в их концепциях был сделан на социальное воспитание, культивирование чувства законности в населении, развитие адекватного гражданскому обществу национального самосознания.

---

[1] Базанов И.А.Вотчинный режим в России. Его происхождение, современное состояние и проект реформы // Известия Императорского Томского университета. Кн.XXXIX. Томск, 1910. С.295-296.

[2] Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина... С.38.

[3] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов... С.6.

Безусловно такое смещение акцентов с проблем правового характера на вопросы морально-этические не было случайностью. В его основе лежало осознание контраста между западноевропейской и российской социокультурной реальностью, понимание того, что последняя, не будучи подвергнута соответствующему воздействию, способна заблокировать любые либеральные начинания. Отсюда то исключительное значение, которое придавалось просвещению населения и воспитанию разумных, зрелых, сознающих свои личные интересы и вместе с тем свою ответственность перед обществом индивидов. Ключевым мотивом либерального просветительства являлось при этом стремление сделать представления о ценности человеческой личности, ее праве на свободу самовыражения в рамках общежития имманентными для россиян благодаря глубокому индивидуальному их осмыслению. Подобный подход исключал возможности искусственной трансплантации элементов западноевропейской культуры, бездумного следования определенным общим канонам либеральной идеологии.

Создание гражданского общества, обеспечивающего, с одной стороны, индивидуальную свободу и приоритетное значение личности, а с другой - механизм взаимодействия и согласования частных интересов в рамках общежития, рассматривалось как фундамент либерального переустройства Отечества. Вершиной же, венчающей проектировавшуюся модель общественной организации, должно было стать государство как высшая форма общежития, а основным инструментом реализации его власти - право. Особое значение, придававшееся либералами этим двум компонентам общежития, нашло отражение в их политической концепции.

3. Политическая концепция: поиск оптимальной модели государственной организации

Представление о государстве как высшей форме общежития, охватывающей все другие общественные институты, учреждения, союзы, отражало своеобразный пиетет либералов перед государственным началом. Усиленный традициями "государственной школы", представители которой располагали значительным влиянием в отечественном либерализме XIX в., он обусловил пристальное внимание их последователей к поиску оптимальной политико-правовой модели общества.

Насколько очевидной для либералов была необходимость высокой степени развития общественной организации, обеспеченности прав личности и твердости правопорядка для раскрытия неисчерпаемого богатства человеческого духа и реализации индивидуальных творческих потенций, настолько же

аксиоматичным представлялось им утверждение, что наиболее пригодной почвой для развития права является государство. Подтверждение этой истины И.В.Михайловский усматривал в историческом опыте человечества, свидетельствующем о непременном сопровождении распада государственной жизни во времена внутренних потрясений, революций, анархии упадком культуры и "устрашающим развитием зверя в человеке". Наряду с эмпирическими доказательствами важности идеи государства он приводил и аргументы, восходящие к философии Гегеля. Значимость философского исследования в этом смысле определялась, по мнению И.В.Михайловского, его возможностями в обосновании двух ключевых положений:1)"Государство есть ... необходимый продукт социальной жизни, такое же неизбежное, не зависящее от воли человека явление, как явления природы"; 2)"это явление имеет глубоко разумные основы как в природе человека, так и в природе того верховного нравственного порядка, частью которого является дух человека"[1].

В связи с признанием исключительной роли государства в создании общественного устройства на принципах либерализма в качестве составляющей процесса формирования прочного правопорядка рассматривалось создание его политических гарантий. Последние виделись либералам в "надлежащей организации государственной власти со всеми ее разветвлениями". Основное назначение такой организации заключалось в сведении к минимуму опасности вырождения власти в "голый деспотизм" и обеспечении добросовестного исполнения всеми агентами власти своих обязанностей и уважения с их стороны к правам граждан. Исходя из этого, И.В.Михайловский относил к числу основных политических гарантий следующие: "надежная система взаимных сдержек и контроля, препятствующая различным органам власти нарушать права граждан; широкое развитие местного самоуправления, надлежащая организация законодательного учреждения; создание стоящей на высоте своей задачи бюрократии"[2].

Поиск оптимальной модели государственной организации сибирские теоретики либерализма, как, впрочем, и их единомышленники в Европейской России, не связывали непосредственно с определенной формой правления. Не случайно П.Б.Струве подчеркивал, что, утверждая свободу лица против всякой власти, как бы она ни была организована, "либерализм в его "чистом понятии" вовсе не ставит прямо или непосредственно вопроса об организации власти или о государственном устройстве в тесном и точном смысле"[3]. Основой отношения к вопросу о формах политического устройства являлось восходящее к либеральным тенденциям в проектах Екатерины II и получившее

---

[1] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов ... С.5, 6.

[2] Михайловский И.В. Очерки философии права... С.598, 600.

[3] Струве П.Б. О мере и границах либерального консерватизма // Полис. 1994. № 3. С. 131.

развитие в творчестве представителей "дворянского" либерализма XIX в. убеждение в невозможности унификации характера государственного устройства ввиду его зависимости от множества исторических факторов. Следуя этим традициям отечественного либерализма, И.В.Михайловский заявлял о полной солидарности с выраженным И.Колером мнением о том, что "нет и не может быть идеальной организации для всех времен и народов, ... государство может достигнуть наилучших возможных для него культурных результатов при самых различных образах правления"[1].Эту мысль он проводил и в своем фундаментальном труде "Очерки философии права"[2]. Однако такая постановка вопроса все же не предполагала индифферентного отношения к проблеме выбора наиболее приемлемой для России формы правления и отсутствия индивидуальных политических предпочтений.

И.В.Михайловский считал, что при всем разнообразии проявлений государственных организаций, известных истории, в них можно вычленить одни и те же элементы: монархии, аристократии и демократии. Разнообразие определялось лишь различиями вариантов их комбинации. Худшей из всех "чистых" форм государства И.В.Михайловскому представлялась демократия. Распространенные в начале XX в. прогнозы эволюции форм государственного устройства в направлении окончательного торжества демократии он однозначно оценивал как антинаучные, обращаясь за доказательствами своей правоты к фактам истории и философскому изучению сущности государства и различных его элементов. Довольно скептическим было и его отношение к идее парламентаризма,"извращающей роль монарха"[3].

Критика И.В.Михайловским демократического государственного устройства не являлась лишь отражением личных эмоций, она была серьезно обоснована. Аргументация строилась, главным образом, на анализе политической теории XIX в., ее эволюции и связанного с последней кризиса современного правосознания. По мнению И.В.Михайловского, идеи Руссо и Монтескье, предопределившие основное содержание политической теории XIX в., проявили полную несостоятельность. Несмотря на то, что сформулированная Монтескье идея представительства находилась в непримиримом противоречии с учением о народном суверенитете, развитом Руссо в "общественном договоре", их объединяло ошибочное представление о возможности выражения общей воли. Основным догматом теории Руссо являлся тезис о государстве, построенном на общей воле народа (понимаемой как согласие народа в его целом относительно общих предметов), а потому способном быть священным отражением незыблемой правды. В свою очередь Монтескье, отрицая идею народного суверенитета ввиду непригодности народа к обсуждению государ-

---

[1] Михайловский И.В. Рецензия на учебник ... С.376.

[2] Михайловский И.В. Очерки философии права ... С.600.

[3] Там же.

ственных дел и принятию справедливых решений, склонен был видеть в законодательной власти не общую волю народа, а общую волю государства, выражать которую призваны наиболее подготовленные к этому трудному делу лица. При этом задачей представительного собрания должно было стать не следование уже имеющейся и ясной народной воле, а ее нахождение и истолкование совершенно самостоятельно и независимо от народа.

И.В.Михайловский не мог согласиться с общим для двух столь различных теорий тезисом "источник общей воли - общественное мнение", т.к. последнее является "1) непрочным и неустойчивым, 2) неопределенным и неясным и 3) не охватывающим область политических вопросов во всей полноте их практической постановки". Эти специфические характеристики, превращавшие общественное мнение в фантом, выводили на признание чрезвычайной важности :"Каждый из органов, претендующих на выражение общественного мнения, всегда исходит не из того, каково есть общественное мнение, а из того, каким оно должно быть". Поэтому И.В.Михайловский был отнюдь не склонен воспринимать депутатов парламента, вырабатывающих так называемую "общую волю" совершенно независимо от своих избирателей, как эхо голоса народа, тем более что фактически в этом процессе преобладающую роль играют лишь немногие члены парламента при пассивном отношении остальных. С другой стороны, и ссылки на народный суверенитет в раздававшихся протестах против парламентской олигархии, лишающей народ верховных прав, И.В.Михайловский считал пустой декламацией, усматривая в аргументации авторов этих протестов свидетельства того, что и они основываются не на фактическом волеизъявлении народа, не на общественном мнении, а на тех или иных принципиальных позициях (личного свойства или же созвучных определенным партийно-политическим установкам и догматам)[1].

Подобные рассуждения привели И.В.Михайловского к убеждению в невозможности ориентироваться в поисках верховного принципа государственной власти на народную волю как таковую, а следовательно, в необходимости сведения ее к другим высшим началам. Для него, как либерала, началом, ограничивающим всемогущество этой воли, являлась личность с ее абсолютным значением, выведенным из высшего этического порядка, стоящего над государством[2]. Признавая личность исходным понятием для определения конструкции государства, он обращал внимание на эволюцию этого понятия с конца XVIII века. и обусловленное ею изменение содержания понятий "свобода" и "равенство".

Первоначальному представлению о личности в ее родовом понятии, общей и отвлеченной основе, одинаковой у всех людей соответствовало восприятие свободы как права участия личности в народном суверенитете (т.е. как

---

[1] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов ... С.18-21.

[2] Там же С.21.

политической свободы - О.Х.), а равенства - как принадлежности этого права всем в одинаковой мере. Такое понимание позволяло утверждать возможность полной гармонии между личностью и государством, а также внутреннего единства начал свободы и равенства, что, в свою очередь, давало основания для отождествления по существу ценностей либеральных и демократических.

Изменение содержания понятия "личность", восприятие личности во всей полноте индивидуальных проявлений привело к расширению понятий "свобода" и "равенство". Эволюция теории индивидуализма нашла выражение в осознании существенных различий между началами свободы и равенства. Политическая мысль XIX в. обнаружила, что так называемая политическая свобода есть только средство для охраны индивидуальной свободы, личной независимости, ее гарант. Демократическое начало равенства, в свою очередь, стало толковаться его страстными приверженцами как всеобщее уравнение во всех отношениях. Такая трактовка заставила либералов, считавших возможность самобытного, оригинального развития каждой отдельной личности величайшей ценностью, увидеть в демократии серьезную опасность для личной свободы. Не случайно И.В.Михайловский считал пророческими пессимистические предсказания Спенсера о грядущем рабстве для человека как следствии всеобщей демократизации, т.е. развития принципа равенства[1].

В целом, в рассуждениях И.В.Михайловского о сущности эволюции теории индивидуализма кроются глубинные причины неприятия многими либералами конца XIX - начала XX вв. демократической системы ценностей. Если либерализм базировался на идеях приоритета отдельно взятой личности, ее основополагающих прав и свобод, то демократия предполагала суверенитет или верховенство народа, политическое (по меньшей мере) равенство всех граждан, приоритет воли большинства. Обозначая демаркационную линию между либерализмом и демократией, П.Б.Струве писал:"...либерализм утверждает свободу лица против всякой власти, как бы она ни была организована, в том числе и против народовластия, или демократии", которая и означает "государственное устройство, основанное на признании народовластия"[2].

В несколько упрощенном виде основу конфликта либерализма и демократии можно связать с тем, что либерализм отдавал предпочтение свободе перед равенством, а демократия - равенству перед свободой[3]. В политической же истории России это противоречие между демократической и либеральной

---

[1] Там же. С.21-23.

[2] Струве П.Б. Либерализм, демократия, консерватизм и современные движения и течения //Полис. 1994. № 3. С.131.

[3] См.: Гаджиев К.С. О перспективах демократической государственности в России //Полис. 1994. № 3. С.109.

тенденциями обрело очертания антагонизма, в результате чего в демократизме все более усиливались черты революционаризма, а либерализм был вынужден сближаться с охранительной тенденцией, тяготел к соглашению с монархией, жертвуя идеей народовластия[1]. По большому счету такое раздвоение единого ценностного и политического пространства было обусловлено спецификой ситуации, порожденной авторитарным режимом: оппозиционность в его условиях смыкалась с экстремизмом, а стремление к преодолению общественного кризиса правовыми, легитимными методами оборачивалось поддержкой рациональных действий просвещенных монархов и правящей элиты.

Поэтому неприятие Б.Н.Чичериным социализма как крайнего выражения демократических идей, мотивированное тем, что он "не дает твердых и прочных гарантий свободы личности, этому могучему стимулу всякого прогресса, источнику общественной жизни", оказалось в целом близко и И.В.Михайловскому, несмотря на признание им ценных сторон в социалистических теориях, связанных с идеями государственного регулирования экономики[2]. Более того, к аргументации своего учителя он добавил тезис о социализме как течении мысли, родственном полицейскому государству[3]. Эпитет "полицейское" использовался в данном контексте для обозначения деспотической сущности патерналистского государства.

Впрочем, такое представление о социализме разделяли далеко не все сибирские либералы. Так, Н.Я. Новомбергский считал мнение своего коллеги о том, что при возможности выбора между правовым и полицейским государством социалист "без малейшего колебания подписался бы под программой полицейского государства", не подтверждающимся ни социалистической теорией, ни социалистической практикой в правовых государствах. В отличие от И.В.Михайловского он был убежден, что социализм ближе к правовому государству, чем к полицейскому. Основой для этого убеждения служило представление о контрастности исходных постулатов полицейского государства и социализма: "Полицейское государство исповедовало принцип: "Все для народа, ничего через народ". Социализм же стремится опереться на другую формулу: "Все для народа, все при посредстве народа"[4].

Практика реального социализма, казалось бы, побуждает поддержать в этой дискуссии позицию И.В.Михайловского, тем более что, если следовать точно тексту рецензировавшегося его оппонентом труда, речь шла о выборе между крайностями полицейского и "чистого" правового государства. Однако

---

[1] См.: Пантин И.К. Драма противостояния демократия - либерализм в старой и новой России // Там же. С.80, 92.

[2] Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина ... С.31.

[3] Михайловский И.В. Очерки философии права ... С.168.

[4] Новомбергский Н.Я. Рец. на: Михайловский И.В. Очерки философии права... С.302-303.

принцип историзма не допускает подобной аберрации сознания. Да, практика разошлась с теорией, породила деформации последней при столкновении с реальностью. И случай этот отнюдь не уникален в истории идей и попыток их политического воплощения. Более того, это расхождение практики и теории было во многом продиктовано несогласованностью и противоречивостью самих теоретических положений. В конечном итоге социалистическое государство являло собой образец государства патерналистского, а потому можно говорить об исторической подтвержденности диагноза И.В.Михайловского.

И все же в начале XX в., когда социалистическое общество мыслилось лишь в весьма приблизительном проекте, негативная реакция на попытки сближения социализма и полицейского государства должна была восприниматься как вполне естественная и даже обоснованная. К тому же в рассуждениях Н.Я.Новомбергского не было и намека на идеализацию социалистической системы. Он констатировал, что в социалистическом государстве, как и в полицейском, личность остается гетерономной. Тем самым фактически признавался патерналистский характер социалистического государства. Однако отождествление этих двух типов систем Н.Я.Новомбергский считал столь же безосновательным, "как по признаку автономности личности и ее исходной ценности смешивать либерализм с анархизмом"[1]. Между тем склонность к сближению либерализма и анархизма, дававшая пищу для критики, действительно прослеживалась у И.В.Михайловского, который писал:"...анархист на вопрос: какой из этих двух типов государства (полицейский или правовой - О.Х.) лучше? ответил бы :"Хотя всякое государство есть зло, но правовое государство есть меньшее зло сравнительно с полицейским, т.к. здесь личность имеет гораздо больше свободы и поставлен принципиальный предел вмешательству власти"[2]. Поэтому и идеалы анархизма, как индивидуалистической системы, были для него гораздо более привлекательными, чем идеалы социализма и демократии вообще.

И все же, считая демократию худшей из всех чистых форм государства, И.В.Михайловский рассматривал ее в качестве непременного компонента идеального государственного устройства. На основе философского изучения сущности государства идеалом ему представлялось "гармоническое сочетание монархии, аристократии и демократии". А из оценки монархии как лучшей чистой формы государства следовал вывод: "Такое сочетание должно быть произведено на основе монархического начала"[3].

Приверженность монархическому принципу власти являлась в российском либерализме "наследственной": либералы новой формации восприняли ее от своих предшественников. И.В.Михайловский был уверен в правоте

---

[1] Там же. С.303.

[2] Михайловский И.В. Очерки философии права ... С.168-169.

[3] Там же С.600.

Б.Н.Чичерина, считавшего, что только монарх может обладать наиболее возможными для человека гарантиями беспристрастия, а потому только он один может возвыситься над всеми , примирять все интересы и иметь в виду единственно благо страны. Однако если для "дворянских либералов" было характерно неприятие конституции, объяснявшееся, в частности, широким использованием идей конституционализма в 60-70-е гг. XIX в. аристократической оппозицией самодержавию с целью компенсации сословных привилегий за утрату крепостного права, то их последователи в начале XX в., напротив, скептически относились к идее самодержавия, противопоставляя ей принципы конституционного устройства[1].

Признавая ряд ценных качеств и великие исторические заслуги абсолютной монархии[2], И.В.Михайловский тем не менее не считал возможным возвращение к старым формам абсолютизма. Он подчеркивал:"...история не повторяется и раз пережитая государственная форма уже не может никогда возродиться. Она была пригодна и необходима на известной ступени культуры, для известного уровня развития личности, и раз эти условия больше не существуют, ее нельзя вернуть к жизни"[3].Необходимостью согласования формы правления с реально существующей социокультурной средой диктовался его призыв к смягчению "темных сторон" монархии конституцией с народным представительством[4]. Монархическая власть, по мнению И.В.Михайловского, должна была являться четвертой властью наряду с законодательной (парламент), правительственной (министры) и судебной[5]. Такая формула государственного устройства после издания Манифеста 17 октября 1905г. одобрительно воспринималась многими либералами, прежде всего кадетского направления.

И все же, как уже отмечалось, вопрос о формах государственного устройства имел для теоретиков либерализма, в отличие от политических деятелей, второстепенное значение. Не поиск оптимальной внешней конструкции организации государственной власти, а обеспечение ее правового характера в целях предоставления наибольших возможностей для ограждения неприкосновенности и свободы личности занимало их прежде всего.

Проблемой первостепенной важности в этой связи представлялось определение принципов и механизма взаимоотношений государства с обществом. Основы ее разрешения, заложенные в творчестве Б.Н.Чичерина, в целом признавались сибирскими либералами верными. Общество воспринималось как

---

[1] См.: Новикова Л., Сиземская И. Идейные истоки русского либерализма ...С.134; Они же. Новый либерализм ... С.134.

[2] Михайловский И.В. Очерки философии права... С.600.

[3] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов... С.17.

[4] Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина ...С.35.

[5] Там же.

совокупность частных отношений - экономических, умственных и нравственных - между лицами. Образуясь из взаимодействия свободных индивидуальных сил и являя собой сплетение частных интересов и зависимостей, оно не представляет никакого организованного единства. Последнее вносится деятельностью государства, управляющего совокупными интересами народа в целях их гармонизации. Гармония должна достигаться не путем диктата и произвола, а на основе учета господствующих в обществе убеждений и потребностей, поскольку только в этом случае государство, черпающее все свои силы и средства из общества, может иметь прочные основы. Отсюда вытекал вывод: государство есть форма, содержание которой определяется обществом. И форма эта безусловно необходима, т.к. без нее борьба противоположных интересов, предоставленная самой себе, породила бы состояние вечной "войны всех против всех".

Обеспечить согласование частных интересов и их созвучие с идеей общественного блага, выступить на страже этого блага в случае опасной разбалансировки гражданских интересов в качестве "страхового полиса нации", по выражению Б.Н.Чичерина, способна была только власть твердая и сильная. "Сила" для либералов в данном случае ассоциировалась не с насилием, а прежде всего с нравственным авторитетом власти. "...голое право силы, - писал И.В.Михайловский,- покоится на весьма шатких основаниях и не в состоянии утвердить тот внутренний порядок и то материальное и духовное благосостояние, которое составляет высшую цель государства"[1].

Подлинную поддержку власти живые общественные силы способны оказать лишь в том случае, если они пользуются необходимой самостоятельностью. Возможности ее проявления И.В.Михайловский, подобно своему учителю, связывал с призванием общественных сил к участию в государственной деятельности и, в частности, в сфере местного управления. Это участие могло гарантировать тщательное изучение местных нужд и интересов и внимательное к ним отношение, а тем самым парализовать деспотические тенденции чисто бюрократической системы управления и сделать бюрократию "в высшей степени полезной культурной силой". Необходимость ослабления централизации (при сохранении ее уравновешивающей роли как орудия объединения во избежание сепаратизма и притеснения низших классов) и предоставления большей самостоятельности местному управлению определялась либеральной трактовкой высшей цели государства, заключавшейся в обеспечении каждому элементу общества надлежащего развития и подобающего места в общем организме[2].

Вместе с тем представления о государстве как гаранте оптимальных условий развития и проявления своих сил и возможностей для каждого элемента

---

[1] Там же. С.32. 33.

[2] Там же С.35.

общественной организации и прежде всего для личности были сопряжены в либерализме с признанием недопустимости государственного вмешательства в частную жизнь граждан. Продолжая традиции "дворянского" либерализма второй половины XIX в., И.В.Михайловский считал, что государство не должно браться за решение вопросов не своей компетенции, к числу которых относил излечение всех социальных недугов, уничтожение пауперизма, обеспечение счастья всем людям. "Государство должно только создать твердую, надежную почву для культуры, должно обеспечить возможность истинно человеческого существования, - писал он. - Но оно не может и не должно быть нянькой для взрослых людей, не может заменить личной инициативы. Государство есть форма; она наполняется содержанием, которое дается личной и общественной деятельностью граждан"[1].

В основе неприятия патерналистского государства лежало осознание неизбежности культивирования им социального иждивенчества, несовместимого с либеральными представлениями о ценности творческой личности, способной к проявлению инициативы и самостоятельности. И.В.Михайловский подчеркивал развращающее действие системы безграничной опеки над гражданами, хотя бы и во имя нравственных начал: "В результате получается вялость, отсутствие энергии, привычка во всем полагаться на заботливую власть и ослабление чувства личного достоинства, а в конце концов - рабская психика"[2].Опасность такого положения вещей, по его мнению, подтверждали многочисленные назидательные примеры истории, свидетельствующие о том, что население с подобной психикой проявляло в моменты резких переворотов поразительную разнузданность, которая заставляла просвещенные умы справедливо сомневаться в возможности предоставления ему всех благ гражданской и политической свободы.

Убедительным примером неприемлемости патернализма И.В.Михайловский считал теорию и практику так называемого "полицейского государства". Из обязанности государства заботиться о благосостоянии всех и каждого теоретики выводили право государственной власти

---

[1] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов ...С. 6, 7. Удивительно созвучие этих слов с представлениями об обязательствах государства в отношении частных лиц одного из основоположников либеральной традиции в отечественной социально-политической мысли А.И.Кошелева, подчеркивавшего: "Государство должно доставить лишь одно - возможность приобрести все, что нужно для моей земной жизни ... Возлагать же на правительство в отношении граждан отеческие или иные какие-либо наставничьи или распределительные обязанности - значит считать людей вечно несовершеннолетними". См.: Попов А.А. А.И.Кошелев: У истоков либерализма в России //Социально-политический журнал. 1994. № 1-2. С.147.

[2] Михайловский И.В. Очерки философии права ... С. 168.

регламентировать все без исключения стороны жизни граждан. Практика же полицейского государства дала в результате деспотизм власти, как неизбежное следствие такого понимания задач государства.

По мнению И.В.Михайловского, гораздо больше приблизились к истине в поисках оптимальной модели государственного устройства теоретики правового государства. Вместе с тем он весьма критично относился и к их воззрениям, поскольку осознавал наличие в них малопривлекательных мотивов. Ограничивая задачи государства охраной безопасности и права и предоставляя все остальное личной и общественной инициативе, теория правового государства предполагала полный отказ государства от вмешательства в сферу гражданского общества, пока никто не нарушает чужих прав и общей безопасности, хотя бы на его глазах люди и голодали, и умирали от болезней, и пребывали в невежестве и т.д. И.В.Михайловский воспринимал эти представления как крайность, но все же считал ее менее опасной, чем крайность полицейского государства:"...здесь признается, что люди - не дети, которых надо опекать, признается принципиальная граница вмешательства власти в жизнь граждан (а, следовательно, признаются права личности), признается недопустимость принудительной нравственности, между тем как в полицейском государстве личность превращается в бесправного раба"[1].

Издержки теории "чистого правового государства" в парадигме классического либерализма побуждали либералов новой формации задаваться вопросом о возможности смягчения ее крайностей. Именно поэтому, в целом высоко оценивая творческое наследие Б.Н.Чичерина, И.В.Михайловский критически относился к его теории собственности, взглядам на принцип свободной конкуренции, на капитализм, в которых центральное место занимала идея недопустимости государственного вмешательства в договорные отношения между рабочими и предпринимателями, в сферу экономики вообще. По его мнению, Б.Н.Чичерин в своем стремлении объявить злом значительную часть новейших законодательных установлений, направленных на облегчение участи рабочих, переоценивал момент "свободного" соглашения между трудом и капиталом, забывая, что труд есть товар совершенно иного рода, обладающий такими свойствами, которые исключают всякую возможность подчинения его купли-продажи условиям регулирования цен вещественных товаров.

Истоки заблуждения своего учителя И.В.Михайловский связывал с его излишней верой в благодетельные эффекты свободной конкуренции, в гуманные чувства людей, воспринимавшихся как достаточные для парализации всех бедствий, которые приносит человечеству эта свободная конкуренция. С точки зрения Б.Н.Чичерина, все темные стороны принципа свободной конкуренции могли быть сглажены, во-первых, теми благами, которые вытекают из свободы личности; во-вторых, нравственными началами, возможными лишь

---

[1] Там же. С. 168,169.

на почве свободы, ибо принудительная нравственность есть безнравственность. Логика рассуждений, построенных на такой основе, приводила его при выборе из двух зол меньшего к признанию предпочтительности ограничения роли государства охраной безопасности (несмотря на осознание односторонности соответствующих теорий и важности положительной культурной миссии государства), поскольку теория безграничной государственной регламентации в конце концов погубит самый источник всей государственной жизни - личность. Б.Н.Чичерин предрекал превращение личности, опутанной сетью стеснений и запрещений, не имеющей возможности шагу ступить свободно, чувствующей себя только частью огромной машины, в раба "самого худшего из деспотов" - общества[1].

И.В.Михайловский же в отличие от своего идейного наставника, был одержим сомнением: "Действительно ли экономическая область так тесно связана с принципом свободы личности, что расширение государственного вмешательства в сферу хозяйственных отношений неизбежно влечет за собою стеснение прав личности во всех других отношениях?"[2] Это сомнение являлось вполне органичным для его индивидуального мировосприятия, основанного на признании приоритета духовных ценностей. Считая несомненным, что человек прежде всего должен быть обеспечен материально, что он сплошь и рядом готов пожертвовать свободой, чтобы иметь возможность быть уверенным в завтрашнем дне, И.В.Михайловский тем не менее воспринимал материальную обеспеченность не как конечную цель стремлений человека, а лишь как необходимую основу для жизни, единственно его достойной - высшей духовной жизни. Поскольку высшая духовная жизнь возможна только при условии свободы личности, постольку наука, искусство, религия должны представлять собой область свободы, действительно не допускающей принудительного вмешательства, внешней регламентации. В блестящем доказательстве этой истины И.В.Михайловский усматривал одну из важнейших заслуг Б.Н.Чичерина. С чем он не мог согласиться, так это с тем, что государство может сохранить абсолютный нейтралитет в социально-экономической сфере, оставаясь равнодушным к бедствиям, вызванным условиями свободной конкуренции. В отличие от Б.Н.Чичерина, И.В.Михайловский был убежден: "Выполняя свою культурную миссию, государство обязано обеспечить всем и каждому возможность человеческого существования, зная, что все свои силы оно получает только из соединения сил личностей, зная, что чем полнее и интенсивнее жизнь каждой отдельной личности, тем полнее и интенсивнее жизнь самого государства"[3].

---

[1] Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина ... С.30, 31.

[2] Михайловский И.В. Рецензия на учебник ... С.371.

[3] Там же. С.371, 372.

Очевидно, на выработку И.В.Михайловским новых представлений о роли государства в сфере социально-экономических отношений оказали свое влияние как изменение социально-экономической ситуации, связанное с форсированным развитием капитализма и выявлением на практике издержек свободной конкуренции, так и распространение социалистических теорий. В последних он признавал наличие многих ценных идей. Однако присущая им трактовка материального равенства как разделения наличных благ между всеми поровну была ему чужда. Считая невозможным довольствоваться чисто формальным понятием равенства перед законом, допускающим самые возмутительные акты эксплуатации личности, И.В.Михайловский приветствовал появление в новой политической мысли понятия равенства в смысле "равенства исходного пункта". Это понятие предполагало обязанность государства создать для всех равные общественные условия, благоприятствующие всестороннему и гармоническому развитию личности[1]. Соответственно и перед правом ставилась задача со своей стороны воздействовать на экономическую сторону жизни человека, "чтобы парализовать вредные стороны естественного неравенства людей, чтобы дать возможность каждому истинно человеческого существования, чтобы очеловечить общежитие и не позволить из человека делать простое орудие экономических интересов"[2].

В основе такой трактовки принципа равенства в российском неолиберализме лежало иное, чем в либеральной доктрине XIX в., толкование прав человека как "прав-притязаний". В рецензии на учебник философии права И.Колера И.В.Михайловский выражал серьезные сомнения по поводу справедливости отрицательного отношения автора к учению о притязании, в частности, признанию притязаний личности к государству, что дает основания причислять сибирского теоретика либерализма к сторонникам этой теории. Последняя строилась на оригинальной с точки зрения классической либеральной доктрины идее взаимных прав и обязанностей между человеком и государством. Суть ее в следующем: "Право на собственную личность должно быть исходным пунктом всякого правопорядка. Праву соответствует притязание. Притязание имеет место лишь тогда, когда на одной стороне есть особое правомочие, а на другой - правообязанность"[3].

Поскольку право отдельной личности новые либералы рассматривали как "право-притязание" на труд, образование, медицинское обслуживание, обеспеченную старость и т.п., постольку в обязанность государству вменялись, наряду с запретительными и "охранительными" функциями, функции положительные (не благотворительные) по отношению к индивидам. Если классический либерализм из признания индивидуальной свободы выводил требова-

---

[1] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов ... С.23.
[2] Михайловский И.В. Очерки философии права ...С.109.
[3] Михайловский И.В. Рецензия на учебник ... С.371, 372.

ние абсолютного невмешательства государства в частную жизнь граждан, то новый либерализм на этом признании основывал тезис о государстве как гаранте права каждого на минимальное материальное благополучие, на достойное человеческое существование. Такая трактовка обязанностей государства в отношении граждан обусловила своеобразное понимание принципа равенства как "равенства исходного пункта", позволив преодолеть свойственное классическому либерализму игнорирование связи права и благосостояния, правового равенства, свободы и определенного уровня материального благополучия людей, вызывавшее справедливые упреки в формализме[1]. Позиция И.В.Михайловского по проблемам взаимоотношений государства и общества, государства и частных лиц была выдержана в духе новых веяний в либерализме и свидетельствовала о творческом отношении к идейному наследию предшественников.

Однако действия государства по обеспечению "равных шансов для каждого", по смягчению фактического чрезмерного социального неравенства поддержкой с его стороны слабых не рассматривались при этом как аналог государственного вмешательства. "Не государственное вмешательство и опека, а государственное содействие - вот настоящее имя социальному законодательству, - отмечал И.В.Михайловский.- Но, призывая государство к такому содействию, ставя государству новые задачи, современная политическая мысль энергично подчеркивает, что это только содействие: главный творческий фактор есть личная энергия, личная свобода и инициатива"[2].

Вместе с тем сложность практической дифференциации понятий "государственное вмешательство" и "государственное содействие", призрачность и расплывчатость границ между ними в реальной жизни обусловливали умеренность и связанную с ней некоторую противоречивость позиции И.В.Михайловского. В появлении новейших юридических норм, ограничивающих свободу договоров в интересах экономически слабейшего контрагента, он усматривал признаки того, что "право становится на скользкий путь", и призывал к чрезвычайной осторожности в таких случаях, "оправдываемых лишь как исключения". Допуская возможность опеки государства над экономически слабыми при особых обстоятельствах и даже расширения ее размеров на низших ступенях культуры, И.В.Михайловский все же был убежден в том, что "на высокой ступени культуры общим правилом должно быть положение : взрослый человек - не ребенок и в опеке не нуждается"[3].

Такая двойственность воззрений давала основания для критики оппонентам. Н.Я.Новомбергский расценивал их как осуждение И.В.Михайловским новейшей теории о праве на достойное существование, требовавшей законо-

---

[1] Новикова Л., Сиземская И. Новый либерализм ... С.137-138.

[2] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов ... С.23.

[3] Михайловский И.В. Очерки философии права ... С.549, 550.

дательного обеспечения за населением известного образования, условий здоровой жизни и некоторого имущественного достатка. Действительно, сам И.В.Михайловский в своем фундаментальном труде "Очерки философии права" признавал эти требования неопределенными и расплывчатыми, основанными на смешении нравственности и права[1]. Однако комплексный анализ его позиции, представленной в различных работах, не позволяет считать отношение И.В.Михайловского к новаторским идеям в либерализме однозначно отрицательным. В свою очередь критика его суждений по этому вопросу со стороны Н.Я.Новомбергского свидетельствует о том, что последний безоговорочно поддерживал неолиберальную интерпретацию концепции правового государства, проблемы его взаимоотношений с обществом и отдельными гражданами. Будучи убежденным позитивистом и реалистом, уверенность в своей правоте он черпал из норм положительного права и финансовой политики передовых государств, где "права на общественное призрение, на врачебную помощь, на минимальное образование, на минимум имущества, свободного от обложения и т.д. уже обеспечены соответствующими законами"[2].

Одобрительно отзывался о практике установления в западных конституционных государствах разного рода привилегий (например, податных льгот) для поддержания слабейших членов и групп государственного союза и профессор Томского университета кадет М.И.Боголепов[3]. Аналогичных позиций в вопросе о положительных обязанностях государства придерживался признанный лидер сибирских кадетов П.В.Некрасов, заявивший в выступлении на заседании III Государственной думы:" Мы, сторонники широких социальных реформ, придерживаемся того глубокого убеждения, что дело правительственной власти вмешиваться в сферу экономических взаимоотношений в интересах слабейшего, что задача всякого разумного законодательства и всякой разумной власти заключается в том, чтобы в мере возможности проводить ряд социальных справедливостей"[4]. В целом, по-видимому, неолиберальные представления о функциях государства были достаточно широко распространены среди сибирских кадетов, получив практическое звучание в социально-экономических разделах их программ.

И все же, несмотря на оригинальность либерализма начала XX в. в разработке идеи взаимных прав и обязанностей между человеком и государством, теория правового государства оставалась главным связующим звеном между "старым" и "новым" либерализмом, являясь их общим социально-

---

[1] Там же. С.463.

[2] Новомбергский Н.Я. Рец. на: Михайловский И.В. Очерки философии права ... С.302.

[3] См.: Боголепов М.И. Финансы, правительство и общественные интересы. Спб., 1907. С.31.

[4] Речь. 1912. 10 апр.

философским "плацдармом"[1]. Подобно Б.Н.Чичерину, И.В.Михайловский считал необходимыми элементами государства власть, закон, свободу личности и общую цель, идею - гармоническое сочетание всех элементов общежития и руководство общими интересами для достижения общего блага[2]. Однако неолибералы не могли не учитывать кризис современного им правосознания. Констатируя наличие такового вслед за Новгородцевым, книгу которого "Кризис современного правосознания" он считал лучшей из появившихся за последнее время в Европе, И.В.Михайловский усматривал симптомы прежде всего в сдержанном отношении к культурной миссии государства и отрицании за правом возможностей всеисцеляющего средства. В попытках осмысления сути переживаемого кризиса он задавался и вопросом о перспективах его преодоления[3].

Поскольку эволюция теории индивидуализма и реалии практической жизни разрушили веру в полную гармонию между личностью и государством, возникала проблема создания надежных гарантий против посягательств на возможность самобытного и оригинального развития каждой отдельной личности со стороны государства. Политический оптимизм, которым были охвачены в этом отношении первые носители идей правового государства, воспринимался теперь как иллюзия. В противовес ему И.В.Михайловский подчеркивал: "Нельзя всего достигнуть при помощи права и государства. При всей своей важности право нуждается в восполнении его другими началами"[4]. Не крушение и уничтожение идеи правового государства, а ее расширение и углубление предсказывал он на исходе кризиса современного правосознания.

Возможным вариантом модификации идеи правового государства представлялась И.В.Михайловскому, в частности, концепция "культурного государства". Исходной ее посылкой являлся тезис об обязанности государства обеспечивать "всестороннее содействие культуре и защиту против всего враждебного культуре". Именно в выполнении этой миссии видел И.В.Михайловский и оправдание государства: "Отвергать государство значит отвергать культуру". Вместе с тем расширение компетенции государства, выход за обозначенные сторонниками "чисто правового государства" узкие рамки охраны прав и безопасности, должно было стать принципиальным отличием культурного государства от "простого правового". При этом идея правового государства сохраняла свое огромное значение, поскольку "культурное государство есть вместе с тем и правовое, охрана субъективных прав есть одна из существенных его задач"[5].

---

[1] Новикова Л., Сиземская И. Новый либерализм в России ... С.134.

[2] Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина ... С.33.

[3] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов ... С.17.

[4] Там же. С.22-23.

[5] Михайловский И.В. Рецензия на учебник ... С.376.

Дополнительные возможности расширения и углубления идеи правового государства, создания прочного фундамента для будущего государственного здания И.В.Михайловский связывал с использованием общественных идеалов, предлагавшихся на смену правового государства: социализма, анархизма и теократии. Каждый из этих идеалов сам по себе представлялся ему односторонностью, не способной выдержать критики. Однако такое представление не исключало того, что каждый из них "войдет как необходимый элемент высшего синтеза предстоящей эволюции правового государства".

В чем же усматривал профессор философии права пользу указанных общественных идеалов для углубления идеи правового государства? Считая социализм наименее совершенным идеалом, И.В.Михайловский полагал возможным позаимствовать у него много ценных идей в смысле расширения деятельности будущего государства и осуществления идеи равенства. Анархизм, несмотря на всю утопичность, давал, по его мнению, еще более ценное - "в смысле сведения к возможному минимуму темных сторон власти, развития источника всякого движения вперед - личности и осуществления идеи свободы". Наконец, третий из предлагавшихся социальных идеалов - теократия, являясь в чистом виде для И.В.Михайловского столь же неприемлемым, как и два остальные, призван был придать будущему государству огромную ценность в деле осуществления идеи братства. И.В.Михайловский предрекал этой третьей составляющей освободительного лозунга французской революции все возрастающее влияние по мере уяснения ее сущности. Поэтому возможности церкви в прогрессивном движении культуры оценивались весьма высоко. Речь при этом шла не о той церкви, что зажигала костры инквизиции, благословляла насилие, принимала деятельное участие в партийной политической борьбе, а о церкви в идеальном значении, как организации, вызванной глубочайшей потребностью человеческого духа - религией, которая всегда была и будет абсолютной ценностью[1].

Такое понимание сущности церкви в качестве носителя идеи братства наводит на мысль о стремлении И.В.Михайловского обеспечить преемственность этой социальной идеи с русскими православными традициями соборности, заключавшимися в гармонизации церковного и индивидуального начал, в обеспечении церковного единства и внутреннего единства людей не принуждением, а на основе свободы и любви. Вместе с тем обращение к теократическому идеалу в поисках оптимальной модели будущего государственного устройства в данном случае не должно восприниматься как проявление присущих славянофилам симпатий к христианскому государству, жизнедеятельность которого проникнута религиозными вечными истинами и полностью подчинена им. Рассуждения И.В.Михайловского о пользе элементов теократии в конструировании идеального государства скорее сродни логике мышле-

---

[1] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов ... С.24.

ния М.М.Сперанского, в последнем произведении которого "Руководство к познанию законов" (1838 г.) были объединены два момента: 1) идеальная цель православного государства - направлять к нравственно доброму; 2) основной принцип либерализма - поставить государство на защиту личной свободы и частной собственности[1]. Убежденность в возможности согласования теократического и либерального идеалов, более того - в том, что развитие доброго в христианском смысле возможно в обществе только тогда и настолько, когда и насколько в государственной жизни соблюдаются принципы либерального правового порядка, стала объединяющим звеном между воззрениями российских либералов двух эпох.

Все же отношение к идеалу теократии, как и к идеалам социализма и анархизма, в либерализме и XIX, и XX вв., не являлось однозначным. Концепция синтеза их элементов для обеспечения оптимальной модели государственной организации, предложенная И.В.Михайловским, стала порождением его индивидуального мировосприятия и оригинальной логики мышления. Идея же правового государства, хотя и интерпретировавшаяся далеко не всегда одинаково, импонировала всем либералам. Нюансы в ее трактовке были обусловлены, с одной стороны, различиями в понимании общих принципов взаимоотношений государства и общества (о чем уже шла речь выше), а с другой стороны, тем углом зрения, под которым предпочитали рассматривать эту идею теоретики с учетом собственных специальных научных интересов.

Профессор кафедры финансового права Томского университета, экономист М.И.Боголепов акцент при определении сущности правового государства делал на таких его внешних признаках, как обладание населения двумя видами публичного права: народ имеет право участия в законодательстве и право регулирования государственного хозяйства, т.е. бюджетное право. Подчеркивая, что обе разновидности права одинаково важны и существенны для конституционного правового государства, и что отсутствие или уменьшение одного из них уродует весь государственный строй, он так пояснял свою мысль: "Если народ через своих представителей законодательным путем определяет содержание, характер и направление государственной деятельности, если тем же самым путем определяются взаимные отношения государства и общества, государства и индивидуума, - то по необходимости избирается тот же законодательный путь для определения и того, как и чем питается государственная деятельность, те материальные средства, при помощи которых достигаются различные государственные цели и задачи"[2].

В результате единство двух названных видов публичного права населения выступало в конституционном государстве основой для принципиально ново-

---

[1] Леонтович В.В. Указ. соч. С.91-92.

[2] Боголепов М.И. Финансы, правительство и общественные интересы... С.27.

го (по сравнению с абсолютной монархией и сословным государством) соотношения закона и указа, законодательства и управления. Суть этого соотношения должна была заключаться в их разделении и вместе с тем в подчинении управления законодательству[1]. Управление и финансы включаются в компетенцию верховной власти, а за народным представительством признаются прерогативы руководящей власти законодательства.

Частным примером функционирования подобного государственного механизма можно считать финансовый закон, устанавливающий в рамках конституционного устройства правильное народнохозяйственное соотношение между запросами государства и частнохозяйственными источниками доходов. Образцом в этом отношении служило бюджетное право западных конституционных государств, которое определяло два непременных положения: во-первых, всякий расход законодательным путем устанавливается на определенную цель; во-вторых, всякий расход, опять-таки законодательным путем, разрешается всегда в строго определенном количестве. М.И.Боголепов был убежден, что "эти два требования законодательной власти ставят исполнительную власть в условия закономерной деятельности"[2]. В такой ситуации каждая копейка из государственных финансов служит только той цели, на которую согласилось законодательным путем народное представительство. Тем самым закон приобретает мощное и вполне определенное значение в государственной жизни.

Выражением исключительной роли закона призван был служить и принцип "конституционных финансов", осуществляемый в бюджетном праве. Его сущность М.И.Боголепов излагал следующим образом:"...всякое действие, всякая повинность индивидуума по отношению к государству должны быть точно определены в законе. С другой стороны, власть исполнительная в исполнении финансового права должна строго руководиться задачами, определенными законодательным путем, и находиться в рамках, очерченных тем же способом"[3].

---

[1] Исключительное значение разделению власти исполнительной и законодательной при подчинении управления закону придавал и И.А.Малиновский. См.: Малиновский И.А. Кровная месть и смертные казни. Томск, 1909. Вып.2. Ч.3. С.136.

[2] Боголепов М.И. Финансы, правительство и общественные интересы ...С.33.

[3] Там же. С.30. Иллюстрацией первого положения М.И.Боголепов считал предоставляемое гражданам конституционных государств право не платить налоги, если бюджет не принят законодательным учреждением, если налог введен вопреки воле народных представителей или же с нарушением формы, установленной в основных законах.

В специальной области финансовых отношений этот общий конституционный принцип выступал в виде частных принципов, которые М.И.Боголепов считал необходимыми для всякого бюджетного права, а именно: а)принцип закономерности требований государства к индивидууму; б) принцип всеобщности повинностей; в) принцип равенства повинностей. Если первые два принципа, как вполне адекватные сути либерализма, представлялись незыблемыми, то в отношении последнего, являвшегося скорее отголоском демократических настроений, допускалась возможность нарушения законодательным путем "в тех случаях, когда требуется достигнуть какую-нибудь высокую цель, диктуемую социально-политическими соображениями"[1]. Впрочем, все эти принципы М.И.Боголепов считал достоянием чистой теории для своего времени и задачами будущего, сетуя по поводу того, что на практике "идеализм свободы разменялся в коммерческий конституционализм"[2].

Пристальное внимание либерала к выявлению сущности и значения конституционного бюджетного права не было случайным. Ссылаясь на единогласные свидетельства теоретиков, изучавших опыт применения бюджетного права, он считал это право "первым признаком политической свободы". По мнению М.И.Боголепова, практика западных государств показала, что только при наличии конституционного бюджетного права, свободно осуществляемого народным представительством в парламентской форме, возможен действительный контроль над действиями власти, особенно в расходовании государственных средств[3]. В свою очередь, контроль за расходованием государственных денег воспринимался им в силу "осязаемости" самого предмета контроля как подлинный критерий развития политической свободы. Логику такого восприятия М.И.Боголепов объяснял следующим образом: "Контролировать удобнее и возможнее только то, что определенно, а таковым и является бюджет, осуществленный на основании бюджетного права. Только при том условии, что всякая расходная ставка определена волею народного представительства как в своих размерах, так и в назначении на ту или другую цель, только при этом условии возможен контроль над исполнением чужой воли, чужих желаний. Самоконтроль ... всегда оказывается зданием, построенным на песке"[4].

---

[1] Там же. С.31.

[2] Понятие "коммерческий конституционализм" М.И.Боголепов использовал для обозначения сути политики русского правительства в апреле 1906 г., выразившейся в займе за границей денег под обещания подчинить русские финансы контролю представительного учреждения. Там же. С.90.

[3] Боголепов М.И. Финансы, правительство и общественные интересы ...С.34.

[4] Там же . С.47.

Таким образом, идея "конституционных финансов" и требование обеспечить бюджетное право населения имели по сути политическое звучание, поскольку предполагали в качестве обязательных составляющих правового государства принцип разделения законодательной и исполнительной властей и принцип ответственности последней перед первой. К тому же преимущества бюджетного права М.И.Боголепов усматривал и в том, что оно гарантировало соблюдение основных законов и автономность государства:"... страны, обладающие этим правом, или автономны, или находятся на пути к автономии". Примеры, которые он приводил в подтверждение наличия зависимости твердого конституционного правопорядка от обеспеченности бюджетного права, не оставляют сомнений по поводу того, что понятие "автономия" в данном случае использовалось как аналог правового государства в противовес "гетерономии", которой соответствует государство патерналистское[1].

Взгляд специалиста в области философии права И.В.Михайловского на проблемы государственной организации, как уже отмечалось, отличался оригинальностью. Однако общие контуры его представлений о сущности правового государства совпадали с воззрениями теоретиков права того времени и их предшественников. В соответствии с методологией "государственной школы" в объяснении истории И.В.Михайловский утверждал, что гоеударство возникло на почве права, а потому "право по своей идее вовсе не есть продукт государства; напротив, оно стоит над государством". Право воспринималось как основа государственной и общественной жизни. Его основное предназначение заключалось в ограничении всемогущества государства, создании для личности гарантий от ее поглощения государством и предоставлении личности возможности развиваться, совершенствоваться и стремиться к христианскому идеалу. Являясь важнейшим условием развития культуры, здоровая правовая жизнь расценивалась И.В.Михайловским как лучший показатель здоровой социальной жизни[2]. Поэтому венцом всей системы политических гарантий правопорядка он считал создание "органа власти, которому вверяется по преимуществу охрана права - суда"[3].

---

[1]М.И. Боголепов приводил, в частности, такой пример:»Если ... палата откажется принять бюджет, то происходит прекращение полномочий на получение налогов и на производство расходов. Всякий подданный освобождается от обязанности платить налоги - это такой факт, который может иметь на жизнь государства решительое влияние. И если это право отказа от бюджета является «оружием, которое ржавеет в арсенале конституционных законов», то все-таки возможностью применения оно всегда гарантирует стране соблюдение основных законов. Там же. С.48.

[2] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов ... С.7.

[3] Михайловский И.В. Очерки философии права ... С.600.

Придавая суду в системе политических гарантий правопорядка столь исключительное значение, И.В.Михайловский полагал необходимым выделять юридические гарантии в особую группу. Их смысл заключался в обеспечении каждому, чье субъективное право нарушено кем бы то ни было, возможности обратиться к суду и получить соответствующее удовлетворение. "Только при последовательном проведении в жизнь этого положения, - писал И.В.Михайловский, - будут вполне обеспечены субъективные права, а правопорядок получит наиболее солидные гарантии"[1].

Особое внимание И.В.Михайловский уделял вопросу о необходимости реорганизации административной юстиции, призванной регулировать взаимоотношения между гражданами и государством. Он подчеркивал, что если в области гражданской и уголовной юрисдикции практика принципиально признала суд охранителем всех субъективных прав, то административная юрисдикция являла собой исключение в этом отношении. Нормой ему представлялась защита прав государства только судебным порядком в случае нарушения их частным лицом. Лишь судебное разрешение спора о праве между личностью и государством соответствовало идее правого государства и принципу уважения к правам личности. Противоположный же порядок, т.е. применение принудительных мер против нарушителей прав государства без участия суда, ассоциировался с самоуправным осуществлением своих прав частными лицами, т.е. порядком, господствовавшим на низших ступенях культуры.

Примером окончательного разрыва государства с системой самоуправного осуществления своих прав и полного подчинения его требований к гражданам судебному контролю могла, по словам И.В.Михайловского, служить только "классическая страна законности" - Англия, где вполне последовательно проводился принцип судебного восстановления всякого субъективного права, кто бы ни был его нарушителем. Остальные государства он выстраивал в регрессирующий ряд, начинавшийся с таких государств, как Бельгия, более всего приближавшаяся к Англии в этом отношении, продолжавшийся Францией с ее значительно развитой административной юстицией, Германией, где "положение дела страдает неопределенностью, несмотря на достигнутые успехи", и заканчивавшийся Россией, где "существуют лишь слабые зародыши административной юстиции"[2].

Трудности практической реализации английской системы И.В.Михайловский связывал прежде всего с препятствиями теоретико-психологического характера. Одно из них он усматривал в неверном понимании теории разделения властей, из которой делался вывод о недопустимости вмешательства суда в сферу действия администрации. В противовес такому представлению о взаимоотношениях судебной и административной властей

---

[1] Там же. С.600, 601.

[2] Там же. С.601, 602.

И.В.Михайловский напоминал:"... вся роль суда заключается в осуществлении юрисдикционной функции, а эта функция охватывает собою все правонарушения, кем бы они ни были совершены. Администрация может совершать целый ряд актов, по-видимому тождественных с юрисдикционными...; но как только по поводу этих актов возникает спор между нею и заинтересованным лицом, утверждающим, что его право нарушено, на сцену должен выступить тот орган государственной власти, который существует для того, чтобы разрешать все споры о праве"[1]. Самым же важным препятствием для проведения в жизнь английской системы он считал "переживание той эпохи, когда существовало только одно понятие подданного и не было еще понятия гражданина, когда личность не имела никаких прав, уважать которые должно было государство". Отголоски такого "переживания" улавливались в воззрениях ученых разных направлений, утверждавших, что государство есть знаменитый Гобсовский Левиафан, что все субъективные права суть лишь рефлексы объективного права, что существуют только одни обязанности, а не права и т.п.[2].

Перевод проблемы создания юридических гарантий правопорядка в плоскость теоретико-психологическую , поиск факторов, тормозящих претворение в жизнь классической системы законности, являлся вполне логичным для философа-правоведа, придерживавшегося идеалистического мировоззрения. Безусловно, в его суждениях содержалось рациональное зерно. Смещение акцента в постановке данной проблемы в субъективную сферу теоретического и обыденного сознания позволяло взглянуть на нее по-новому, приподняв завесу чрезмерной политизированности. Стремление большинства теоретиков и политических лидеров общественного движения в начале XX в. рассматривать все социальные вопросы исключительно в политическом контексте, их уверенность в том, что изменение политической ситуации может стать панацеей в поисках выхода России из кризиса нередко приводило к игнорированию специфики социокультурной среды и доминировавших в обществе психологических установок.

Вместе с тем позиция И.В.Михайловского представляется односторонней. Преодоления изъянов теоретического восприятия идеи разделения властей и традиционализма в трактовке прав личности было явно недостаточно для создания прочного правопорядка по английскому образцу. Более того, консерватизм политического сознания, являясь чрезвычайно устойчивым социокультурным феноменом, едва ли позволил бы начать подобную "перестройку" в теоретико-психологической сфере без подкрепления ее соответствующими мерами по реорганизации государственного устройства. Сохранение авторитарной политической системы культивировало умонастроения и психологию подданных, а не граждан в обществе, атмосферу вседозво-

---

[1] Там же. С.602, 603.

[2] Там же. С.603.

ленности и самовластья в разных эшелонах администрации. Поэтому представление И.В.Михайловского о том, что проникновения идеи правового государства в сознание людей достаточно для придания отношениям между гражданами и государством характера юридических отношений и складывания практики защиты субъективных прав граждан, нарушенных действиями должностных лиц [1], выглядит все же иллюзорным.

Однако его требование судебной защиты всякого субъективного права, понимаемое как предоставление каждому гражданину возможности защищать свои субъективные права путем исков трех видов: гражданского, уголовного и административного, несомненно носило конструктивный характер и являлось органичным в концепции правового государства. Отстаивая принцип единства и исключительности судебной власти, И.В.Михайловский считал необходимым включение административных исков в компетенцию общего суда. Все аргументы защитников специальных административных судов, по его мнению, не выдерживали критики, представляя собой уступки существующей практике, сложившейся под влиянием традиционалистского восприятия норм взаимоотношений между государством и личностью.

Административную юстицию И.В.Михайловский понимал как контроль суда над законностью действий правительства и подчиненных ему органов администрации, а также местного самоуправления. Предусматривая полномочия суда на отмену не соответствующих праву распоряжений и указов органов власти, он обосновывал это интересами самого государства:"...только при таком порядке государственная власть будет обладать высшим этическим авторитетом в глазах граждан. А в результате получатся самые благодетельные эффекты для государства: любовь граждан к государству и готовность всем жертвовать для его поддержания"[2].

Особую роль в создании нового правового порядка либералы отводили суду, который должен был выполнять двоякую миссию: охранителя закона и охранителя прав личности. Н.Я.Новомбергский отмечал:"... каждое решение административного судьи должно воспитывать в массе чувство законности, охранять тот правопорядок, без которого немыслима государственная прочность"[3].

Осознание важности миссии суда и его ответственности как высшего охранителя права заставляло либералов задуматься над критериями соответствия судебных органов возлагавшимся на них задачам. Идеал суда, к которому должны быть направлены усилия законодателя и государственного деятеля, рисовался И.В.Михайловскому следующим образом: "Олицетворение справедливости, консерватизма, спокойствия, беспристрастия, высшего авторите-

---

[1] Там же.

[2] Михайловский И.В. Очерки философии права ... С.603-604.

[3] Новомбергский Н.Я. Волостной суд ... С.XIV.

та, государственной мощи, всей полноты научных и профессиональных знаний, житейского опыта и нравственной чистоты, он должен быть основой всей государственной жизни"[1]. В этих характеристиках идеального суда содержалось стремление обеспечить его компетентность, способность противостоять всевозможным эмоциональным порывам, противоречащим положительному праву, самостоятельность и независимость. Идея независимости суда приобретала особую актуальность в условиях накала политических страстей начала XX в. Поэтому И.В.Михайловский особо подчеркивал: "Он (суд - О.Х.) должен быть одинаково далек и от тенденций превратиться в послушное орудие временных течений внутренней политики, и от тенденций отражать в себе все проявления "общественного мнения"[2].

Впрочем, на этот счет среди сибирских либералов были и иные мнения. Так, профессор Томского университета С.П.Мокринский, характеризуя особенности присяжного суда по сравнению с судебными образованиями иных типов, отмечал в качестве его преимущества исключительную эластичность, создающую возможности для оптимального проявления творческой силы общественного правосознания. Правда, в этих особенностях юридической природы института присяжных, как проводника общенародных правовых воззрений, профессор видел и определенные трудности для законодателя, поскольку решения суда присяжных были способны совершенно исказить отраженные в формальном законе намерения законодательной власти. Выход из этой сложной ситуации, порождавшей неверное, по мнению С.П.Мокринского, впечатление капитуляции закона перед новым источником права - народным правосознанием, он видел в обращении законодателя к изучению процесса преломления закона в правосознании общества и ограничении этого процесса определенными условиями. Таким образом, законодатель. должен был обрести широкие возможности воздействия на результаты деятельности суда присяжных, хотя это воздействие и становилось более сложным и утонченным[3].

Безусловно, признание народного правосознания источником права следует расценивать как проявление радикальных тенденций в либеральном мировоззрении, несовместимых с выдвигавшимся И.В.Михайловским идеалом консервативного суда, стоящего на страже положительного права. Однако при столкновении с российскими реалиями эти тенденции придавали позициям их носителей нередко весьма противоречивый характер. Рассуждения С.П.Мокринского о принципах организации суда присяжных служат убедительным тому подтверждением. С одной стороны, он был убежден, что суд присяжных, по своей конструктивной идее, есть суд всесословный, а потому

---

[1] Михайловский И.В. Очерки философии права ... С.604.

[2] Там же.

[3] Мокринский С.П. Суд присяжных // Судебные уставы за 50 лет. Б.м., б.г. Т.II. С.115.

"функционирует тем успешнее, чем разнообразнее состав судей, чем полнее представлены в нем все оттенки общественных правовоззрений, чем более он вбирает в себя духовных сил и богатств страны". Но, с другой стороны, серьезным недостатком практики ему представлялось допущение в среду присяжных заседателей лиц неграмотных, неспособных оперировать абстрактными понятиями, давать юридическую оценку фактов[1]. В результате стремление обеспечить максимальный учет судом присяжных общественного правосознания во всем его объеме и гарантировать при этом компетентность принимаемых решений оказывалось всего лишь благим пожеланием, поскольку уровень образования и общей культуры населения заведомо исключал большинство его представителей из числа потенциальных претендентов на кресло заседателя.

Несмотря на различные трактовки проблемы соотношения норм положительного права и народного правосознания в практике судебных органов, в определении принципов их функционирования либералы были едины. Их объединяли, в частности, идея независимости суда, призванного беспристрастно разрешать споры, в том числе между личностью и государством, и идея несменяемости судей, рассматривавшаяся как важнейшая гарантия независимости. В этих представлениях не было ничего новаторского по сравнению с идеями либералов XIX в. Из их творческого наследия либералы начала XX в. позаимствовали следующие принципы организации судебной власти:"1) Никто не может быть подвергнут наказанию иначе как судом после установления его вины законным порядком; 2) суд должен быть един для всех, и все должны быть равны перед судом; 3) всякий гражданин должен найти в суде все возможные средства для защиты своих прав; 4) всякий спор о праве должен подлежать решению обычных судов; административная юстиция противоречит основному принципу суда"[2].

В целом политический смысл намечавшихся юридических гарантий либерального правопорядка и прежде всего реорганизации административной юстиции заключался в обеспечении независимости судебной власти по отношению к власти законодательной и исполнительной и подчинении политической власти существующим законам. Тем самым принцип разделения трех ветвей власти приобретал в концептуальных построениях сибирских либералов логически завершенный вид.

Социальные, политические и юридические гарантии в своей совокупности были призваны не просто обеспечить прочность либерального правопорядка, но и стать основой для расцвета всей государственной и общественной жизни, ее полноты и гармонии; повлечь за собой "горячую привязанность граждан к Отечеству и готовность их жертвовать всем для блага Отечества".

---

[1] Там же. С.127, 129.

[2] Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина ... С.33, 34.

Главными приметами этого расцвета И.В.Михайловский считал гражданские свободы - свободу совести, слова, печати; творческую свободу - свободу науки и искусства, а также ничем не стесняемое распространение просвещения в народных массах[1].

Примечательно, что социальный идеал И.В.Михайловского не имел четких национально-государственных рамок. Его философские приверженности питали убежденность в возможности прогнозирования планетарных перспектив развития человечества. Этот общесоциологический прогноз находил отражение в социально-политической концепции. Видение И.В.Михайловским общецивилизационного идеала в его политико-правовых характеристиках не отличалось оригинальностью : по сути он шел в фарватере идей главы неогегельянского направления в философии права, профессора Берлинского университета Иосифа Колера. Давая им чрезвычайно высокую оценку, он так излагал суть. Разделение человечества на отдельные совершенно самостоятельные государства представляет необходимую и имеющую глубокие разумные основания стадию истории культуры. Вместе с тем такое разделение с господствующей в международных отношениях анархией не может считаться окончательным состоянием государств, поскольку оно не способствует достижению величайших культурных целей. В этой связи весьма перспективной признается идея права, стоящего над отдельными государствами. Она берет начало в вавилонских и египетских временах классической древности с их международными договорами, ограничивавшими всемогущество отдельных государств. Факты же современной жизни (в виде союза государств или союзного государства) позволяли Колеру, а вслед за ним и И.В.Михайловскому, оптимистически оценивать шансы развития этой идеи и рассчитывать на объединение Европы "в более или менее отдаленном будущем" в такой же организации, как Северные Американские Соединенные Штаты. Идеалом же представлялось объединение всего человечества в аналогичные организации, с которым связывалось осуществление идеи всемирного братства и прекращение войн. Соответственно задачей международного права провозглашалось постепенное движение к этой цели. Уже достигнутые результаты(международные суды, ограничения военных действий и т.п.), по мнению философа права, способствовали проникновению в сознание народов идеи о том, что над государствами есть высшее право, которому они обязаны подчиняться. Тенденции дальнейшего развития виделись в том, чтобы и отдельная личность получила в нормах этого права известные гарантии, не зависящие от законодательства различных государств. Необходимым результатом развития культуры в этом направлении должна была стать судебная охрана таких субъективных прав. Предоставление судам права и обязанности отказывать в

---

[1] Там же. С.35.

применении законов, противоречащих нормам международного права, расценивалось как величайший из предстоящих триумфов истории культуры[1].

Общецивилизационный подход к поиску социально-политического идеала привлекал И.В.Михайловского и в книге одного из признанных европейских ученых, профессора Грацкого университета Л.Гумпловича "Основы социологии". Выражая принципиальное несогласие с сущностью его социологических теорий (материализм, теория борьбы рас, отрицание самостоятельного значения права), И.В.Михайловский в то же время одобрительно отзывался о признании высшей целью государства и его назначением работы над воспитанием человечества для высшей морали и трактовке сути последней. "Идеал этой морали, - писал Л.Гумплович,- не может исчерпываться национальным чувством, которое есть не что иное, как усложненное чувство орды: оно должно обнять по меньшей мере все цивилизованное и способное к цивилизации человечество"[2]. Импонировал И.В.Михайловскому и предлагавшийся вариант движения к осуществлению этого идеала через образование первоначально европейской системы государств и постепенное распространение процесса социального сплочения человечества на другие части света[3].

Осознание уже в начале XX в. потребности в новом мировом порядке и конструктивном диалоге цивилизаций, глобальное видение человеческой истории свидетельствовали, на наш взгляд, о мощности интеллектуального потенциала либерализма. Стремление к правовому регулированию в рамках глобального, общечеловеческого гражданского общества отражало намерение обеспечить распространение либеральных принципов на международном уровне. Правда, механизм достижения общецивилизационного идеала, как и сами его контуры, выглядели довольно туманно (не отличаясь, впрочем, в этом отношении, например, от идеи Соединенных Штатов Европы в интерпретации В.И.Ленина). Однако упреки на сей счет в адрес дореволюционного либерализма вряд ли могут расцениваться как обоснованные, если учесть, что проблемы интернационализации современных обществ и до настоящего времени остро стоят и перед либерализмом, и перед другими социальными концепциями, бросая вызов национально-государственным реальностям, в условиях которых они оформились[4].

Гораздо более важным представляется то обстоятельство, что в рамках мировоззренческой парадигмы либерализма не только в общих чертах, но и в деталях была разработана цельная концепция социально-политического переустройства России. Механизм ее практической реализации определялся самой сутью либеральной доктрины. Присущий либералам пиетет по отношению к

---

[1] Михайловский И.В. Рецензия на учебник философии права ... С.379.

[2] Михайловский И.В. Культурная миссия юристов ... С.27.

[3] Там же.

[4] Возможности либерализма в осмыслении современного мира... С.129.

праву, убежденность в допустимости лишь легитимной общественной деятельности, стремление обеспечить преемственность политической культуры при проведении преобразований, уважение к историческим традициям Отечества и их учет в проектах реформ, смещение акцента в создании предпосылок для их осуществления на проблемы формирования и развития национального самосознания и упование на особую роль в этом процессе культуры, науки, искусства, религии - все это не оставляет сомнений в приверженности эволюционным методам разрешения общественных проблем. Даже в тех случаях, когда либералами радикального фланга ставились задачи проведения коренных реформ политического и социального строя, таковые отнюдь не связывались с революцией и насилием.

Основой неприятия насильственных средств в политической борьбе являлась убежденность либералов в их противоправном характере и несовместимости с признанием самоценности человеческой личности и ее жизни. "Неприкосновенность личности, и прежде всего неприкосновенность жизни человеческой, - первое и важнейшее право человека и гражданина, - подчеркивал И.А.Малиновский. - А потому заповедь "не убей" является первой и важнейшей нормой, определяющей отношения общежития, а ее нарушение - наиболее тяжким преступлением"[1].

По мнению либералов, такая цель, как борьба против произвола и гнета власти не могла служить оправданием для использования революционных методов. И.А.Малиновский отмечал :"Никакими доводами разума нельзя оправдать применения насилия теми, которые ведут борьбу против насилия. Нельзя принципиально отрицать насилие и в то же время сознательно прибегать к насилию, пользоваться им как средством для достижения заранее поставленной разумной цели"[2]. Экстремизм, ставка на насильственные средства в решении социальных и политических проблем воспринимались как убедительные свидетельства внутренней противоречивости революционной доктрины. Непримиримые противоречия усматривал И.А.Малиновский в таких ее характеристиках: "Ненависть к прошлому и пользование теми способами действий, какие практиковались в варварские эпохи прошлого. Отрицание насилия и признание его, возвеличение, почти обоготворение человеческой личности и крайнее ее унижение, ибо кто отнимает у человека бесценный дар жизни, тот так унижает личность человека, как только в силах человеческих унизить ее"[3].

---

[1] Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Томск, 1909. Вып.II. Ч.III. С.132-133.

[2] Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Томск, 1908. Вып.I. Ч.I. С.22..

[3] Там же. С.20.

В поисках объяснения этих парадоксов профессор в своем фундаментальном труде "Кровавая месть и смертные казни" обратился к анализу фактов террористической деятельности и революционной литературы и пришел к выводу, что совмещение протеста против насилия с применением насилия обусловлено психологической вынужденностью. В свою очередь, психологическая вынужденность, по его мнению, порождалась существующим порядком, который, с одной стороны, противоречит представлениям революционера о справедливости, интересах и правах народа, а с другой - создает непреодолимые препятствия для мирной деятельности по пропаганде революционных идей[1].

Такая постановка проблемы предполагала признание по меньшей мере косвенной ответственности государственной власти за революционные эксцессы. Вместе с тем и основным психологическим мотивом непосредственных участников черносотенных погромов октября 1905 г., поставлявшихся невежественной народной массой, И.А.Малиновский считал "месть обществу, создавшему порядки, при которых тяжело и невыносимо жить". К тому же он обращал внимание на факты попустительства администрации во время погромов, подстрекательства с ее стороны и даже прямого участия в погромах[2].

В целом, И.А.Малиновский довольно остро ставил вопрос об ответственности государства за "эпидемию кровопролития" в стране. Он выражал убежденность в том, что вина правительства, применяющего смертную казнь, широко использующего не гарантирующую правильного судопроизводства практику вынесения приговоров военно-окружными и военно-полевыми судами, поощряющего действия карательных отрядов, многократно превосходит вину террористов. В революционном терроре И.А.Малиновский не видел оправдания действиям правительства, считая, что акты мести со стороны могущественного государства, располагающего громадными силами войска и полиции, заслуживают лишь глубокого порицания[3].

Резкое осуждение практики правительственных репрессий объяснялось ее несовместимостью с либеральным правосознанием. Использование смертной казни воспринималось либералами как полный отказ государства от той роли беспристрастного арбитра, призванного обеспечить консенсус различных социальных сил, которую они ему отводили в своих социально-политических конструкциях; как забвение идеи права; как проявление животного инстинкта, опирающегося на грубую силу и соответствующего правосознанию дикаря.

---

[1] Малиновский И.А. Кровная месть ... Томск, 1909. Вып.II.Ч III. С.28-29.

[2] Там же. С.28, 44, 48, 49, 62.

[3] Там же. С.80, 82, 84, 92, 96, 122, 123; Он же начальная страница из истории смертной казни. Спб., 1909. С.208, 209.

Впрочем, усматривать первопричину того, что, выражаясь словами И.В.Михайловского, "современная Россия побила рекорд в смысле озверения", исключительно в существующем режиме и правительственной политике были склонны отнюдь не все либералы. В отличие от представителей радикального направления в либерализме, каковым являлся и И.А.Малиновский, консервативно настроенные либералы старались не заходить слишком далеко в предъявлении обвинений реальной власти и своей оппозиционности по отношению к ней. В оценке ситуации они скорее придерживались принципа равной ответственности, ставя правительственные репрессии, черносотенные погромы и проявления революционаризма в один ряд и не делая между ними особых различий в выражении своего осуждения. Однопорядковыми проявлениями "вакханалии зверя в человеке" считал И.В.Михайловский "с одной стороны - карательные отряды, сожжение деревень, бомбардировку городов, расстрелы, виселицы, административный произвол, достигший Геркулесовых столбов; далее - погромы, бесчинства различных "патриотических" организаций, а с другой стороны - бомбы, брауннинги, массу политических убийств, грабежей и другие возмутительные проявления человеческой дикости, совершаемые ввиду отвратительного принципа: "Цель оправдывает средства"[1].

Общим же для радикал-либералов и либералов-консерваторов являлось категорическое неприятие насилия, конфронтационности, "невероятного взаимного озлобления фанатиков различных партий". Объединяло их и осознание возможности катастрофических последствий "эпидемии кровопролития", охватившей Россию. И.В.Михайловский видел в ней угрозу полной атрофии чувства законности в населении, отказа от высших духовных начал, вечных идей истины, добра, красоты, превращения этих идей в "средства для достижения преходящих мимолетных целей того или иного момента политической борьбы"[2]. Обращал внимание на негативное этическое и моральное воздействие практики насильственных методов и И.А.Малиновский, предрекавший в случае ее продолжения гибель нравственного чувства, высоких альтруистических порывов в человеке[3].

В стремлении предотвратить столь трагичный для Отечества исход, покончить с конфронтационностью различных политических сил находила проявление присущая либерализму толерантность. Пафосом примиряющего сознания и вместе с тем элементарным здравым смыслом были исполнены слова И.А.Малиновского: "Не может все население мыслить одинаково. Различные направления и различные оттенки мысли по вопросам политическим и социальным неизбежны ... В культурном государстве каждому гражданину должна

---

[1] Михайловский И.В. Университет и наука ... С.4.

[2] Там же. С.4, 17.

[3] Малиновский И.А. Кровная месть ... Томск, 1909. Вып.2.Ч.3. С.126; Он же. Русские писатели-художники о смертной казни. Томск, 1910. С.97.

быть предоставлена свобода мысли и слова". Считая невозможным воспрепятствовать зарождению, развитию и распространению тех или иных идей, И.А.Малиновский предлагал обеспечить им право гражданства, а их носителям - свободу придерживаться своих убеждений, пропагандировать в обществе путем устного и печатного слова, Лишь для призывов к насильственным действиям как преступных и недопустимых делалось исключение в этом отношении[1].Основным средством прекращения кровопролитий во всех их проявлениях (аграрные волнения, революционный террор, черносотенные погромы, смертные казни и т.п.) либералы считали реформы социального и политического строя, водворение начал гражданской и политической свободы, обеспечение прочного правопорядка, что должно было открыть возможности мирной культурной работы и создать условия для всестороннего гармоничного развития личности[2].

В целом контуры мировоззренческой парадигмы сибирского либерализма (и это вполне естественно и закономерно) соответствовали классическому либеральному мировосприятию и были выдержаны в духе традиций отечественного либерализма, восприняв вместе с тем новации начала XX в. Проблески региональной специфики носили частный характер, проявляясь, например, в щепетильном отношении к общинным институтам и не вносили принципиальных корректив в либеральную доктрину. Однако присущее представителям интеллектуальной элиты стремление к самостоятельности в осмыслении действительности придавало их теоретическим построениям черты оригинальности. Особо ярко проявлялась индивидуальность сибирских теоретиков в логике мышления, в подборе общетеоретических и исторических аргументов своего видения социальных проблем, в интерпретации ключевых положений либеральной доктрины.

Мировоззренческая парадигма сибирского либерализма характеризовалась внутренней цельностью и гармоничностью. Философские приверженности местных теоретиков, несмотря на их широкий диапазон, имели выход на обоснование центральных постулатов социальной и политической доктрины. Безусловно, возможности ортодоксального теизма, субъективного идеализма, экономического материализма в этом отношении были далеко не однозначными, а потому и степень убедительности аргументации их сторонников должна быть оцениваема по-разному. Наиболее адекватной внутреннему содержанию либерализма представляется философская система Гегеля, придававшая ореол высшей и изначальной разумности таким элементам либерального мировоззрения, как тезисы о самоценности человеческой личности и ее активной созидательной роли в историческом процессе, о значимости для всестороннего развития личности общественной организации и государства,

---

[1] Малиновский И.А. Кровная месть ... Томск, 1909. Вып.2. Ч.3. С.135.

[2] Там же. С.133, 134, 136, 137.

об эволюционности исторического развития и его направленности к примирению противоположностей, т.е. социальному компромиссу и пр. Сибирские теоретики продемонстрировали вполне логичное обоснование если не всех, то по крайней мере основополагающего постулата либеральной доктрины - идеи приоритета личности - и при помощи иных исходных мировоззренческих посылок. Поэтому в целом можно констатировать соответствие социально-политической доктрины либерализма его философским основам.

Свидетельством гармоничности мировоззренческой парадигмы сибирского либерализма является и взаимная согласованность основных компонентов социальной и политической доктрины, а также намечавшихся целей и механизма их реализации. Действительно, в стремлении к обеспечению правового порядка теоретики допускали использование лишь легитимных и легальных средств и методов. Восприятие духовных ценностей, как приоритетных, дополнялось и подтверждалось акцентированным признанием широких возможностей науки, искусства, религии, культуры в целом в формировании зрелого национального самосознания, в подготовке граждан к разумной, компетентной и ответственной деятельности по созданию и поддержанию правопорядка.

Конечно, либералам можно сделать упрек в том отношении, что предлагавшийся ими механизм общественного переустройства Отечества не учитывал в полном объеме объективных конкретно-исторических обстоятельств, характеризовавшихся крайне социальной и политической поляризацией, фактически исчерпанным лимитом терпения испытывавших экономическую нужду и ощущавших свое политическое бесправие, лишенных элементарных гражданских свобод народных масс. Но, с другой стороны, нельзя не согласиться с присущим им убеждением в том, что создавать правовой порядок можно только правовыми методами, что насилие несовместимо с признанием самоценности человеческой личности.

Внутренняя цельность социально-политической доктрины либерализма неминуемо должна была подвергнуться серьезным испытаниям при столкновении с объективной действительностью. Дилемма, с неизбежностью вытекавшая из этого столкновения, представляется исполненной драматизма: разрушение мировоззренческой гармонии во имя приспособления к реальной ситуации или же ее сохранение, чреватое невостребованностью заложенного в доктрине интеллектуального потенциала.

В этой связи перед практиками либерализма - политическими лидерами кадетов и октябристов - стояла весьма сложная и чрезвычайно важная задача адаптации теоретических конструкций к обстоятельствам бурлящей политическими страстями России. Им предстояли не только перевод философских и социологических доктрин на язык доступных восприятию масс и пригодных для политической пропаганды и агитации формул и лозунгов, но и выработка конкретного механизма достижения поставленных целей с учетом реальных

контуров политического пространства, создававшихся властью и партиями различной ориентации, а также доминировавших политических пристрастий их потенциального электората. Кроме того, сравнительно незначительное внимание, уделявшееся в трудах теоретиков экономическим проблемам, явное смещение акцентов на политико-правовые вопросы диктовало необходимость восполнения соответствующих пробелов доктрины, которые должны были придавать ей оттенок формализма и создавать впечатление пренебрежительного отношения к насущным нуждам и потребностям населения. Решение этой задачи для сибирских либералов представлялось тем более важным ввиду региональных особенностей социально-экономического развития, не позволявших слепо копировать соответствующие разделы общепартийных программ.

Программные и тактические установки местных отделов либеральных партий призваны были, таким образом, стать своеобразным связующим идейно-политическим звеном между теоретиками и их соотечественниками, благо которых рассматривалось как высшая цель правового общежития в мировоззренческой парадигме либерализма.

Глава 2. СИБИРСКИЙ ВАРИАНТ ЛИБЕРАЛЬНОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА РОССИИ: ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

1. Проблемы политической реорганизации общества в программных установках либералов Сибири

Выбор сибирскими либералами в качестве приоритетного направления организационной консолидации курса на создание местных отделов российских партий предполагал ориентацию на общепартийные документы при определении политических позиций. Однако специфика социально-экономического и политического развития региона, а также присущая идеологам и политическим лидерам либерализма тяга к самостоятельности в осмыслении реалий общественной жизни не могли не наложить отпечаток на программные и тактические установки сибирских отделов, обусловив их особенности .

Своеобразие позиций сибирских кадетов проявилось в первых же строках их программных документов, посвященных проблеме политической организации общества. В программе, принятой на учредительном съезде партии, вопрос о форме правления фактически остался открытым в силу неопределенности формулировки соответствующего параграфа: "Конституционное устройство Российского государства определяется основным законом". Содержание остальных пунктов раздела "Государственный строй" допускало возможность маневра в сторону как парламентарной республики, так и конституционной монархии[1].В программах же кадетов Красноярска и Томска, принятых соответственно 29 октября и 25 ноября 1905 г., провозглашалось однозначно: "Верховная власть в государстве Российском принадлежит Государю Императору и Государственной Думе"[2].Такая формулировка автоматически исключала интерпретацию последующих положений программ в республиканском ключе. Единственно приемлемым вариантом организации власти представлялась конституционная монархия и кадетам Омска и Иркутска[3].

Приверженность сибирских кадетов идеалу конституционной монархии основывалась прежде всего на убежденности в психологическом отторжении

---

[1] Полный сборник платформ всех русских политических партий. Спб., 1906. С.60-61.

[2] Программа томского отдела партии народной свободы // ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.400. Л.31; Программа свободной народной партии. Красноярск. //Там же. Д.77.Л.1.

[3] Чего хочет партия народной свободы. Омск.// ГАРФ. Ф. 523. Оп.1.Д.169. Л.34; Восточное обозрение. 1906. 10 янв.

большинством населения России республиканской формы правления, как не соответствующей его правосознанию и традициям, в присущем народным массам, и особенно крестьянам, восприятии государства и государственного единства исключительно в форме монархии[1].Дополнительным аргументом в пользу предпочтительности парламентарной монархии служили представления о прочности "старой власти", допускавшей ее сокрушение лишь путем медленным и длительным, через развитие конституционных учреждений и вместе с тем уверенность в способности этой власти видоизменяться соответственно требованиям народа и общества[2].

Таким образом, неприятие республиканской формы правления для России, основанное на центральном постулате либеральной концепции общественного прогресса - идее преемственности, сразу же стало важным компонентом политической платформы сибирских кадетов. Мнение И.Г.Мосиной, согласно которому разногласия в местных отделах партии народной свободы по вопросам государственного устройства характеризовались признанием левым крылом в период наибольшего подъема революции необходимости республики в противовес отстаивавшим лозунг монархического правления правым кадетам, представляется недостаточно обоснованным. В подтверждение этого тезиса исследователь ссылается на поддержку отдельными группами кадетов в Омске, Семипалатинске, Красноярске требования Учредительного собрания[3]. Однако разъяснение ЦК, принятое вторым съездом партии народной свободы, давало понять, что лозунг Учредительного собрания не противоречит основному взгляду партии на политический строй России как "конституционной и парламентарной монархии", поскольку "в употреблении партии термин "учредительное собрание" означает собрание народных представителей с учредительными функциями, созванное для составления основного закона, а не собрание, облеченное всей "полнотой власти"[4]. Других же свидетельств приверженности левых кадетов к республиканской форме правления И.Г.Мосина не приводит. Не встречаются такого рода свидетельства и в источниках исследуемого периода. По-видимому, монархизм все же являлся основой политических позиций как правых, так и левых кадетов в Сибири.

---

[1] Сибирская жизнь. 1905. 23 дек.; Восточное обозрение. 1906. 10 янв.; Степной голос. 1906. 14 мая; Чего хочет партия народной свободы. Красноярск, 1906. //ЛДИДНИККК. Ф.64. Оп.10. Д.18. Л.3; Омский телеграф. 1917. 7 апр.

[2] Ипполитов М. Монархия и республика //Омский телеграф. 1917. 7 апр.

[3] Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу... С.77.

[4] Конституционно-демократическая партия (партия народной свободы). Постановления второго съезда 5-11 января 1906 г. и программа. Спб., 1906. С.7-8.

Отмеченное расхождение официальной программы партии, принятой на учредительном съезде, и программных документов сибирских кадетов в постановке вопроса о форме государственного устройства носило во многом формальный характер. Во всяком случае вряд ли оно может служить достаточным основанием для вывода о более правых политических позициях местных кадетов по сравнению с кадетами центра[1].Учет конкретно-исторических условий, в которых принимались программные установки в центре и в Сибири, позволяет подвергнуть подобную точку зрения сомнению. Э.Г.Кудряшев справедливо обращает внимание на то, что в Сибири программные документы составлялись после известия о Манифесте 17 октября 1905 г., а не в разгар Октябрьской стачки[2]. Отказ кадетов центра на учредительном съезде (12-18 октября 1905 г.) от однозначного решения вопроса о политическом устройстве страны нельзя рассматривать в качестве убедительного свидетельства их колебаний в отношении предпочтительности республиканской или же конституционно-монархической формы правления. Ход обсуждения этой проблемы на съезде на дает оснований для вывода о наличии у делегатов республиканского настроя. Более правдоподобным объяснением неопределенности принятой формулировки п.13 программы выглядит трактовка решения съезда как тактического маневра кадетов, которые предпочли воздержаться от афиширования своего монархизма в период наивысшего подъема революции при непредсказуемости ее исхода. В январе 1906 г., после поражения Декабрьского вооруженного восстания второй съезд партии народной свободы открыто провозгласил приверженность монархической форме правления. Новая формулировка п.13 программы не оставляла никаких сомнений на этот счет: "Россия должна быть конституционной и парламентарной монархией"[3].

Таким образом, говорить категорично о правых позициях сибирских кадетов по данному вопросу по сравнению с позициями кадетов центра представляется вряд ли возможным. Более того, на наш взгляд, вообще нельзя однозначно установить соотношение политических позиций тех и других, поскольку в рядах кадетских организаций как Сибири, так и Европейской России, существовали и правое, и левое течения. Это обстоятельство диктует необходимость дифференцированного подхода к оценке позиций различных региональных отрядов кадетской партии.

---

[1] См.: Мосина И.Г. К вопросу о возникновении кадетских организаций в Сибири //Учен. зап. Томск. пед. ин-т. Томск, 1969. Вып.25. С.111.

[2] Кудряшев Э.Г. Организационное оформление либеральной буржуазии в Сибири в 1905 г. // Из истории Сибири. Красноярск, 1973. Вып.6. С.58.

[3] Сборник программ политических партий в России. Спб., 1906. Вып.3. С.11.

Солидарность в выдвижении требования конституционной монархии не исключала нюансов в трактовке механизма ее функционирования. В среде кадетов Сибири отсутствовало, в частности, единство мнений о способе избрания и форме организации народного представительства, о его полномочиях и принципах взаимоотношений с исполнительной властью.

В соответствии с общепартийной программой в документах местных кадетов содержалось требование всеобщей, прямой и тайной подачи голосов на выборах в Государственную думу . Однако правые кадеты считали возможной органическую деятельность и в той Государственной думе, которая должна была быть созвана по избирательному закону 11 декабря 1905 г., предусматривавшему организацию многостепенных, неравных выборов. Тем самым они проявляли готовность поступиться программными принципами во имя компромисса с властью и действовать методом "постепенных приближений" в осуществлении намеченных целей. Такая позиция вызывала недовольство у представителей левого крыла кадетских организаций[1]. В преддверии выборов во II Государственную думу кадеты Томска настаивали на проведении их в соответствии с четырехчленной формулой своей программы, особо подчеркивая важность предоставления избирательного права рабочим Сибири, отстраненным от выборов I Думы. Специально оговаривали они и необходимость не допустить препятствий со стороны "разных больших и маленьких администраторов" к устройству предвыборных собраний и стеснения свободы таковых "положениями" и "охранами". В осуществлении этих требований усматривались гарантии избрания Думы, способной явиться "действительной выразительницей народных интересов"[2].

Предметом разногласий среди сибирских кадетов стал также вопрос о предпочтительности организации народного представительства в виде одной или двух палат, тем более, что общепартийная программа допускала свободу мнений в этом отношении[3]. Большинство смирилось с правительственным проектом создания Государственного Совета, ограничивавшим и без того скромные права Государственной думы. Однако некоторые кадеты все же не оставили попыток обосновать преимущества однопалатного народного представительства, с которым связывали перспективы конституционного развития России. Так, И.А.Малиновский считал по меньшей мере неуместным создание Государственного Совета (особенно в том виде, какой предполагал закон 20 февраля) в тот исторический момент, "когда на очереди стоит вопрос о ликвидации самодержавно-бюрократического и крепостнического режима и об обновлении русской жизни на началах свободы, права и социальной справедливости". По его мнению, Государственный Совет не мог содействовать это-

---

[1] Голос Сибири. 1905. 25 дек.; 1906. 23 апр.

[2] Сибирские отголоски. 1906.№ 21. С.1.

[3] Полный сборник платформ... С.60.

му обновлению и был способен лишь систематически препятствовать работе народного представительства. Своеобразным утешением для И.А.Малиновского, отвергавшего целесообразность создания этого института политической власти, служила убежденность в его мертворожденности и неминуемом упразднении с водворением в России конституционного строя[1].

Более умеренную и взвешенную позицию, продиктованную соображениями реальной политики, занял по этому вопросу Н.В.Некрасов. Разделяя в целом отрицательное отношение к верхней палате вообще и к ее "нынешней" организации в России в особенности, он все же придерживался мнения, что "верхняя палата, какова бы она ни была, является одним из факторов политической эволюции страны, и было бы ошибочно отказываться заранее от возможности влиять на ее решения"[2].

Основным же гарантом укрепления конституционного порядка кадетам представлялась Государственная дума как собрание представителей всего народа. Главное ее предназначение они видели в планомерной работе "по насаждению правовых начал в стране"[3]. Круг полномочий, которыми местные кадеты считали необходимым наделить Государственную думу для выполнения этой миссии, в общих чертах совпадал с намеченным официальным руководством партии. Программы сибирских отделов в унисон с требованиями общепартийной программы включали в компетенцию собрания народных представителей участие в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов, в контроле за законностью и целесообразностью действий высшей и низшей администрации[4]. Вместе с тем в определении кадетами Томска функций Государственной думы проявилось несколько более широкое их толкование: томский отдел включил в свою программу дополнительное требование наделения народных представителей правом решения вопроса о войне и мире, являвшегося прерогативой императора[5].

Рассматривая Государственную думу как законодательное государственное учреждение, призванное работать во взаимосвязи с другими государственными установлениями, кадеты Сибири придерживались либеральной идеи разделения властей, а потому категорически возражали против превращения Думы в учреждение, совмещающее все функции государственной власти: за-

---

[1] Малиновский И.А. Государственная Дума и Государственный Совет // Сибирские отголоски. 1906. № 13 С.10.

[2] Некрасов Н.В. Письма о национальностях и областях. Культурные и политические проблемы Сибири // Русская мысль. М., 1912. Кн.2. С.108.

[3] Сибирь. 1906. 5 ноября.

[4] Полный сборник платформ ... С.60-61; Программа томского отдела партии народной свободы... Л.31; Программа свободной народной партии. Красноярск ... Л.1.

[5] Программа томского отдела партии народной свободы ... Л.31.

конодательную, исполнительную и судебную . Руководствуясь этой идеей, М.И.Боголепов доказывал, в частности, несовместимость конституционного устройства с наделением парламента правом вносить изменения в бюджет, разрабатывать его, поскольку "парламент, приготавливающий бюджет и обсуждающий его, в данном случае был бы судьей в собственном деле". Такая ситуация, по его мнению, была чревата нарушением конституционного принципа ответственности властей, ведь "бюджетные ошибки (при исполнении бюджета) легко могли бы оказаться ошибками самого парламента"[1].

Требование ответственности министров перед собранием народных представителей являлось общим для программных документов местных кадетов и официальной программы партии. Однако и в этом случае, излагая свою позицию, сибиряки не пошли по пути слепого копирования соответствующих разделов общепартийной программы, а внесли в нее принципиальные дополнения. Так, бюро томского отдела кадетской партии в мотивированной записке II Всероссийскому партийному съезду подчеркнуло необходимость, с целью большего развития демократических начал в программе, включить пункт о назначении министров из большинства Государственной думы, что должно было привести организацию этой палаты в соответствие с духом парламентарной системы[2]. Принцип ответственности министров перед народным представительством был напрямую сопряжен с требованием избрания их из парламентского большинства и в программе иркутского отдела партии народной свободы[3]. К тому же иркутяне особый акцент делали на принцип внепартийности правительства[4]. Программа свободной народной партии Красноярска, в свою очередь, предусматривала более широкое толкование самого принципа ответственности министров перед Государственной думой. Если общепартийная программа трактовала этот принцип как предоставление членам собрания народных представителей права запроса и интерпелляций[5], то красноярские кадеты сочли необходимым включить в компетенцию Государственной думы и право привлекать министров к судебной ответственности[6].

Но все же основным мотивом всех вариантов определения механизма взаимоотношений Государственной думы и исполнительной власти являлся именно принцип ответственности министров перед народным представитель-

---

[1] Боголепов М.И. Финансы, правительство и общественные интересы... С.20, 21, 26.

[2] Письмо М.Н.Соболева Всероссийскому съезду представителей конституционно-демократической партии // ГАРФ. Ф. 523. Оп.1. Д.400. Л.16.

[3] От местного комитета партии народной свободы // Сибирское обозрение. 1906. 9 июля.

[4] Сибирь. 1906. 19 ноября.

[5] Полный сборник платформ ... С.61.

[6] Программа свободной народной партии. Красноярск ... Л.1.

ством. Такой рефрен далеко не случаен. Для кадетов было характерно объяснение если не всех, то большинства проблем и бед в политической и социально-экономической сферах бесконтрольностью бюрократии, чиновничьей опекой и произволом[1]. Сибиряки пороки бюрократической системы управления воспринимали, по-видимому, даже более обостренно, чем официальное руководство партии и кадеты центра, поскольку в силу целого ряда политико-юридических дискриминационных ограничений царизма в отношении региона чиновничье самоуправство здесь было более демонстративным. Здраво оценивая реальное положение вещей, местные кадеты были убеждены в том, что издание гарантирующей гражданские и политические свободы конституции само по себе не является панацеей в решении проблемы преодоления бюрократического произвола. Создание же ответственного перед Государственной думой правительства они считали подлинно эффективным средством борьбы с этим злом. Такая позиция была четко определена в телеграмме на имя председателя Государственной думы, отправленной в июне 1906 г. собранием иркутского отдела партии народной свободы. Настаивая на подчинении министерства народному представительству, кадеты выражали уверенность, что без этого "всякие права и вольности народа будут бумажными законами, обычно необязательными для чиновной власти"[2].К тому же самовластье безответственного правительства грозило возможностью дезорганизации экономики. "Безответственное правительство, - писал М.И.Боголепов, - при всяких условиях, всегда и везде кончало тем, что вконец расстраивало финансы и подрывало финансовые источники"[3].

Роспуск II Государственной думы, издание нового избирательного закона в нарушение "Основных законов Российской империи", предусматривавших процедуру его принятия самой Думой, и последовавшая за этим полоса реакции придали пессимистическую окраску настроениям кадетов и посеяли в их рядах сомнения по поводу реальности шансов конституционного развития. "Реакция подрывает крылья самым скромным надеждам" - таков рефрен публикаций в кадетской печати того периода[4]. Вместе с тем новая ситуация дала определенный импульс для кристаллизации убеждений сибирских кадетов и укрепила их в намерении следовать требованиям программы в решении

---

[1] См.: Листок томского отдела свободной народной (конституционно-демократической) партии «О Манифесте 17 октября». Томск, 1905. 8 дек. // ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.400.Л.32; Сибирская жизнь. 1905. 8 ноября.; Голос Сибири. 1905 . 23 ноября.

[2] Вестник партии народной свободы. Спб., 1906. № 17. Стлб. 1141-1142.

[3] Боголепов М.И. Финансы, правительство и общественные интересы ... С.90.

[4] Сибирская жизнь. 1908. 19 окт.; 1909. 11 янв.

проблем политической реорганизации общества. Редакция газеты "Сибирская жизнь" констатировала в статье с характерным названием "Итоги": "Революционный пыл прошел, крайности революционных увлечений сгладились, мысль приняла более реальное направление, и неопределенные мечтания, под влиянием уроков неумолимой действительности, приняли форму определенных идеалов, которые мыслятся ... как нечто необходимое, без чего жить и развиваться нельзя"[1].

Критичное отношение кадетов к III Государственной думе, в которой было урезано представительство крестьян, городской мелкой буржуазии, рабочих, национальных окраин, не поколебало их конституционных идеалов[2]. "Вера в народное представительство, освобожденная от всяких иллюзий политической неопытности и прямолинейного доктринерства, - подчеркивали иркутские кадеты, - должна быть поддерживаема как залог лучшего будущего России, всякая попытка угасить ее не может быть терпима, т.к. такие попытки только расчищают пути реакции и поддерживают ее"[3] . Отмечая укрепление идеи народного представительства на фоне политической реакции и общественной апатии, им вторили кадеты Томска, выражавшие уверенность в том, что Дума стала необходимой не только для народа, но и для правительства, превратилась в неотъемлемое звено государственной жизни России[4].

Усматривая в деятельности "господской", по их выражению, III Думы тенденцию к превращению в законосовещательное учреждение, кадеты считали ее реализацию равносильной возвращению к старому дореформенному строю. В этом они видели нарушение "Основных законов", а потому настаивали: "Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственной думы". Накануне созыва IV Думы томские кадеты вменяли в обязанность не только оппозиции, но и всем депутатам, стоящим на почве Манифеста 17 октября, защищать права народного представительства от посягательств "революционеров справа", отстаивать начала гражданской свободы[5]. Выступая на предвыборном собрании в октябре 1912 г, кандидат в депутаты Государственной думы от кадетов Иркутска А.В.Витте заявил, что программа деятельности кадетской фракции должна предполагать отмену закона 3 июня о выборах в Государственную думу, постепенный переход ко всеобщему избирательному праву, прекращение административного произвола, расширение бюджетных прав Думы, ответственность министерства и всех чинов администрации перед Думой[6].

---

[1] Сибирская жизнь. 1909 11 янв.

[2] Сибирская заря. 1907. 24 окт; 28 окт..

[3] Сибирская заря. 1907. 7 ноября.

[4] Сибирская жизнь. 1908. 17 окт.

[5] Сибирская жизнь. 1912. 16 окт.

[6] Сибирь. 1912. 16 окт.

Отстаивание своих программных требований по политическим проблемам становится доминантой настроений сибирских кадетов на волне роста оппозиционности в условиях обострения общественного кризиса, усугубившегося в результате мировой войны. В преддверии событий февраля 1917 г. они выражали уверенность в том, что перемены в составе правительства являются паллиативом, а потому необходимо изменение самих принципов политической организации общества.

Вместе с тем к 1917 г. сложились некоторые предпосылки трансформации политических предпочтений кадетов. Свидетельством этого является, в частности, ретроспективный анализ эволюции взглядов сибирских кадетов по вопросу о форме государственного устройства, содержавшийся в статье М.Ипполитова "Монархия и республика". Автор констатировал постепенное разрушение монархических идеалов вследствие разочарования в способности царизма "оплодотвориться новым духом общественности". Падение престижа монархической власти сделало вполне закономерным "дрейф" групп, защищавших парламентарную монархию, к признанию республики в качестве формы правления, наиболее совершенно и полно выражающей народовластие. Республиканская идея, с точки зрения кадетов, становилась новой равнодействующей прежних политических сил, подобно тому, как ранее таковой являлась идея сочетания монархии с парламентаризмом. Поэтому после Февральской революции соответствующая политическая переориентация собственной партии не воспринималась ими как симптом существенной перемены в идеологии и политических требованиях[1].

Цементирующим началом программных установок кадетов по политическим вопросам, их лейтмотивом и константой являлось требование предоставления гражданских свобод населению. "Гражданская свобода - это та атмосфера, в которой только и может существовать и развиваться представительный строй," - подчеркивали кадеты Томска. Более того, по их мнению, отстаивание начал гражданской свободы могло стать общей платформой для сплочения всех прогрессивно настроенных лиц, признающих принцип народного представительства[2].

Содержание, которое сибирские кадеты вкладывали в понятие "гражданская свобода", в основном совпадало с представлениями общепартийного руководства. Программные документы местных отделов предусматривали принятие конституции, гарантирующей неотъемлемые права человека и гражданина: равенство всех перед законом без различия пола, вероисповедания, национальности и сословия; неприкосновенность личности и жилища; свободу совести, вероисповедания, слова, печати, собраний, союзов, пере-

---

[1] Ипполитов М.. Монархия и республика //Омский телеграф. 1917. 7 апр.

[2] Сибирская Жизнь. 1912. 27 окт.

движения[1]. Особую ценность в глазах кадетов Сибири имел принцип гражданского и политического равноправия. Он выдвигался как первоочередное требование партии в ходе предвыборных кампаний[2]. Смещение акцента с проблем прав и возможностей отдельной личности, являвшихся центральными в доктрине либерализма, в сферу установления социального и политического равенства определялось, по-видимому, потребностями агитационно-пропагандистской работы и учета потенциала воздействия на население идей и лозунгов партий социалистической ориентации.

Оригинальность в составлении перечня основных гражданских прав, нуждающихся в конституционном обеспечении, проявил Минусинский отдел партии народной свободы. Общепартийная программа и программные документы всех остальных организаций в Сибири не упоминали о праве собственности[3]. В листовке же кадетов Минусинска, излагавшей программные требования местного отдела, содержалось требование неприкосновенности частной собственности. Отсутствие соответствующего пункта в официальной программе партии побудило минусинцев сопроводить это требование мотивированным обоснованием своей позиции. "Исходя из современного положения страны с совершенно разбитым хозяйством и признавая, что только усиленный личный труд и полная уверенность в том, что никто не посмеет дерзнуть на плоды труда твоего и безвозмездно отнять твоего имущества под видом всевозможных социализаций, конфискаций и т.п. громких слов, - указывалось в листовке, - Партия Народной Свободы вполне принимает знаменитое историческое положение, что собственность не может быть ни у кого отнята иначе, как в случае, если этого очевидно требует законным образом удостоверенная общественная необходимость и под условием справедливого вознаграждения"[4]. С учетом общего контекста социально-экономического раздела официальной программы партии можно предположить, что подобная интер-

---

[1] Программа свободной народной партии. Красноярск ... Л.1; Чего хочет партия народной свободы. Красноярск // ЦХИДНИКК. Ф.64. Оп.10. Д.18. Л.2.

[2] От местного комитета партии народной свободы ...; За что стоит партия народной свободы. Листовка минусинского отдела партии народной свободы // ЦХИДНИКК. Ф.64. Оп.10. Д.14. Л.1; Чего хочет партия народной свободы. Омск, 1906 // ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.169. Л.34.

[3] Это обстоятельство послужило для В.В.Леонтовича одним из доводов в пользу его точки зрения о радикализме кадетов и отходе от либеральной традиции, предполагавшей незыблемость частной собственности как самой действенной гарантии для отдельного человека спокойно преследовать свои цели и развивать свои способности. См.: Леонтович В.В. Указ. Соч. С.4, 483.

[4] За что стоит партия народной свободы? Листовка минусинского отдела ... Л.1.

претация принципа незыблемости частной собственности не вызвала бы возражений ни у руководства, ни у большинства ее рядовых членов. И тем не менее открытое провозглашение своего намерения следовать этому принципу безусловно стало отличительной чертой программного документа минусинских кадетов.

Печатью своеобразия были отмечены и представления сибирских кадетов о конституционных правах населявших Российскую империю народностей. Программные требования местных организаций по этому вопросу не отличались принципиально от общепартийных, предусматривая свободное культурное самоопределение. Единым было и понимание сути этой формулы как гарантии полной свободы употребления различных языков и наречий в публичной жизни, свободы основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности и т.п.[1]. Однако преломление этой формулы в конкретных региональных условиях породило специфику позиций кадетов по так называемому "инородческому" вопросу.

Вопрос этот , связанный с проблемой обеспечения прав причислявшихся к податному сословию "инородцев" коренных народов, стоял в Сибири остро, хотя, по словам одного из лидеров местных кадетов Н.В.Некрасова, совершенно в иной плоскости, чем в Европейской России. Разжигавшаяся в центре националистическая травля инородцев представляла собой спекуляцию на нелепом страхе перед более культурным, более приспособленным к экономической борьбе инородцем. В Сибири же всякие опасения инородческого засилья не имели под собой почвы. Проблема здесь заключалась в том, чтобы "в целях правильного экономического развития края частью спасти от полной гибели, частью предохранить от экономического кризиса и разорения инородческие племена с их своеобразными приемами хозяйства, чтобы своевременным развитием положительных сторон европейской культуры парализовать те отрицательные элементы, которые прежде всего вторгаются в жизнь инородцев при столкновении их с новыми формами культуры"[2].

Основываясь на общепартийной формуле "свободного культурного самоопределения" народностей России, сибирские кадеты считали необходимым обеспечить "инородцам" право на самостоятельное устройство своей особой жизни, поскольку они сохранили самобытность, язык, верования и проявили себя "в достаточной степени жизненным, способным к повышению дальнейшего уровня культурности племенем"[3] . Однако основной акцент в этой фор-

---

[1]Программа томского отдела партии народной свободы ... Л.31; Чего хочет партия народной свободы . Красноярск ... Л.3.

[2]Некрасов Н.В. Письма о национальностях и областях ... С.109, 110.

[3] Там же.

муле при постановке конкретных проблем "инородцев" оказался смещенным из сферы культуры в сферу социально-экономическую и политико-правовую.

Осуждая практику изъятия принадлежащих местным народностям земель в колонизационный фонд,в пользу Кабинета, кадеты выступали с требованием юридически закрепить земли за коренными жителями с целью предотвращения подобных изъятий в дальнейшем. Справедливое, при непременном участии и по указанию самих "инородцев" произведенное, отмежевание земель и установление прочных границ с нанесением на планы, было продиктовано, по их мнению, интересами практической политики. Эти меры позволяли положить предел спорам на границах русского и инородческого землепользования, которые отличались особой остротой ввиду различий быта, уклада хозяйства и духовной жизни конфликтующих сторон и почти всегда заканчивались не в пользу "инородцев" из-за преобладания русского населения и большей близости к нему властей. Разрешение вопроса о форме поземельных отношений самих коренных народностей кадеты считали их внутренним делом и относили к компетенции соответствующих земских единиц, которые должны были прийти на смену системе опеки крестьянских начальников над инородческим населением[1].

Констатируя полную дезорганизацию правовой жизни инородческого населения, кадеты Красноярска настаивали также на необходимости изучения и кодификации степного права, которым регулировалась кочевая жизнь и которым должны руководствоваться по закону административные органы в делах об инородцах[2]. Н.В.Некрасов считал своим долгом особо поставить перед сибирскими общественными деятелями и перед будущими земскими организациями вопрос об оказании энергичной помощи гибнущему инородческому населению Севера. Подчеркивая заинтересованность в этом государства, он писал:"...в существующих условиях далекого Севера только и могут жить эти невзыскательные, привыкшие к суровому климату аборигены края; с их вымиранием северные леса и тундры окончательно обезлюдят; исчезнет последняя возможность эксплуатации их естественных богатств." Поэтому Н.В Некрасову представлялось обязательным вмешательство государства ("как в смысле ассигнования достаточных денежных средств, так и в отношении законодательных мер охраны северных инородцев от хищнической их эксплуатации") в решение этой проблемы, предполагавшей, в частности, развитие народного образования, организацию медицинской помощи, обеспечение кредита и пр.[3].

---

[1] Голос Сибири. 1905. 20 ноября; 9 дек.; Сибирская жизнь. 1906. 2 июня; 10 июня; 16 июня; 13 июля; Восточный край. 1906. 12 июля.

[2] Голос Сибири. 1905. 20 ноября.

[3] Некрасов Н.В. Письма о национальностях и областях ... С.110.

Таким образом, проблема создания конституционных гарантий прав населяющих империю народностей обрела в постановке сибирских кадетов вполне реальные очертания, определявшиеся региональной спецификой.

Формулируя требования предоставления гражданских свобод в программных документах, обосновывая и отстаивая их в дальнейшем, кадеты весьма скептически относились к соответствующим декларациям Манифеста 17 октября, даровавшего "незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов". Уже "всеподданнейший доклад" графа Витте, появившийся одновременно с Манифестом, посеял в их среде сомнения в искренности намерений правительства. Практика же последовавших расстрелов воспользовавшегося свободой собраний и слова населения, а затем и подлинный разгул реакции не оставили никаких иллюзий на этот счет. "Мы видели, что не раз нарушались хорошо разработанные конституции, Манифест же не конституция, и из него легко выкроить законы, нисколько не соответствующие провозглашенным основам," - писал Н.Я.Новомбергский[1]. Отсюда та настойчивость, с которой кадеты вновь и вновь обращались к проблеме создания гарантий гражданских свобод. Считая основной целью своей партии содействие "мирному, свободному и законному развитию нашей родины", они особо подчеркивали необходимость "добиваться того, чтобы права, данные Манифестом 17 октября 1905 г., стали законом и расширять их в том же духе согласно программе партии"[2].

Делая акцент на законодательном обеспечении конституционного порядка, кадеты большое внимание уделяли судебной реформе. Программные установки местных организаций по этому вопросу были созвучны положениям общепартийной программы. Лейтмотивом являлась идея равенства всех граждан перед судом, определявшая фактически весь набор основных принципов предполагавшейся реформы: ответственность должностных лиц на общем основании со всеми гражданами; отделение судебной власти от административной; гласность суда; выборность, независимость, несменяемость судей (иначе как по суду); самоуправление адвокатуры, состязательное начало во всех стадиях уголовного судопроизводства; устранение вмешательства министра юстиции в назначение на судейские должности. Непременной составляющей программных установок сибирских кадетов, как и кадетов центра, по проблемам судебной реформы, было требование безусловной отмены смертной каз-

---

[1]Новомбергский Н.Я. Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России. Лекции, читанные в Русской Высшей школе общественных наук в Париже. Спб,., 1906. С.297, 298.

[2]Листок Временного Комитета Свободной Народной партии в г.Красноярске // ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.211. Л.25.

ни "навсегда"[1], являвшееся производным от либеральной идеи самоценности человеческой жизни и неприкосновенности личности. Теоретическое обоснование этого требования стало одной из центральных тем в трудах кадетов-правоведов[2] .

Считая юридическое равноправие граждан одной из основных задач судебной реформы, кадеты стремились к созданию обеспечивающих его гарантий. Красноярские кадеты даже сочли нужным дополнить общепартийную программу специально сформулированным тезисом о недопустимости учреждения исключительных судов "по каким бы то ни было поводам". Особо подчеркивалось в их программе требование распространения суда присяжных на всю империю, тогда как официальное руководство ограничилось определением общих контуров его компетенции[3]. Подтекст такого рода корректировки программы очевиден: отсутствие суда присяжных в Сибири внушало местным кадетам опасения по поводу того, что очередной виток судебной реформы может вновь оставить без внимания нужды региона.

Фундамент реформы суда в регионе должна была заложить, по мнению кадетов, ликвидация волостного суда и института крестьянских начальников. Основной смысл этих мер они видели в уничтожении сословной обособленности крестьянства и уравнении его в общегражданских правах с другими классами общества. Фиксируя существующее положение вещей, М.Н. Соболев писал:"...лестница властей опутывает сибирского крестьянина с головы до ног и превращает его из теоретического субъекта прав в объект административного усмотрения и воздействия"[4]. Отмечая резкий рост самосознания сибирской деревни за последние десятилетия, он считал необходимой передачу судебных функций крестьянских начальников и волостных судов в руки "независимых судей первой инстанции, т.е. мировых судей, выборное начало которых должно быть восстановлено"[5].

В качестве основных принципов организации института мировых судей предполагались: отделение судебной власти от административной; компе-

---

[1] Голос Сибири. 1905. 20 ноября; Программа свободной народной партии Красноярск ... Л.1; Простое слово к избирателям от партии народной свободы (конституционно-демократической) //Народные нужды. 1906. 2 апр.

[2] См.: Малиновский И.А. Начальная страница из истории смертной казни. Спб., 1909. С.208, 209; Он же. Кровная месть и смертные казни. Томск, 1909. Вып.2. Ч.3. С.74, 76, 80, 132, 133; Он же. Русские писатели-художники о смертной казни. Томск, 1910. С.2, 7, 9, 11.; Мокринский С.П. Смертная казнь и борьба с политическими преступлениями. Б.м., б.г.. С.1, 5, 8, 9.

[3] Программа свободной народной партии. Красноярск ...Л.1.

[4] Соболев М.Н. К вопросу о реформе крестьянского управления в Сибири. Б.м., б.г. С.6.

[5] Там же. С.11.

тентность должностных лиц судебного ведомства; твердая правовая основа, гарантирующая равенство всех перед судом [1]. Предусматривали кадеты и привлечение к участию в судебном разбирательстве присяжных заседателей. Томичи, например, предлагали такой вариант реорганизации суда: "Для малых дел должны выбираться населением, взамен земских начальников, мировые судьи, которые были бы близки и доступны народу; а большие дела (убийство, крупное воровство, бунт и проч.) должны решаться судьями совместно с присяжными, избранными от населения"[2].

Проблема ликвидации института крестьянских начальников, воспринимавшегося как аналог института земских начальников в Европейской России, имела для кадетов Сибири и более широкий смысл. Выходя за рамки проекта судебной реформы, они рассматривали данную проблему в контексте общей реорганизации системы местного управления.

Отмечая в качестве особенности исторического прошлого региона отсутствие законности, которая заменялась здесь произволом, самоуправством местных властей, и видя соответственно главную задачу реформатора в утверждении принципа законности в сибирском управлении, И.А.Малиновский подчеркивал невозможность ее решения при сохранении в полной силе системы бюрократической опеки. "Бюрократическая опека и господство закона несовместимы, - констатировал он. - Бюрократия стремится к безграничному властвованию; она не считается с законом, который полагает определенные границы власти"[3]. Принцип законности в восприятии кадетов был тесно связан с принципом самоуправления.

Проблема организации местного самоуправления стояла в Сибири, лишенной земских учреждений, особенно остро. В условиях полного отсутствия общественного контроля институт крестьянских начальников, наделенных широкими полномочиями, содержал в себе возможности для несравненно большего произвола, чем институт земских начальников в Европейской России. "Они сплошь и рядом чувствуют себя местными царьками, опьяненными своей властью, " - писал о крестьянских начальниках М.Н.Соболев[4]. Дополнительные издержки такой системы управления виделись кадетам в некомпетентности лиц, получивших среднее и даже высшее (но не экономическое) образование и являвшихся в деревню издалека по назначению министерства, в суждениях о деликатных и весьма сложных хозяйственных отношениях местных крестьян. Считая, что "последние, будучи непосредственно заинтересованными в результатах тех или иных мероприятий сельского общества,

---

[1] Там же. С 11-13.

[2] Простое слово к избирателям от партии народной свободы...

[3] Малиновский И.А. Накануне земства в Сибири // Вестник Европы. Спб., 1910. № 12. С.293.

[4] Соболев М.Н. К вопросу о реформе крестьянского управления ... С.8.

лучше всего сами и разберутся в них и придут к решению, отвечающему интересам большинства", М.Н.Соболев считал необходимым предоставление крестьянским обществам полной самостоятельности в разрешении вопросов их компетенции[1]. Этими соображениями, помимо интересов реорганизации местного суда, и была продиктована программная по своей сути установка сибирских кадетов на ликвидацию института крестьянских начальников с их контролирующей и парализующей общественную самодеятельность ролью. Такая мера представлялась тем более целесообразной и желательной, что в Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейской губерниях крестьянские начальники содержались за счет земских доходов с местного крестьянского населения вопреки существовавшему положению о покрытии расходов на содержание местных чинов административного надзора из общегосударственных средств[2].

Решение проблемы реорганизации местного управления представлялось кадетам чрезвычайно важным для осуществления многих других реформ, в частности, преобразования местного суда, введения всеобщего обучения, проведения аграрной реформы и т.д.[3] Рассматривая эту проблему как одну из центральных в процессе государственного переустройства России, они исходили из представления о необходимости согласования форм местной и центральной власти. Поясняя эту идею на примерах из истории русского государственного права, И.А.Малиновский в своих лекциях указывал: "Абсолютной монархии соответствует система бюрократической опеки в местном управлении, а народному представительству в верховном управлении соответствует система местного самоуправления"[4]. Разрушение этого соот-

---

[1] Там же. С.8, 9.

[2] Там же. С.13.

[3] Сибирская заря. 1907. 8 июля.

[4] См.: Малиновский И.А. Лекции по истории русского права. Вып.2. История государственного права. Томск, 1907. С.431, 434, 435, 436. В качестве яркого примера разрушения единства форм местного управления и государственного строя И.А.Малиновский приводил ситуацию 60-х гг. XIX в., когда создание земства не сопровождалось общеполитической реформой, организацией системы народного представительства в верховном управлении государством. Поэтому «созданному 1 января 1864 г. русскому земству вместо правильного роста и развития пришлось вести упорную борьбу за существование с всесильной бюрократией», результатом которой стало постепенное стеснение самостоятельности земских учреждений и извращение самой идеи земского самоуправления. Известную полезность этого плачевного результата, нашедшего свое выражение в «Положении о земских учреждениях» 1890 г. и других законодательных актах, И.А.Малиновский видел в том, что он подтолкнул земских деятелей к осознанию необходимости реформы государст-

ветствия, проявляясь в половинчатости реформ, затрагивающих лишь одно звено единой цепи, было чревато, по мнению профессора, сведением замысла законодателя на нет. Логическим следствием такой констатации являлось признание взаимозависимости и взаимообусловленности реформ государственного строя и местного самоуправления. "Манифест 17 октября 1905 г. провозгласил начала политической и гражданской свободы, - отмечал И.А.Малиновский. - Естественным результатом той коренной реформы государственного строя, основы которой указаны в Манифесте 17 октября, должна быть земская реформа на основе действительного самоуправления"[1]

Мысль о необходимости приведения системы местного управления в соответствие с провозглашенными началами общеполитической реорганизации высказывал и Н.Я.Новомбергский. Он подчеркивал превалирующее значение вопроса о реформе местного управления в новых условиях: "Никакие декларации прав и конституционные хартии не выведут нашего Отечества из переживаемого кризиса, если в основу преобразования не будет положена самая широкая реформа местного управления. Только в этой области нужно искать фундамента для обновленной России, иначе народное представительство окажется висящим в воздухе"[2].

Необходимость реорганизации системы местного управления кадеты обосновывали также потребностями развития самосознания соотечественников, становления гражданского общества. В беседе с корреспондентом газеты "Иркутская жизнь" один из лидеров томских кадетов Е.Л.Зубашев подчеркивал: "Для Сибири неотложно необходима организация общественных сил. На успехи духовного сознания страны громадное задерживающее влияние оказывает отсутствие в Сибири демократического городского самоуправления, а также земства, которое должно пробудить и оживить деревню"[3].

Предложения по реформированию местного самоуправления, содержавшиеся в программных документах кадетов Сибири, были созвучны общепартийным требованиям. Их суть сводилась к распространению местного самоуправления на все государство, введению при выборах соответствующих органов принципа всеобщего, равного, прямого и закрытого голосования; расширению их компетенции "на всю область местного управления"; обеспече-

---

венного строя на началах народного представительства для обеспечения правильного развития земских учреждений.

[1] Там же. С.437.

[2] Новомбергский Н.Я. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г. (Текст и указатель важнейшей литературы). Томск, 1907. С.1.

[3] Сибирская жизнь. 1916. 24 янв.

нию независимости от администрации[1]. Такая постановка вопроса предполагала ограничение функций правительственных чиновников надзором за законностью действий органов местного самоуправления и судебное разрешение возникающих при этом проблем. Томские кадеты к тому же специально оговаривали, что и сами местные представители центральной власти за нарушение законов должны нести ответственность перед судом[2].

Реорганизация городского самоуправления на предлагавшихся кадетами началах позволяла, по их мнению, положить предел хозяйничанью в городских думах группы привилегированных собственников, покончить с опекой местной администрации, избавиться от "обязательных расходов" общегосударственного значения и в результате превратить городские думы в истинные органы общественного самоуправления[3].

Однако помыслы кадетов Сибири, лишенной земских учреждений, в сфере местного самоуправления в первую очередь были устремлены на организацию в регионе демократизированного земства, "свободного от административной опеки и удовлетворяющего все нужды местного населения в области суда, управления, земского хозяйства и просвещения"[4]. Требование "немедленного введения в Сибири земских учреждений, круг ведомства которых должен простираться на всю область местного управления", было даже специально сформулировано в программе, разработанной красноярским комитетом кадетской партии[5]. Готовность местных жителей к такого рода мероприятию не вызывала у кадетов ни малейших сомнений и подтверждалась, на их взгляд, тем обстоятельством, что существующие в Сибири организации(сельскохозяйственные общества, инородческие ведомства, попечительства и др.) "сплошь и рядом несут функции земских учреждений"[6].

Высокую оценку местных кадетов получил законопроект о преобразовании земских учреждений, представленный во II Государственную думу партией народной свободы. По их мнению, этот проект, предусматривавший ликвидацию сословности и равенство в области гражданских и политических прав, всеобщее, прямое, равное и тайное голосование при выборах земских учреждений, подчинение ведению нового земства "всех почти" забот о местных пользах и нуждах, "радикальным образом решал главный вопрос русской

---

[1] Программа свободной народной партии. Красноярск ... Л.1; Программа томского отдела партии народной свободы ...Л.31; Простое слово к избирателям ...; Голос Сибири. 1905. 20 ноября.

[2] Простое слово к избирателям...

[3] Сибирская жизнь. 1905. 20 ноября.

[4] Голос Сибири. 1905. 20 ноября.

[5] Местная программа, выработанная красноярским комитетом конституционно-демократической партии //ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.211. Л.1.

[6] Малиновский И.А. Накануне земства в Сибири ... С.295.

жизни, ... в корень преобразовывал земское самоуправление и шел об руку с идеалами демократии"[1].

Вместе с тем представители умеренного фланга в сибирских кадетских организациях, ставя демократический вариант решения вопроса о земстве в зависимость от предварительного разрешения вопросов, связанных с центральным управлением, от установления общих конституционных оснований для реформ самоуправления, считали возможным и даже необходимым создание земских учреждений в регионе на началах действующего Положения 1890 г. Такая позиция отнюдь не предполагала отказа от демократических начал реорганизации системы местного самоуправления, провозглашенных в партийной программе. Напротив, в ее основе лежало представление о том, что "самая наличность, хотя бы и не совсем удовлетворительно организованных общественных сил облегчит и ускорит дело преобразования, усовершенствования раз проведенных в жизнь учреждений"[2]. Подобный контекст свидетельствует в пользу трактовки существовавшей среди кадетов в годы первой революции установки на введение в Сибири земства прежнего образца как своеобразного тактического маневра. Дополнительный смысл его виделся в том, что в случае осуществления проекта земских учреждений Государственная дума "в значительной степени развяжет себе руки для работ в области политических и социальных преобразований, передав массу работы на места и связав свою работу с местной"[3].

Однако после издания 3 июня 1907 г. нового избирательного закона, на фоне резкого изменения общественно-политической ситуации сибиряки стали скептически относиться к возможности реализации демократических принципов земской реформы. Проблема земства отныне воспринималась ими по преимуществу как проблема распространения на Сибирь существующего Положения 1890 г. с теми лишь изменениями, которые диктовались особенностями края[4].Происшедшую перемену в настроениях зафиксировал И.А.Малиновский: "В эпоху существования Государственной думы первого и второго созывов и сибирская печать, и сибирские избиратели, и сибирские депутаты оставались на точке зрения составителей земских проектов 1905 г.: обсуждался вопрос о наилучшем, желательном земстве ".После созыва III Государственной думы этот вопрос трансформировался в вопрос не о желательном, а о возможном при наступившей реакции земстве, "ибо лучше иметь какое-нибудь земство, чем не иметь никакого"[5].

---

[1] Сибирская заря. 1907. 8 июля.

[2] Сибирь. 1907. 3 марта.

[3] Там же.

[4] Некрасов Н.В. Письма о национальностях и областях ... С.104.

[5] Малиновский И.А. Накануне земства в Сибири ... С.301.

Важной составляющей программных требований сибирских кадетов по проблемам местного самоуправления являлась идея областной автономии. В общих чертах эта идея была сформулирована в официальной программе партии: "После установления прав гражданской свободы и правильного представительства с конституционными правами для всего российского государства должен быть открыт путь в порядке общегосударственного законодательства для установления местной автономии и областных представительных собраний, обладающих правом участия в законодательной власти по известным предметам, соответственно потребности населения"[1].

Само по себе наличие подобного пункта в общепартийной программе уже ставит под сомнение утвердившийся в качестве историографического стереотипа тезис о неприятии сибирскими кадетами идеи автономии региона, впервые заявленный М.Б.Шейнфельдом. Отмечая усиливавшееся сближение между кадетами и областниками в связи с отказом последних от последовательного сепаратизма в условиях расширения экономических связей между Европейской Россией и Сибирью и появления надежд на решение сибирских вопросов через Государственную думу, он полагал, что их продолжала разделять теория и программа сибирской автономии, полностью отвергавшаяся кадетами[2]. Это мнение разделяют и другие исследователи[3].

Программные документы местных отделов партии народной свободы, заявления их лидеров и публикации органов печати кадетского направления служат, на наш взгляд, доказательством неправомерности подобной точки зрения. В программе кадетской организации Томска указывалось: "Области, обособленные по языку, народности, географическому положению и историческому прошлому (а именно к числу таких отличавшихся спецификой условий областей местные кадеты относили Сибирь - О.Х.), должны получить областную автономию с местными представительными учреждениями"[4]. Аналогичное требование, несколько видоизмененное за счет подчеркнутого включения его в рамки общегосударственного законодательства, было сформулировано и в программе свободной народной партии в Красноярске: "Области, обособленные по языку, народности, географическому положению

---

[1] Полный сборник платформ ... С.62.

[2] Шейнфельд М.Б. Сибирское областничество и борьба с ним марксистов в периодической печати вгоды первой мировой войны // Из истории Сибири. Красноярск, 1969. Вып.1. С.11, 12, 20.

[3] См.: Толочко А.П. Политические партии и борьба за массы... С.118; Воронцова Л.Н. Проблема введения земства в Сибири и отношение к ней общественных группировок и политических партий в период первой российской революции // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1993. С.11.

[4] Программа томского отдела партии народной свободы... Л.31.

и историческому прошлому, имеют право на широкое областное самоуправление на началах общегосударственной конституции"[1].

Безусловно подобные формулировки допускают возможность их трактовки, как имеющих отношение исключительно к национальным регионам и не предполагающих поддержки со стороны кадетов областнической идеи автономии Сибири. Однако в так называемой "Местной программе, выработанной красноярским комитетом конституционно-демократической партии" однозначно заявлялось: "Необходимо стремиться к областной автономии Сибири"[2]. Эта идея проводилась и в редакционной статье томской газеты прокадетской ориентации "Сибирский вестник", где ставилась задача создания общесибирского областного представительного учреждения, избираемого всем населением Сибири. В его компетенцию должны были входить все отрасли государственного управления. Считая неизбежной эволюцию России в направлении "свободного государства", редакция высказывалась за предоставление Сибири, как его составной части, права на политическое самоопределение: "Тогда связью между нашей областью и другими областями российского народного государства будут служить государственные потребности, которые явятся общими для всех областей"[3].

Как и областники, кадеты в большинстве своем выступали за наделение местных органов власти законодательными функциями[4]. В программной статье редакции газеты красноярских кадетов "Голос Сибири" подчеркивалось: "Отдаленность Сибири от центра государственной жизни России, ее географические и этнографические особенности выдвигают на очередь вопрос о децентрализации законодательства для Сибири"[5].

Показательной в этом отношении была позиция одного из лидеров кадетов Сибири Н.В.Некрасова. В 1912 г. в работе "Письма о национальностях и областях. Культурные и политические проблемы Сибири" он отстаивал идею включения местного законодательства в компетенцию областных учреждений:"...один центральный парламент на всю гигантскую Россию органически не может уследить за местными потребностями всех частей государства. ...Действительная, планомерная работа над всеми подробностями культурной и экономической жизни такого обширного края, как Сибирь, не может быть осуществлена из центра; единственное целесообразное решение может быть построено на принципе широкой децентрализации, на выделении вопросов

---

[1] Программа свободной народной партии. Красноярск ... Л.1.

[2] Местная программа, выработанная красноярским комитетом...Л.1.

[3] Современное положение и предстоящая задача (ред. ст.) // Сибирский вестник. 1905. 6 ноября.

[4] Голос Сибири. 1905. 20 ноября; Сибирская жизнь. 1906. 12 апр.

[5] Голос Сибири. 1905. 20 ноября.

местного законодательства в сферу компетенции областных учреждений"[1]. При этом имелись в виду не "малокомпетентные губернские земские учреждения", а "более могущественная Областная дума", призванная разгрузить Государственную думу и Государственный Совет от "вермишельного законодательства" и обеспечить учет интересов окраины[2].

Требование децентрализации законодательства выдвигал Н.В.Некрасов и в прочитанной 22 сентября 1912 г. в Томске лекции "Сибирь и законодательные учреждения"[3]. Его заявление о том, что "государственно-правовой взгляд на областные вопросы, предвидящий их решение путем логического и последовательного проведения принципов децентрализации, делается почти общим для сибирской интеллигенции"[4], позволяет предполагать, что он был далеко не единственным представителем местных кадетов, защищавшим идею автономии края. Во всяком случае, сам Н.В.Некрасов был убежден, что большинство общественных деятелей региона воспринимают идею областной автономии Сибири как естественное развитие понятного и близкого для широких кругов населения лозунга равноправия Сибири[5].

Областническая окраска политических позиций местных кадетских организаций, обусловленная спецификой развития и статуса региона в России, создавала основу для их сближения с деятелями Сибирского областного союза. Существовала и практика одновременного членства в партии народной свободы и областнической организации. Так, в состав красноярского бюро Сибирского областного союза входили кадеты И.Е.Козлов, В.С.Кускова, В.П.Любимов, Б.Л.Роганович, А.А.Саввиных, В.Анучин, Н.Войцеховский, А.И.Чеканинский[6]. Видную роль в областничестве играли кадеты А.В.Витте, С.В.Востротин, В.А.Горохов, Е.Л.Зубашев, В.А.Караулов, В.В.Сапожников, В.М.Крутовский и др.[7] В свою очередь областники принимали активное участие в издании органов кадетской печати. А.В.Адрианов, Г.Гребенщиков, Г.Н.Потанин, П.В.Вологодский являлись сотрудниками газеты "Сибирская

---

[1] Некрасов Н.В. Письма о национальностях и областях ... С.111.

[2] Сибирская жизнь. 1912. 26 сент.

[3] См.: Сибирская жизнь. 1912. 26 сент.; 18 ноября.

[4] Сибирская жизнь. 1913. 19 окт.

[5] Некрасов Н.В. Письма о национальностях и областях ... С.113.

[6] Голос Сибири. 1905. 25 ноября.

[7] Донесение начальника Томского охранного отделения в Департамент полиции от 16 февраля 1906 г. //ГАРФ. Ф.102. Оп. 233 (1905, 11 отд.). Д.3.Ч.43.Л.69; Голос Сибири. 1905. 9 дек.; Шейнфельд М.Б. Сибирское областничество и борьба с ним ... С.8.

жизнь"[1]. Г.Н.Потанин сотрудничал и с редакцией газеты красноярских кадетов "Голос Сибири"[2].

По-видимому, не случайно газета "Сибирская жизнь" указывала на возможность слияния Сибирского союза и кадетских организаций в единую политическую партию[3]. Действительно, отдельные группы либерально настроенных областников встали на путь объединения и тесного сотрудничества с кадетами. В ноябре 1905 г. в Красноярске на заседании Областного союза в присутствии 37 из 127 его членов была принята программа "Свободной народной партии", под именем которой выступали местные кадеты[4]. Бюро томской кадетской организации и бюро Сибирского союза, собравшиеся в начале декабря 1905 г. на совместное заседание, постановили, что члены Союза при желании могут быть членами конституционно-демократической партии и наоборот[5].

Факт "двойного членства" объяснялся существенным сходством многих программных положений Союза и кадетских организаций. В "Основных положениях Сибирского областного союза"[6], как и в программе конституционно-демократической партии, провозглашалась задача созыва Государственной думы на основе всеобщих, прямых, равных и тайных выборов и создания ответственного перед Думой министерства. Общими для обеих программ являлись положения о придании народному представительству законодательных функций, права установления росписи налогов и займов, контроля над администрацией; требования буржуазно-демократических свобод. Совпадали в целом их установки в области экономики и по вопросу о местном самоуправлении. Обращает на себя внимание и единство практических требований кадетов и областников (введение в Сибири земства, суда присяжных, ликвидация уголовной ссылки и пр.)[7].

В числе факторов, способствовавших сближению кадетов и областников, специалисты по проблемам областничества отмечают прежде всего общее видение предпочтительного для России варианта реформ в духе буржуазного парламентаризма и отказ областников от последовательного сепаратизма[8].

---

[1] Сибирская жизнь. 1911. 29 апр.

[2] Голос Сибири. 1905. 20 ноября.

[3] Сибирская жизнь. 1905. 19 ноября.

[4] Сибирский вестник. 1905. 18 ноября.

[5] Кудряшев Э.Г. Указ. раб. С.61.

[6] Основные положения Сибирского областного союза //ГАРФ. Ф.518. Оп.1.,д39. Л.13-14; Сибирский листок. 1905. 23 окт.

[7] См.: Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX - начало XX вв.).Красноярск, 1973. С.171-173.

[8] См.: Шейнфельд М.Б. Сибирское областничество и борьба с ним ... С.9, 11, 12, 20; Он же. Историография Сибири... С.171-173; Он же. Проблема ис-

Основное внимание при этом уделяется анализу внутренней эволюции областничества, обусловившей сотрудничество его идеологов с представителями кадетской оппозиции. Такой подход, продиктованный спецификой исследовательских интересов, безусловно правомерен, но он оставляет за скобками исторического познания проблему трансформации областнических воззрений в рамках идеологии неолиберализма. В результате складывается упрощенное представление о механическом включении требований и лозунгов областничества в идейный арсенал местных кадетов, руководствовавшихся при этом якобы прежде всего тактическими соображениями.

Традиция объяснения использования областнических идей сибирскими кадетами исключительно прагматическими, своекорыстными мотивами последних восходит к публикациям местных социал-демократов начала XX в., которые много внимания уделяли разоблачению узкоклассовой сущности конституционно-демократической партии, прикрываемой флером защиты "общих интересов окраины". Между тем следует учитывать, что стремление обеспечивать компромисс между различными социальными слоями, является неотъемлемой чертой либерализма вообще. В этом отношении требование создания Областной думы действительно приобретало для кадетов не только программное, но и тактическое звучание, поскольку рассматривалось как возможная идейная основа для соглашения между различными потоками оппозиционного движения в интересах общественного переустройства России, как "особый стимул", позволяющий сделать общедемократическую борьбу за конституционные права более понятной и притягательной для местного населения. Признание того, что "лозунг областничества чрезвычайно ярок и способен объединить вокруг себя многих", служило кадетам основанием для вывода о необходимости создания областнического союза как "легальной объединяющей демократические элементы Сибири организации с сохранением их политических особенностей", прообразом которой должна была служить сибирская парламентская группа[1].

Стремление обеспечить компромисс различных политических сил во имя интересов конституционного развития, сомкнувшись с искренней убежденностью в специфике условий Сибири, а также с осознанием невозможности централизованного управления в государстве с огромной территорией и социо-

---

тории Сибири в областничестве в начале XX века // Из истории Сибири. Красноярск, 1970. Вып.3. С.63; Шиловский М.В. Взаимоотношения сибирских областников с эсерами и кадетами в годы первой русской революции // Некоторые вопросы истории древней и современной Сибири. Новосибирск, 1976. С.53; Жадан Л.А. Из общественно-политической деятельности сибирского областничества в 1907-1917 гг. // Из истории буржуазии в России. Томск, 1982. С.129-132.

[1] Сибирская жизнь. 1912. 30 дек.

культурной разобщенностью населения, послужило одним из оснований идейной общности местных кадетов с областниками. К тому же, как отмечалось выше, требования областного самоуправления и областной автономии были включены в программные документы партии народной свободы. Поэтому, очевидно, нецелесообразно считать обращение кадетов к областнической фразеологии лишь ловким маневром с целью введения масс в заблуждение относительно классовой сущности позиций своей партии. Более того, необходимость адаптации теоретического наследия областников к определяющим ценностным ориентирам мировоззренческой парадигмы неолиберализма обусловила и некоторую его корректировку со стороны лидеров сибирских кадетов.

Альфой и омегой либеральной доктрины во всех проявлениях было признание самоценности человеческой личности и приоритета ее интересов. Естественно, что именно этот тезис кадеты считали для себя исходным при определении отношения к областничеству. В печатном органе иркутских либералов, газете "Восточное обозрение", отмечалось "Областнические вопросы могут ... иметь значение лишь постольку, поскольку решение их стоит в связи с основными проблемами о создании надлежащих условий для развития совершенной, многогранной личности, но не более"[1]. В свою очередь обеспечение оптимальных условий для реализации личностных возможностей кадеты связывали с реформированием государственного строя на основе конституционных принципов. Поэтому и областнические по звучанию требования они сверяли с конституционными идеалами. Это кредо неолиберализма было сформулировано в выступлении на заседании III Государственной думы в ноябре 1909 г. одного из лидеров местных кадетов В.А.Караулова, которого сибирская парламентская группа уполномочила сделать заявление во время прений о местном суде. Обосновывая необходимость реформирования судов в Сибири "во имя не только сибирских интересов, но и во имя интересов империи", он подчеркнул:"...для меня, как для конституционалиста, первым условием государственного бытия является равенство всех перед законом и в политических правах. И где такого равенства нет, где есть народы-парии, там нет конституционного строя"[2]. В этой связи вполне естественным с точки зрения внутренней логики неолиберальной доктрины выглядит смещение акцентов с социально-экономической проблематики, занимавшей центральное место в областничестве, на вопросы политического равноправия Сибири и Европейской России.

В статье "Сибирские проблемы в Государственной думе", опубликованной в газете "Сибирская жизнь" в ноябре 1912 г., Г.Н.Потанин, определяя круг вопросов, питающих жизненную силу областничества в новых условиях,

---

[1] Восточное обозрение. 1905. 3 июня.

[2] Речь. 1909. 7 ноября.

включил в него вопрос о порто-франко, о челябинском переломе железнодорожного тарифа, о правах области на участие в составлении плана железнодорожной сети, переселенческий вопрос и т.п. Перспективы областнического движения, таким образом, он по-прежнему связывал в первую очередь со спецификой экономического развития Сибири[1]. Кадеты тоже осознавали значимость социально-экономических проблем и считали необходимым предлагать свой вариант их решения. Однако они высказывали серьезные сомнения по поводу возможности "построить областническую программу на указанном Г.Потаниным комплексе чисто экономических вопросов", поскольку "в обществе, разбитом на классы, именно экономические интересы вносят борьбу и разъединение и мешают области выступить как единое целое"[2].

Специалист в области финансового права М.И.Боголепов, являвшийся одним из лидеров томской кадетской организации, признавая наличие специфической "окраинной политики" по отношению к Сибири, лишенной значительной части публично-правовых учреждений, вместе с тем подчеркивал:"... вся страна истощается одной и той же финансовой политикой, направленной во вред народным интересам".Основную причину оскудения, равномерно охватывавшего и "центр", и окраины, профессор усматривал в усилении централизации управления. В развитие выдвинутого им тезиса "без хорошего управления невозможно иметь хорошие, здоровые финансы" М.И.Боголепов надежды на изменение финансовой политики связывал с народным представительством в России, с совместными действиями народных представителей из Сибири и центральной России по борьбе с фискальным произволом[3].

Такое смещение акцентов с решения собственно экономических проблем на задачи создания новой государственно-правовой организации заставляло даже тех лидеров кадетов, которые с большой симпатией относились к областничеству и считали необходимым использование его лозунгов в своем идейном арсенале, подчеркнуто дистанцироваться от областничества традиционного образца. Выступая 22 сентября 1912 г. в Томске с лекцией "Сибирь и законодательные учреждения", Н.В.Некрасов заявил: "Областничество в той его форме, как это представлялось духовным отцам областнической идеи, теперь потеряло реальные основания. ... Экономические отношения нашего времени свидетельствуют о противоречивости интересов отдельных областей. Теперь говорить о Сибири, как о цельной, однородной области, не приходится. Но ... интересы Сибири диктуют децентрализацию законодательства ... Поэтому лозунгом Сибири должен быть: "Местные дела - местным людям"[4].

---

[1] Сибирская жизнь. 1912. 18 ноября.

[2] Восточное обозрение. 1905. 10 авг.

[3] Боголепов М.И. Финансовые отношения Сибири и Европейской России . Б.м., б.г. С.3, 6, 17, 18.

[4] Сибирская жизнь. 1912. 26 сент.

Фиксация противоречивости интересов отдельных областей региона на фоне его общих бытовых особенностей побудила Н.В.Некрасова предусмотреть наряду с созданием областной сибирской думы, объединяющей представителей всей Сибири от Урала до Тихого океана, возможность иного пути реализации автономистской идеи. "...для Сибири может оказаться более целесообразным образование не одной, а нескольких областных дум, - писал он. - ... права отдельных национальностей на широкое культурное самоопределение могут и должны быть при этом ограждены органическим законом"[1]. При этом предполагалось, что "интересы отдельных инородческих племен должны найти себе удовлетворение в организации для них специальных учреждений, снабженных ограниченной законодательной властью сравнительно с общесибирской думой"[2]. Иными словами, Н.В.Некрасов предусматривал своеобразное сочетание национального и административно-территориального принципов государственного устройства, не отказываясь при этом от поддержки требований "автономистов" во главе с Г.Н.Потаниным, от идеи областной автономии Сибири.

Таким образом, в рамках доктрины неолиберализма приоритетное звучание приобрели проблемы политического переустройства вообще и проблемы политического равноправия Сибири с Европейской Россией, в частности. "Не какие-нибудь специальные привилегии или особое законодательство нужны в ближайшем будущем Сибири, - подчеркивал Н.В.Некрасов, - ей прежде всего нужно получить те элементарные основы гражданственности, которыми пользуется центральная Россия ..."[3] Требование политического равноправия Сибири с Европейской Россией, с его точки зрения, диктовалось "здоровой идеей государственности", поскольку "нет более разлагающей государство политики, как политика предпочтения одной части государства перед другой"[4]. Апелляция политического лидера кадетов к идее государственности не была случайной. С одной стороны, она выглядит как своего рода символ продолжения традиций классического российского либерализма, большинство представителей которого являлись государственниками. С другой стороны, государственнический подход к решению региональных проблем стал одним из симптомов корректировки областнических идей в доктрине неолиберализма. Общегосударственные интересы сохраняли для сибирских кадетов приоритетное значение. Они заявляли: "В первую очередь мы ставим общеполитические вопросы, от которых зависит правильное течение русской жизни вообще, во вторую очередь - сибирские вопросы"[5].

---

[1] Некрасов Н.В. Письма о национальностях и областях ... С.113.

[2] Там же. С.112.

[3] Там же. С.108.

[4] Сибирская жизнь. 1912. 26 сент.

[5] Сибирская жизнь. 1907. 29 сент.

Проявлением государственнического подхода кадетов было избрание ими в качестве ведущего аргумента в обосновании идеи областной автономии тезиса о соответствии ее реализации общегосударственным интересам. Н.В.Некрасов, в частности, писал: "Пора государству, в лице его руководящих органов, понять, что культурная и экономически сильная Сибирь нужна прежде всего России в целом, что в грядущем столкновении на востоке двух культур, безразлично - мирном или вооруженном, Сибири естественно предстоит деятельнейшее участие. Можно сколько угодно усиливать внешнюю вооруженную мощь России на востоке, - все усилия пропадут даром, если за спиною войск не будет стоять все население края, сильное сознанием своей связи с государством и своих гражданских прав и обязанностей"[1]. Редакция газеты красноярских кадетов "Голос Сибири", выдвигая требование автономии областей и ставя своей задачей теоретическое обоснование областничества, также подчеркивала необходимость согласования интересов провинции, ее населения с интересами всего государства[2]. Примечательно, что, констатируя приверженность большинства сибирской интеллигенции принципам децентрализации в решении областных вопросов, Н.В.Некрасов характеризовал ее представления как государственно-правовые[3].

Вполне естественно в этой связи, что кадеты с негодованием отвергали обвинения в политическом сепаратизме, понимая таковой как стремление к отделению части государства от целого. Выступая на заседании Государственной думы в марте 1909 г., В.А.Караулов по поручению сибирской группы заявил: "Мы не заражены никаким сепаратизмом. Сибирское население и его представители в Думе мыслят о Сибири как о нераздельной части Российской империи, и потому не могут допустить даже противопоставления общегосударственных интересов интересам сибирским"[4]. Не считали кадеты достаточным поводом для того, чтобы подозревать их в политическом сепаратизме, и выдвижение требования региональной автономии. Газета "Голос Сибири" подчеркивала:"...не об отторжении от общего государства - России, хлопочут лучшие представители окраин, а об усилении империи поднятием местного благосостояния всеми силами своих свободных граждан"[5]. Н.В.Некрасов так разъяснял свою позицию в вопросе о сибирской автономии: "Существующие требования областников отнюдь не направлены против государственного единства ... Для меня автономия Сибири есть один из крупных шагов к правильному разрешению всей государственной проблемы России, как государства, по своим размерам и составу не допускающего централизованного

---

[1] Некрасов Н.В. Письма о национальностях и областях ... С.108.

[2] Голос Сибири. 1905. 20 ноября.

[3] См.: Сибирская жизнь. 1913. 19 окт.

[4] Речь. 1909. 13 марта.

[5] Голос Сибири. 1905. 24 ноября.

управления"[1]. Поэтому кадеты трактовали идею сибирской автономии лишь как требование экономической независимости региона и его права на культурное самоопределение[2].

В целом же подчеркнуто государственнический подход в интерпретации идей областничества и смещение центра тяжести при их использовании с социально-экономической на политическую проблематику свидетельствуют о творческом отношении кадетов к теоретическому наследию областников и определенной его корректировке, вызванной спецификой неолиберального видения реалий и перспектив развития России. Это обстоятельство не позволяет, на наш взгляд, считать наметившееся и ставшее к 1917 г. совершенно очевидным идейное сближение сибирских кадетов с областниками основанием для полного отождествления их позиций.

Несостоятельность подобного подхода справедливо отмечалась и многими исследователями областничества, констатировавшими социально-политическую и идейную неоднородность самого областничества. Вместе с тем усиливавшееся в начале XX в звучание либеральных мотивов в областнической идеологии однозначно трактуется в историографии как показатель эволюции областничества именно в направлении буржуазного либерализма. Этот не вызывающий в целом возражений тезис, по-видимому, нуждается все же в уточнении в связи с необходимостью дифференциации самого понятия "буржуазный либерализм". Создание конституционно-демократической партии и "Союза 17 октября" придало организационные очертания расколу в либеральном направлении общественной мысли и политического движения, проведя четкую демаркационную линию между левым (радикальным) и правым (консервативным) флангом либерализма.

Одним из основных принципов государственного устройства, провозглашавшихся в программных документах сибирских октябристов в соответствии с общепартийной программой, являлся принцип единства и неделимости России. Отвергая кадетские требования автономии и культурного самоопределения, октябристы признавали лишь необходимость предоставления окраинам прав на широкое местное самоуправление[3]. При этом "удовлетворению нужд отдельных местностей" ставились жесткие границы, определявшиеся устройством и целями государства, как политического целого. Выступая на первом общем собрании томского отдела "Союза 17 октября", профессор

---

[1] Сибирская жизнь. 1912. 25 сент.

[2] Там же.

[3] Томский отдел "Союза 17 октября". Партия свободы и порядка. Программа, принятая учредительным собранием партии в заседании 14 декабря 1905 г. // Сибирские известия. 1905. 20 дек.; Программа тобольского отделения партии центра, утвержденная постановлениями общих собраний от 20 и 21 ноября 1905 г. // Родной голос. 1906 18 янв.; Время. 1906. 16 апр.

И.Г.Табашников подчеркивал: "Как бы свободно и широко ни было наше будущее самоуправление, оно однако не должно явно переступить пределы политического единения со всем русским государством и не должно вести ни к политической самостоятельности, ни к федерации"[1].

Естественно, что для представителей консервативного направления в буржуазном либерализме, твердо отстаивавших преимущества унитарной модели государственного устройства, идеи областничества были лишены какой-либо привлекательности. Более того, они выглядели чрезвычайно вредными и опасными как для России, так и для Сибири, поскольку, по мнению октябристов, не допускали возможность согласования интересов центра и региона. Подчеркивая, что Сибирь не может представлять собой единой самоуправляющейся окраины в силу разнообразия отдельных ее районов в естественном, этнографическом и экономическом отношении, томский отдел "Союза 17 октября" предлагал организацию самоуправления в местных губерниях и областях на принципах подзаконности, по типу земского и городского самоуправления, усовершенствованного в организации и расширенного в задачах сообразно требованиям жизни и свободного от административной опеки[2].

Негативное отношение представителей консервативного либерализма к областничеству и очевидная контрастность суждений о принципах создания местного самоуправления октябристов, с одной стороны, и областников, с другой, не оставляют сомнений по поводу того, что "правая ниша" в буржуазном либерализме была для последних полностью закрыта. Это обстоятельство не позволяет принимать без оговорок тезис о полном соответствии областничества интересам торгово-промышленных буржуазных слоев и служит опровержением утверждения И.Г.Мосиной о слиянии областников в Сибири с первых дней революции с октябристской буржуазией[3]. Незаинтересованность последней в предоставлении краю областной автономии, будучи отражением политического требования единства и неделимости России, являлась вместе с тем следствием опасений по поводу возможного нарушения экономического обмена с Европейской Россией. К тому же в критике позиций областников октябристы исходили и из тактических соображений, выдвигая контрдоводы в пику поддерживавшим областнические идеи кадетам.

Отношение к идеологии и практическим требованиям областничества являлось не единственным и, пожалуй, не самым значимым основанием для дифференциации политических позиций кадетов и октябристов. Придавая

---

[1] Речь профессора И.Г.Табашникова, читанная в первом общем собрании томского отдела "Союза 17 октября" // Время. 1906. 24 янв.

[2] Время. 1906. 12 марта.

[3] См.: Мосина И.Г. К вопросу о возникновении кадетских организаций в Сибири ... С.117; Она же. Формирование буржуазии в политическую силу ... С.86.

этой дифференциации специфический местный колорит, оно лишь усиливало различия, присущие программным установкам партии народной свободы и "Союза 17 октября".

Придерживаясь в целом общепартийной программы, октябристы в Сибири, как и кадеты, вносили в свои программные документы, воззвания, статьи необходимые, на их взгляд, уточнения, пояснения, дополнения и даже некоторые коррективы.

Отправным пунктом в определении позиций по вопросам политической организации общества для местных отделов "Союза 17 октября" стало полное признание и одобрение Манифеста 17 октября. "Положение, созданное Манифестом 17 октября 1905 г. - заявляли омские октябристы в воззвании "К мирным гражданам", - дает возможность приступить к осуществлению конституционной жизни с тем, чтобы дальнейшее ее развитие и совершенствование достигалось путем мирной борьбы мнений и авторитетом народного представительства"[1]. В программе томского отдела "Союза 17 октября" констатировалось: "Манифест 17 октября вполне и окончательно установил главные основания государственной реформы, осуществляющей в России начала законности и свободы - конституционный строй"[2]. В унисон октябристам Томска их тобольские единомышленники в своей программе подчеркивали: "Конституционное устройство Российского государства определяется на началах, возвещенных Манифестом 17 октября"[3]. Тех же позиций придерживались и деятели красноярского "Союза мира и порядка"[4].

Оценивая положения Манифеста 17 октября , как вполне соответствующие их собственному видению наиболее приемлемой для России политической организации общества, октябристы выражали сожаление лишь по поводу того, что это "сильнодействующее" и правильное лекарство дано стране императором позже, чем следовало. "Нет сомнения, что если бы учреждение государственной думы было объявлено четвертью века раньше, - отмечал председатель бюро томского отдела "Союза 17 октября" Н.Ф.Кащенко, - то манифест 17 октября совершенно удовлетворил бы желаниям самой либеральной части русского общества, а очень возможно, что даже манифест 6-го августа успокоил бы русский народ на долгое время и сделал бы дальнейший ход реформы более постепенным и мирным"[5]. Подобная реплика свидетельствует о том, что реорганизация политической системы рассматривалась либералами правого фланга не как самоцель или же своеобразный политический

---

[1] Голос степи. 1907. 13 янв.

[2] Томский отдел "Союза 17 октября" ... Программа...

[3] Программа тобольского отделения партии центра ...

[4] Время. 1906. 16 апр.

[5] Кащенко Н. Политический кризис. Томский отдел Союза 17 октября // Время. 1906. 1 янв.

плацдарм для реализации индивидуалистических ценностей, а прежде всего как средство "успокоения" общества[1]. Поэтому-то Н.Кащенко, рекомендуя настойчиво применять "запоздавшее лекарство" и "принимать дополнительные меры для облегчения тягостных побочных проявлений болезни", ставил перед коллегами по партии двуединую задачу: "С одной стороны, проводить в жизнь предначертания манифеста 17 октября, а с другой - содействовать успокоению России, смягчая разрушительные для нее явления переходного времени"[2].

В целом же сибирские октябристы разделяли доминировавшее в партии представление о монархии как воплощении великой русской исторической традиции, единственно способной осуществить обновление Отечества[3]. Придерживавшийся крайне правого фланга в томском отделе "Союза 17 октября" А.И.Ефимов считал, что начало самодержавной власти, являясь "фактом основным, имеющим глубокие корни и в истории, и в умах народа", само по себе не исключает ни широкого самоуправления, ни свобод и достоинства личности, ни введения общественных элементов в законодательные, судебные и административные установления. По его мнению, это начало служило гарантией целости и спокойствия государства. Будучи терзаем опасениями по поводу возможности неожиданных катастроф вследствие начавшегося на конституционной почве движения или же борьбы партий, профессор технологического института выражал твердое желание "в дальнейшем развитии русской жизни держаться родной почвы, не считая решением дела выписку и ... осуществление оснований какой-нибудь из действующих иностранных конституций"[4].

Впрочем, столь категоричное отторжение каких бы то ни было новаций в решении вопроса о форме правления было присуще далеко не всем местным октябристам. В принятой на собрании 18 декабря 1905 г. программе Временной Либерально-конституционной партии в Верхнеудинске, придерживавшейся прооктябристской ориентации, пояснялось, что либерализм партии проявляется в ее способности "чутко относиться ко всем политическим идеям, научно обоснованным и применение коих мыслимо без задержки или внезапной пертурбации нормального поступательного развития государственно-

---

[1] Взгляды октябристов органично вписывались в парадигму классического российского либерализма, в рамках которой приоритетное значение имели социальная стабильность и гражданские свободы, а свобода политическая рассматривалась как логическое продолжение последних при наличии зрелого гражданского общества.

[2] Кащенко Н. Политический кризис...

[3] См.: Леонтович В.В. Указ. соч. С 481.

[4] Записка А.И .Ефимова // ГАРФ. Ф.102. 1907. 4 д-во. Д.77. Ч.5. Т.2. Л.4.

сти, без ненужного, как поныне, исторического трагизма"[1]. В таком контексте вполне логичными выглядели и неприятие членами партии самодержавного строя ("как силою вещей, так и волею Государя, навсегда упраздненного"), и их убежденность в неприемлемости для России республики. Конституционная монархия и единение царя с народом, провозглашенные главными целями "Союза 17 октября" в основных тезисах программы, являлись для либералов-конституционалистов Верхнеудинска воплощением идеала политической организации общества[2].

Томское бюро "Союза 17 октября", определяя основные принципы своей деятельности, однозначно заявило: "Желание партии - конституционная монархия при политической целости и единстве государства и при широком местном самоуправлении." Комментарии, с которыми по этому поводу выступил на первом общем собрании местной октябристской организации И.Г.Табашников, содержали аргументацию провозглашенного тезиса. Он, в частности, указывал: "Не должно быть никакого сомнения, что во главе государства должен стоять наследственный монарх, власть коего должны разделять собрание уполномоченных представителей народа и Государственный совет. Всякая иная форма правления не соответствовала бы ни историческим судьбам нашего государства, ни действительному желанию наибольшей массы нашего населения"[3]. Отказ от подобной модели политического устройства был бы равносилен, по мнению профессора, попранию интересов этой массы, лишению ее "всякой точки опоры в делах политического характера и ... способности политического самоопределения во всех серьезных случаях". При такой ситуации И.Г.Табашников не исключал возможности использования народом вооруженной силы "для возврата себе излюбленного идеала". Основным же доводом в пользу конституционной монархии, провозглашенной Манифестом 17 октября, октябристы считали то обстоятельство, что она "не будет казаться нашему простонародию насильственно навязанною извне, ибо сам Царь торжественно возвестил всему своему государству, что он признал эту форму правления наиболее успешно ведущею русский народ к благополучию и процветанию"[4].

В развернутом виде октябристский идеал конституционной монархии был представлен в программных тезисах красноярского "Союза мира и порядка": "Государством управляют сообща Царь и Государственная Дума. Выборные от всей земли русской в Думе высказывают народные желания, издают с согласия Царя нужные народу законы и отдают под суд министров и чиновни-

---

[1] Программа Временной Либерально-конституционной партии в Верхнеудинске // Верхнеудинская конституционная газета. 1906. 20 янв.

[2] Там же.

[3] Речь профессора И.Г.Табашникова ...

[4] Там же.

ков, нарушающих закон. Государь назначает и увольняет министров и чиновников и командует войсками"[1]. Очевидно, что орган народного представительства воспринимался октябристами Красноярска не столько как некий ограничитель воли и полномочий монарха, сколько как средство доведения до Царя "гласа народного" и преодоления бюрократического заслона на пути единения монарха с народом. Не случайно их программа предусматривала и сокращение числа чиновников[2].

Несколько иначе оценивали предназначение Государственной думы деятели тобольского отделения партии центра. Программные положения отделения, определявшие круг полномочий народного представительства, были позаимствованы из программы кадетской партии. Сохранили "центристы" и кадетскую формулировку требования ответственности министерства перед собранием народных представителей[3]. Требование ответственного министерства включили в свою программу и октябристы Томска, не уточнив однако при этом, перед кем именно должны нести ответственность за свою деятельность министры - перед Государственной думой или же только перед монархом[4].

Позиции сибирских октябристов в вопросе о принципах избирательного права, на основе которого предполагалось создавать народное представительство, отличались неопределенностью. Если общепартийная программа "Союза 17 октября" предусматривала "общее" избирательное право и октябристы центра объявили себя сторонниками всеобщего, равного и тайного голосования, то пожелания, зафиксированные в программных документах местных отделов, выглядели более осторожными и умеренными. Так, красноярский "Союз мира и порядка" ограничился фразой о представительстве в Думе "выборных от всей земли русской"[5]. Программа тобольского отделения партии центра включала столь же расплывчатое положение: "Государственная Дума должна состоять из представителей всех групп населения (труда)"[6]. Формулировки подобного рода при всем их кажущемся демократизме не обязывали ни красноярских "союзников", ни тобольских "центристов" поддерживать принцип всеобщего, равного и тайного избрания народных представителей.

Более определенно высказались по этому поводу октябристы Томска. Программа местной организации провозглашала право всех граждан, без различия национальностей и вероисповедания, на избрание народных представителей, однако в то же время намечались возрастные, половые ограничения

---

[1] Время. 1906. 16 апр.

[2] Там же.

[3] Программа тобольского отделения партии центра...

[4] Томский отдел "Союза 17 октября" ... Программа ...

[5] Время. 1906. 16 апр.

[6] Программа тобольского отделения партии центра ...

этого права, а также ограничения судебным приговором и "исключительными случаями, предусмотренными основными законами страны"[1]. К тому же, высказавшись в программе, принятой в конце декабря 1905 г., в поддержку общепартийного требования "общего" избирательного права, октябристы Томска уже в январе 1906 г. внесли в него коррективы. В составленном бюро местного отдела документе, излагавшем общие принципы деятельности "Союза", указывалось: "Партия не может ... допустить прямой и тайной подачи голосов при современных условиях"[2]. В редакционной статье газеты "Время" пояснялось, что "Союз 17 октября" отбрасывает в четырехчленной формуле всеобщего избирательного права два последних члена, т.е. прямую и тайную подачу голосов, "как неприменимые в России при данных условиях весьма недостаточной грамотности и сколько-нибудь зрелого политического развития в массе народа, могущего стать орудием в руках вожаков политических партий"[3]. Подобная мотивировка была выдержана в духе классической аргументации отечественных консерваторов, высказывавших и в середине XIX в. опасения по поводу возможности превращения массы в случае реализации системы народовластия в жертву своекорыстных манипуляций вождей партий[4].

В целом октябристы считали возможным удовлетвориться санкционированным официальными законодательными актами порядком учреждения Государственной думы, как открывающим возможности для реализации их программных установок. В отличие от партии народной свободы, представители левого фланга которой в период революционного подъема отдали дань увлечения лозунгу Учредительного собрания, октябристы держались единым фронтом в неприятии этой идеи как "опасной и гибельной для интересов русского народа". Их пиетет перед монархией, предполагавший конституционализм лишь как противовес бюрократическому абсолютизму и средство обеспечения единения монарха с народом, не позволял согласиться с созывом представительного органа, не связанного основными законами страны и уполномоченного к составлению таковых. Так, томское бюро "Союза 17 октября" категорично заявляло: "Партия совершенно не допускает возможности созыва Учредительного собрания вместо Государственной Думы, а равно превращения Государственной Думы в Учредительное Собрание"[5].

---

[1] Томский отдел "Союза 17 октября" ... Программа ...

[2] Время. 1906. 24 янв.

[3] Время. 1906. 21 апр.

[4] Примером может служить позиция идеолога курса контрреформ правительства Александра II - К.П.Победоносцева .См.: Полунов А.Ю. Политическая индивидуальность К.П.Победоносцева // Вестник Моск. ун-та. Сер.8. 1991. № 2.

[5] Время. 1906. 24 янв.

В наибольшей степени либерализм политических позиций октябристов проявился, пожалуй, в установках по вопросу обеспечения населению гражданских прав. В их программных документах в соответствии с общепартийной программой провозглашались свобода вероисповедания, совести, слова, союзов, собраний, неприкосновенность личности и имущества [1]. Тобольское отделение партии центра даже сочло возможным полностью включить в свою программу раздел "Основные права граждан" из программы конституционно-демократической партии[2].

Вместе с тем, будучи сторонниками твердого правового порядка и законности, октябристы предусматривали ограничения в осуществлении гражданских свобод в тех случаях, "когда оно представляет собой нарушение уголовного закона"[3]. Приоритет закона в сфере гражданского общества был четко зафиксирован в тезисах красноярского "Союза мира и порядка": "Все должно делаться по закону и закон должен быть одинаков для всех бедных и богатых, знатных и незнатных." В соответствии с такими представлениями октябристы выдвигали требование "одинакового для всех, беспристрастного, скорого, правого и милостивого" суда при выборности мировых судей[4].

Судебная реформа рассматривалась и как важная составляющая общего процесса реорганизации административного строя. Решение ставившихся октябристами задач введения бессословного суда, расширения компетенции суда присяжных и организации этого суда в тех местах, где его еще нет, должно было стать важной предпосылкой осуществления намечавшейся ими административной реформы. Последняя предполагала не только упрощение административного строя, но и подчинение его деятельности строгим нормам закона, с установлением как доступного всем способа обжалования распоряжений и действий административных властей, так и порядка строгой ответственности, уголовной и гражданской, за нарушение этими властями установленных законов и прав частных лиц"[5].

В программных установках ряда сибирских октябристских организаций можно уловить и некий специфический оттенок, проявлявшийся в подчеркнутой апелляции к традиционалистским нравственным началам русского общественного сознания. Так, красноярский "Союз мира и порядка", выступая за предоставление свободы всем религиям, тем не менее оговаривал в своих тезисах, что "господствующей считается церковь православная, она одна имеет право учреждать миссии". В числе задач школьного образования красноярцы

---

[1] Томский отдел "Союза 17 октября" ... Программа...; Время. 1906. 16 апр.

[2] Программа тобольского отделения партии центра ...

[3] Томский отдел "Союза 17 октября" ... Программа ...

[4] Время. 1906. 16 апр.

[5] Обращение к избирателям I Государственной Думы томского отдела "Союза 17 октября" //Время, 1906. 6 мая.

называли развитие любви к Отечеству и веры в Бога[1]. В свою очередь, Либерально-конституционная партия в Верхнеудинске в программном заявлении зафиксировала признание "для настоящего положения вещей и для верного ... поступательного движения единственно желательным рычагом просвещения, разума и сознательно твердых нравственных устоев"[2].

По-видимому, акцент на нравственные ценности и созвучное им просветительство в программных установках октябристов был не случаен. Он определялся своеобразным пониманием и трактовкой представителями консервативного либерализма причин общественного кризиса. Выступая в январе 1906 г. на собрании томского отдела "Союза 17 октября", член бюро Челышев заявил, что коренная причина "современных неурядиц, болезни государственного организма" заключается в "ненадлежащей постановке народного образования, деятелями которого являются люди, чуждые народу, его стремлениям и идеалам, в искусственно созданном разъединении народа с церковью и, главным образом, в том всепожирающем пьянстве, которому, к сожалению, покровительствует правительство, приводя народ к вырождению, к физическому, моральному и экономическому умиранию"[3]. Судя по тому, что речь Челышева была встречена дружными аплодисментами собравшихся, подобные представления разделяли многие. В том же тоне было выдержано и выступление профессора Н.Ф.Кащенко на этом собрании[4].

Настроения такого рода имели аналог в речах лидера правого фланга октябристской партии Д.Н.Шипова на первом всероссийском съезде "Союза 17 октября". Специфику позиций октябристов по сравнению с левыми партиями он усматривал в признании нравственного начала, правды и любви основой реформ наряду с принципом свободы. В.В.Леонтович квалифицировал заявления Д.Н.Шипова по этому поводу как свидетельство родства между принципами октябристов и христианских демократов и сформулировал гипотезу о потенциальных возможностях трансформации "Союза 17 октября" в православную христианско-демократическую партию[5]. Вероятно, такая версия перспектив эволюции "Союза" имеет под собой определенные основания, хотя и представляется небесспорной. Во-первых, вызывает сомнения правомерность ее в отношении всей октябристской партии, отнюдь не отличавшейся организационной сплоченностью и единством позиций своих членов. Во-вторых, акцентированная ориентация на нравственные ценности, в числе которых на

---

[1] Время. 1906. 16 апр.

[2] Верхнеудинская конституционная газета. 1906. 21 янв.

[3] Первое общее собрание членов томского отдела "Союза 17 октября" // Время. 1906. 17 янв.

[4] Кащенко Н.Ф. О патриотизме. Речь, читанная в первом общем собрании томского отдела "Союза 17 октября" // Время. 1906.19 янв.

[5] Леонтович В.В. Указ. соч. С. 481-482.

первое место выдвигались любовь к "единой и неделимой" России и приоритетное значение православной религии, создавали, на наш взгляд, своеобразный фундамент для зарождения в рядах октябристов правого патриотического течения. Последнее имело гораздо больше шансов для идейного сближения с черносотенцами, взявшими на вооружение "теорию официальной народности", чем для эволюции в христианско-демократическом направлении.

Подтверждением этого предположения может служить сценарий идейного и политического "самоопределения" адептов нравственных начал, обозначившийся в практике октябристской организации Томска. Суть его можно обозначить как "дрейф в сторону черносотенства". После роспуска I Государственной думы от томского отдела "Союза 17 октября" отделилась группа лиц, считавших программу октябристов "левой". Эта группа образовала "Русское народное общество за Веру, Царя и Отечество", которое 12 сентября 1906 г. было утверждено губернской администрацией[1]. Основными программными принципами общества провозглашались первенствующее значение русской народности в государстве, привилегированное положение православной церкви, самодержавие[2].

Примечательно, что сохранившие верность своей партии октябристы сразу же проявили стремление дистанцироваться от "раскольников". Рассчитывая, по-видимому, перевербовать членов томского отдела "Союза 17 октября", учредители нового общества предоставили им право присутствовать 27 декабря 1906 г. на торжественном открытии общества. Однако руководители октябристской организации, в свою очередь, решив сорвать замысел бывших собратьев по партии, назначили собрание организации в тот же день и час и обратились в объявлении к ее членам с просьбой "ввиду важности вопросов пожаловать в возможно большем числе"[3].

Не допустили октябристы и подчинения своего печатного органа влиянию вновь образовавшегося общества. На общем собрании пайщиков газеты "Время" в декабре 1906 г. большинство выразило протест против попыток редакторов А.И.Ефимова и Н.В.Миницкого, участвовавших в создании "Русского народного общества", проводить в газете его линию. А.И.Ефимов и Н.В.Миницкий были вынуждены отказаться от редактирования. В знак солидарности с ними о своем выходе из товарищества заявили пайщики К.Р.Эман и И.В.Хмелев, также являвшиеся соучредителями общества. Обязанности редактора газеты было решено возложить на Е.Ф.Кудрявцева, ре-

---

[1] Сибирские вопросы. 1906. № 6. С.115.

[2] Воззвание, программа, устав "Русского народного общества за Веру, Царя и Отечество" //Время. 1906. 9 ноября. (Приложение).

[3] Время. 1906. 24 дек.

дактировавшего ранее в Красноярске либеральные газеты "Енисей" и "Сибирский край"[1].

Томские октябристы спешили отмежеваться от вновь образованного общества, поскольку последнее действовало в откровенно черносотенном духе. Торжественное открытие "Русского народного общества" 27 декабря 1906 г. сопровождалось молебствием с провозглашением многолетия императору и царствующему Дому. Выступивший на открытии В.Моравецкий причислил себя, а заодно и всех учредителей общества к "черносотенному русскому народу"[2]. По мере наступления реакции черносотенные настроения в рядах общества усиливались. На объединенном собрании "Русского народного общества" и "Союза 17 октября" 25 марта 1907 г. члены общества приняли постановление отправить императору телеграмму с просьбой о роспуске "революционной Думы" и издании нового избирательного закона, "который обеспечивал бы избрание в Думу действительно лучших людей страны". Большинство присутствовавших октябристов во время баллотировки по вопросу об отправке телеграммы покинули зал заседаний, уполномочив секретаря собрания, члена "Союза 17 октября" Н.А.Гурьева от их имени заявить, что они в обсуждении этого вопроса участвовать не желают и предлагают обсудить его не на объединенном собрании. Возражая против посылки телеграммы, ушли с собрания и некоторые члены "Русского народного общества"[3]. Это обстоятельство явилось показателем наличия разногласий не только между октябристской организацией и "Русским народным обществом", но и в среде самого общества. С другой стороны, и в рядах октябристской организации после выхода из ее состава представителей правого течения дискуссии не прекратились.

Раскол осени 1906 г. в томском отделе был далеко не первым и не единственным проявлением отсутствия единства в сибирских октябристских организациях по вопросам программного значения. Еще в апреле 1906 г. профессор И.А.Базанов отказался от обязанностей редактора-издателя газеты "Время", а профессор В.А.Уляницкий - от обязанностей сотрудника этой газеты "вследствие принципиальных разногласий по вопросу о направлении газеты с пайщиками и редакционным комитетом". "Сибирская жизнь" объясняла этот шаг искренней приверженностью профессоров к конституционным началам в духе Манифеста 17 октября. Отказались от сотрудничества в газете "Время" и профессора П.А.Прокошев и А.Е.Смирнов. Последний, кроме того, вышел из состава бюро октябристской организации. Именно тогда редакторами газеты и были избраны на собрании пайщиков профессор ТТИ А.И.Ефимов и библиотекарь университета Н.В.Миницкий. По этому поводу

---

[1] Сибирские отголоски. 1906. № 41. С.12-13.

[2] Голос степи. 1907. 27 марта.

[3] Время. 1907. 27 марта.

сибирская печать констатировала, что газета "Время" приобрела явно реакционное направление[1].

Накануне выборов во II Государственную думу произошел раскол в бюро барнаульского отдела "Союза 17 октября"[2]. Разногласия по политическим вопросам существовали между барнаульскими и томскими октябристами. Как отмечалось в помещенной в газете "Сибирская жизнь" корреспонденции из Барнаула, местные октябристы находились "в сильной оппозиции к томскому отделу партии 17 октября", считая его реакционным[3]. Таким образом, у октябристов, как и у кадетов, отсутствовало единство мнений по проблемам программного значения.

В целом диапазон либерального видения перспектив политической реорганизации общества оказался довольно широким. Его полюса определялись, с одной стороны, проектами левых кадетов, а с другой - установками придерживавшихся правых позиций октябристов. Апогеем "радикализма" либералов стал классический идеал парламентарной конституционной монархии, предполагавший создание на основе всеобщих, прямых, равных и тайных выборов однопалатного органа народного представительства, наделенного законодательными полномочиями (и даже функциями Учредительного собрания), формирующего из парламентского большинства кабинет министров и контролирующего деятельность последнего, используя право привлечения министров к судебной ответственности. Воплощением же консервативных настроений представителей крайне правого фланга в сибирских отделах "Союза 17 октября" стала поддержка в качестве основополагающего в политической системе начала самодержавной власти, дополненного организацией самоуправления, обеспечением гражданских свобод и достоинства личности, участием общественных элементов в деятельности законодательных, административных и судебных органов. Фактически такой вариант политической модели общества, основанный на признании возможности реализации принципов либерального правопорядка в условиях абсолютной монархии, может быть квалифицирован как идеал "либерального абсолютизма", впервые заявленный в законотворческих проектах Екатерины II и теоретически обоснованный в книге М.М.Сперанского "Руководство к познанию законов".

Примечательно и различие методических подходов радикал-либералов и представителей консервативного либерализма к обоснованию своего видения целесообразных реформ политической системы. Если первые, уловив демократические веяния нового времени, апеллировали по преимуществу к особенностям психологии, правосознания народных масс, их настроениям и чая-

---

[1] Сибирское обозрение. 1906. 9 апр.

[2] Сибирская жизнь. 1906. 11 апр.

[3] Сибирская жизнь. 1906. 23 февр.

ниям, то вторые предпочитали руководствоваться соображениями традиционализма в трактовке перспектив политического развития Отечества.

Многокрасочность палитре политических настроений либералов Сибири придавали оттенки мнений, существовавшие на индивидуальном, групповом и общерегиональном уровне. Особенно явственно региональная специфика проявилась в политических позициях кадетов, более чутко реагировавших на практические запросы населения края. Учет особенностей развития и статуса региона в России обусловил областнические тенденции в их проектах политической реорганизации общества, предопределил выдвижение отсутствовавших в общепартийной программе требований распространения суда присяжных на всю империю, упразднения института крестьянских начальников, введения земства в Сибири, вызвал смещение акцента в постановке конкретных проблем "инородцев" из сферы культуры, приоритет самоопределения в которой был заложен в программных документах партии, в сферу социально-экономическую и политико-правовую.

Плюрализм политических позиций либералов имел четкие пределы, не позволявшие утратить свое "лицо" и служившие основой самоидентификации во взаимоотношениях с представителями реакционно-охранительного и леворадикального направлений в общественном движении. Ограничителем "справа" являлось стремление либералов к модернизации устаревших и утративших эффективность институтов политической власти в соответствии с новыми тенденциями общественно-политического развития, а также ориентация на создание гражданского общества через законодательное обеспечение индивидуальных прав и свобод. Граница "слева" была воздвигнута либеральной концепцией общественного прогресса, основанной на идее исторической, политической, социокультурной преемственности, уважения к традициям и не допускавшей радикализма в социально-политической реорганизации.

Таким образом, многообразие политических настроений кадетов и октябристов Сибири даже в тех случаях, когда оно несколько выходило за рамки общепартийных программных директив, в целом было выдержано в духе либеральной парадигмы.

2. Проекты модернизации социально-экономических отношений: принципы и механизм реализации

Признание приоритета общечеловеческих ценностей являлось источником стремления лидеров либерализма к созданию идеологии, приемлемой для всех способных к конструктивному диалогу и сотрудничеству политических сил. Наиболее активно на роль инициатора политики национального согласия претендовали конституционалисты-демократы. Для выполнения столь непро-

стой миссии кадетам, по мнению одного из наиболее ярких их идеологов П.Б.Струве, необходимо было не только соответствовать званию партии либеральной и конституционной, но и приобрести репутацию партии демократических социальных реформ. Более того, П.Б.Струве выражал убеждение, что партия народной свободы с необходимостью должна стать по своему социальному составу "крестьянско-рабочей"[1].

В унисон идейному вдохновителю партии один из лидеров кадетов Томска М.Н.Соболев отмечал: "Эта партия ставит на своем знамени широкую защиту интересов всех трудящихся классов и удовлетворение их нужд. Эта партия состоит из людей личного труда и в ней нет влияния класса землевладельцев и капиталистов"[2]. В таком же духе была выдержана и мотивированная записка бюро томского отдела, адресованная II Всероссийскому съезду кадетской партии. В ней, в частности, указывалось:"... конституционно-демократическая партия должна быть партией строго демократической, опирающейся на широкие массы трудящегося населения. Всякие следы буржуазных тенденций должны быть из программы вычеркнуты ... Конституционно-демократическая партия может рассчитывать на известный успех среди трудящихся элементов - крестьян, рабочих, ремесленников, только при последовательно проведенной истинно-народной программе"[3].

Субъективные стремления к представительству общенародных интересов обязывали кадетскую партию к разработке и обоснованию проектов решения социально-экономических проблем России и прежде всего имевших острое социальное звучание аграрного и рабочего вопросов. Внимание либералов к этим проблемам было продиктовано не только желанием обеспечить соответствующее реноме партии, но и искренней заинтересованностью в модернизации социально-экономических отношений, а также усвоенным от предшественников пониманием необходимости согласования реформаторских начинаний в политической и социально-экономической сферах, недопустимости отставания экономических реформ от политических преобразований.

Будучи продолжателями радикальной традиции в отечественном либерализме, кадеты однозначно негативно относились к крепостнической системе, нарушавшей естественные права человека. Поэтому реформа 1861 г. оценивалась ими высоко. Однако они не закрывали глаза и на ее половинчатость, позволившую сохранить многочисленные следы крепостничества. Замена опеки помещика опекой начальства и мира; сохранение за крестьянином фактиче-

---

[1] См.: Татарникова С.Н. Концепция политики национального согласия П.Б.Струве // Социально-политические науки. 1991. № 12.

[2] Соболев М.Н. Интересы трудящихся и партия народной свободы // Сибирская жизнь. 1906. 7 мая.

[3] Письмо М.Н.Соболева на всероссийский съезд представителей конституционно-демократической партии //ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.400. Л.16.

ского статуса человека "тяглого", обремененного непосильными государственными податями; недостаточность крестьянских наделов, земельная теснота - таков был перечень злободневных проблем, свидетельствовавших, по мнению кадетских теоретиков, о нерешенности крестьянского вопроса[1]. Аграрные волнения воспринимались ими как естественный результат безземелья и бесправия. Резонно предлагая бороться не с следствием, а с причиной, кадеты искали панацею в реформах политического и социального строя, "направленных на коренное разрешение крестьянского вопроса в интересах многомиллионной крестьянской массы". Намечая общие контуры этих реформ, И.А.Малиновский писал: "Нужно утолить земельный голод, испытываемый крестьянами, нужно сделать их полноправными гражданами государства, нужно улучшить их экономическое положение, нужно внести в деревню свет образования"[2].

В определении принципов конкретной программы решения аграрного вопроса сибирские кадеты шли в основном в фарватере общепартийной политики. Наибольшую оригинальность проявил, пожалуй, минусинский отдел партии народной свободы, зафиксировавший в своей программе следующее требование: "Земля сельскохозяйственного пользования должна принадлежать трудовому земледельческому населению"[3]. Вместе с тем кадеты Минусинска однозначно заявили об отсутствии у них каких бы то ни было намерений навязывать крестьянам социализацию земли и подчеркнули пагубность идеи запрещения наемного труда в сельском хозяйстве. Однако, их неприятие вызывала не столько сущность аграрных преобразований, предлагавшихся социалистами-революционерами, сколько нацеленность последних на использование "принудительных" мер в ходе этих преобразований. "Всякое принудительное правило в ведении сельского хозяйства принесет только один вред, убьет всякую самодеятельность и стремление к расширению и утверждению хозяйства", - подчеркивалось в листовке минусинской кадетской организации. Ратуя за естественный характер аграрного развития, кадеты считали необходимым обеспечить крестьянам свободу выбора желательного порядка пользования землей[4]. Таким образом, несмотря на явственно звучавший оттенок радикализма в аграрной программе кадетов Минусинска, их представления не выходили за общие рамки либерального мировоззрения, предполагав-

---

[1] Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Томск, 1909. Вып.II. Ч.III.С.11.

[2] Там же. С.133.

[3] За что стоит партия народной свободы? Листовка минусинского отдела партии народной свободы. Минусинск, 1905 //ЦХИДНИКК. Ф.64. Оп.10. Д.14. Л.1.

[4] Там же.

шего поступательность, эволюционность процесса общественных изменений и соотнесение его с реалиями социокультурной среды.

Центральным в программных документах сибирских кадетских организаций являлось требование увеличения площади землепользования безземельных и малоземельных крестьян[1]. Наиболее созвучный официальным установкам партии вариант осуществления этого требования содержался в программе томского отдела: "Для обеспечения землей безземельных и малоземельных крестьян должен быть образован государственный земельный фонд из государственных, удельных, кабинетских, монастырских и частновладельческих земель"[2]. Аналогичное положение было включено и в программу минусинского отдела партии народной свободы[3]. Кадеты Красноярска, выдвинув на первый план в программе требование "уничтожения чиновничьей опеки над крестьянами и полного уравнения крестьян в правах с остальным населением", проявили несколько большую осторожность и умеренность в постановке земельной проблемы. В их программе "По крестьянскому вопросу" значилось: "Отмена выкупных платежей и наделение безземельных и малоземельных крестьян государственными, удельными и кабинетскими землями, а где их нет - частновладельческими, с вознаграждением владельцев"[4]. Формулировка, ограничивавшая пределы отчуждения частновладельческих земель территориями их монопольного положения в структуре крупного землевладения, являлась плодом самостоятельного творчества красноярцев. В отличие от них кадеты Иркутска были убеждены, что без применения обязательного выкупа частновладельческих земель обеспечение крестьян землей в принципе невозможно[5].

Определение механизма передачи земель казенных, удельных, монастырских и частновладельческих во владение лиц, занимающихся земледельческим трудом, сибирские кадеты считали прерогативой депутатов Государственной думы, возлагая на них ответственность за решение этого вопроса за-

---

[1] Программа томского отдела партии народной свободы ... Л.31; Программа свободной народной партии. Красноярск ... Л.1; От местного комитета партии народной свободы // Сибирское обозрение. 1906. 9 июня; Чего хочет партия народной свободы. Омск, 1906. Издание омского бюро партии народной свободы //ГАРФ. Ф. 523. Оп.1. Д.169. Л.34.

[2] Программа томского отдела партии народной свободы ... Л.31.

[3] За что стоит партия народной свободы? Листовка минусинского отдела ... Л.1.

[4] Программа свободной народной партии. Красноярск... Л.1.

[5] От местного комитета партии народной свободы ...

конодательным путем "без обиды и по справедливости"[1]. Высказывали они и собственные соображения по поводу целесообразных принципов наделения крестьян землей. Так, "Местная программа, выработанная красноярским комитетом конституционно-демократической партии" предусматривала наделение сельского населения (земледельческого и скотоводческого) землей в размере, "вполне обеспечивающем хозяйственный быт его", допуская при этом возможность увеличения душевого надела сверх установленной законом нормы[2].

В мотивированной записке бюро томского отдела по поводу программы кадетской партии указывалось: "Аграрная реформа должна быть осуществлена на самых широких началах наделения землей крестьян. Без этого наша партия не будет в состоянии завоевать поддержку крестьянского класса. Следует проводить экспроприацию удельных, кабинетских, монастырских и частновладельческих земель в той мере, в какой это необходимо для полного земельного обеспечения крестьян"[3]. Конкретизируя свое представление о нормах наделения крестьянства землей, кадеты Томска в листке "О крестьянских нуждах" в декабре 1905 г. заявляли о намерении "добиваться того, чтобы всем крестьянам, у которых недостаточно земли, было нарезано столько, сколько каждый может обработать силами своей семьи для ее прокормления"[4].

Фактически программные установки томичей предполагали трудовую норму при определении размеров крестьянского землепользования. Ориентация на трудовую норму присутствовала и в программе минусинского отдела партии народной свободы, предусматривавшей возможность отчуждения у частных владельцев излишков земли сверх таковой[5]. В этом отношении кадеты Томска и Минусинска разошлись с официальной линией партии, зафиксированной в принятом на III съезде "Проекте основных положений аграрной реформы", второй пункт которого гласил: "Принципиально является желательным доведение размеров обеспечения до потребительной нормы"[6]. Такая

---

[1] Чего хочет партия народной свободы. Томск, 1906 // ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.400. Л.34; К выборам в Государственную думу. Листок томского отдела партии народной свободы // ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.400. Л.30.

[2] Местная программа, выработанная красноярским комитетом ... Л.1.

[3] Письмо М.Н.Соболева на всероссийский съезд ... Л.16-17.

[4] О крестьянских нуждах. Листок томского отдела свободной народной (конституционно-демократической) партии. Томск, 1905 // ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.400. Л.35.

[5] За что стоит партия народной свободы? Листовка минусинского отдела... Л.1.

[6] Протоколы III общеимперского делегатского съезда партии народной свободы (конституционно-демократической). Спб., 1906. С.101.

позиция, не означая принципиального неприятия трудовой нормы, была во многом продиктована соображениями реальной политики. Один из крупнейших специалистов в кадетской партии по аграрному вопросу М.Я.Герценштейн доказывал, что для распределения по трудовой норме земли не хватит. Иркутские кадеты сочли его доводы убедительными и, в отличие от томичей и минусинцев, высказались в пользу требования потребительной нормы[1].

Оригинальный проект определения размеров крестьянского землепользования предложил на III съезде партии делегат томского отдела Жемчужников, выразив личную позицию по этому вопросу. Он полагал необходимым производить снабжение крестьян землей из государственного фонда "путем прирезки дополнительных участков до размера высшего надела 61 года". В тех районах, где такая мера представлялась невозможной, Жемчужников предусматривал организацию выселения населения на окраины и в такие места, где запас земли превышает среднюю норму. Рассчитывая на полное сочувствие крестьян в отношении предложенного им проекта, томский делегат высказывал лишь опасение по поводу возможности протеста со стороны тех крестьянских обществ, "которые владеют землей в размере, превышающем установленную норму, и будут бояться, что у них отнимут излишнее количество". Возможным средством предупреждения недовольства он считал сохранение существующих размеров крестьянских наделов в подобных случаях, но не на праве собственности, а на праве арендного пользования[2].

Нюансы в трактовке механизма решения земельного вопроса, вызванные поиском оптимального варианта размеров крестьянского землепользования, не исключали единства сибирских кадетов в требовании выкупа при отчуждении частновладельческих земель. Вместе с тем и в этом требовании иногда улавливались оригинальные мотивы. Так, высказывая свои соображения по поводу программного положения о вознаграждении прежних владельцев, бюро томской кадетской организации в декабре 1905 г. сочло необходимым подчеркнуть, что выкуп должен осуществляться не за счет крестьян, а за счет имущих классов посредством введения особых налогов, например, усиленного налога на наследства и пр.[3] Отголоски демократических настроений были различимы и в обращении кадетов Томска к избирателям I Государственной думы. Отмечая, что "земля должна быть передана нуждающимся в ней крестьянам на тех условиях, которые выработает Государственная дума", они в

---

[1] Сибирь. 1912. 2 окт.

[2] Протоколы III общеимперского делегатского съезда партии народной свободы ... С.116, 117.

[3] Письмо М.П.Соболева на всероссийский съезд ... Л.17.

то же время предусматривали "непременное участие" местных крестьян в определении оценки выкупаемой земли[1].

Несмотря на наличие своеобразных подходов к определению принципов выкупной операции, сама идея выкупа частновладельческих земель при проведении аграрной реформы не вызывала у кадетов Сибири ни малейших возражений. Мотивировка соответствующего программного требования строилась на соображениях социальной справедливости и экономической целесообразности. Томские кадеты, в частности, писали: "Отдавая в России безвозмездно в пользу крестьян земли частных владельцев, мы создадим только новых собственников - рантьеров, новый буржуазный элемент ... и одновременно оставим в нищенском положении массы городского безземельного пролетариата и ... пятое сословие - это героев Горького ... Какая же это будет справедливость: отбирать безвозмездно от землевладельца излишек земли, считавшейся его собственностью, и в то же время оставлять в городских поселениях во владении одного лица часто относительно громадные участки, стоящие притом (в крупных городах) баснословные суммы в сравнении с ценностью земель вне городских поселений"[2]. В свою очередь кадеты Минусинска в обосновании необходимости справедливого вознаграждения за отчуждаемую землю акцент делали на пагубность социально-экономических последствий безвозмездного отчуждения. К числу таковых они относили крах банков, в которых заложена значительная часть земли, и разорение их мелких вкладчиков (в том числе крестьян и рабочих), дезорганизацию торговли и промышленности[3].

Позицию кадетов в вопросе о выкупе предопределило и одно из центральных положений либеральной доктрины - идея приоритета права, правозаконности над политикой. Частная собственность на землю соответствовала правовому статусу общества, а потому ее отчуждение без должной компенсации рассматривалось либералами как попрание основополагающих норм правопорядка и вместе с тем нарушение естественных прав человека, материальным обеспечением которых служит частная собственность. "Раз теперь существует право собственности, обусловленное способами владения, определенными гражданским кодексом, нельзя отнимать у одного его собственность и передавать другому, не вознаграждая ничем бывшего собственника за утрату им собственности", - подчеркивали кадеты Томска[4]. Поэтому возможность безвозмездной экспроприации частновладельческих земель они связывали с

---

[1] Простое слово к избирателям от партии народной свободы (конституционно-демократической) // Народные нужды. 1906. 2 апр.

[2] Сибирские отголоски. 1906. № 14. С.1, 2.

[3] За что стоит партия народной свободы? Листовка минусинского отдела ... Л.1.

[4] Сибирские отголоски. 1906. № 14. С.2.

уничтожением права частной собственности вообще и исключением из гражданского кодекса всех норм, устанавливающих и регулирующих право собственности частных лиц. Такой вариант предполагал объявление всей земли (как в городе, так и вне городских поселений) национальной собственностью[1].

Лозунг национализации земли пользовался среди некоторых групп кадетов Сибири определенной популярностью в период революции 1905-1907 гг. Так, томский делегат Вейсман, выступая на III съезде партии народной свободы в апреле 1906 г., заявил, что основным принципом предполагаемой реформы несомненно должна явиться национализация земли, понимаемая как "отчуждение частновладельческих и всех иных земель в государственную собственность"[2]. Впрочем, Вейсман полагал, что содержавшийся в предложенном официальном руководством партии "Проекте основных положений аграрной реформы" тезис об образовании государственного земельного фонда служит показателем положительного отношения к принципу национализации. Основной пафос его выступления был продиктован стремлением убедить делегатов съезда в необходимости открытого провозглашения этого принципа для всей страны. "Мы даем этим больше, чем обещали народу до выборов, - подчеркивал Вейсман, - и это даст нам большую опору с его стороны".

Однако, ставя вопрос о национализации земли, томский делегат руководствовался не только тактическими интересами расширения социальной базы партии, но и соображениями практической целесообразности такого варианта решения аграрного вопроса для представлявшегося им региона. Считая проблематичным осуществление национализации в Европейской России в ближайшее время, он отмечал, что особенности Сибири, в которой фактически отсутствует частная земельная собственность, позволяют провести это мероприятие "в высшей степени легко", "завтра же" и закончить все дело "в полчаса". В условиях проведения в Сибири правительственной политики, направленной на "индивидуализацию" землевладения, национализация представлялась ему единственно возможным решением аграрного вопроса в крае[3]. Специфика рассмотрения проблемы национализации земли в региональном измерении объясняет подтекст предложенной Вейсманом (неэквивалентной, на наш взгляд) замены иностранного слова "национализация" формулой "освобождение земли от крепостной зависимости от помещика"[4].

Более широко на съезде поставил вопрос о национализации земли, с выходом за рамки проблем регионального характера, томич Жемчужников, зая-

---

[1] Там же.

[2] Протоколы III общеимперского делегатского съезда партии народной свободы ... С.147 , 148.

[3] Там же.

[4] Там же. С.147.

вивший:"Единственный способ устранить те условия, которые вызвали к жизни аграрный вопрос, единственное правильное решение заключается в национализации земли, причем в государственный земельный фонд, кроме кабинетских, удельных и других земель, должны отойти путем выкупа не только земли частных владельцев, но также и надельные и купчие крестьянские земли"[1].Санкционирование предусмотренных обсуждавшимся на съезде проектом аграрной реформы изъятий из сферы принудительного отчуждения[2] Жемчужников допускал лишь при условии сохранения соответствующих земель в руках прежних владельцев не как частной собственности, а в вечном, наследственном арендном пользовании[3].

Томские делегаты оказались на съезде не одиноки в намерении отстаивать принцип национализации земли. Аналогичные позиции занимали представители ряда губерний Европейской России[4]. Однако ЦК кадетской партии счел невозможным предлагавшиеся ими изменения в проекте, т.к. "это значило бы - выходить из рамок программы и давать повод ко всяким перетолкованиям"[5]. В этой связи позиции томских делегатов можно считать показателем их большего (на фоне официальной линии партии в аграрной политике) радикализма.

И все же правомерность распространения подобной оценки на характеристику позиций местных кадетских организаций вызывает определенные сомнения. Во всяком случае точка зрения, согласно которой отделы конституционно-демократической партии в Томске, Омске, Иркутске "занимали более левые позиции по сравнению с большинством партии, выступая за национализацию земли"[6], нуждается в уточнениях. Во-первых, представляется необоснованным мнение о включении омскими кадетами в программу требования национализации земли на основе вознаграждения владельцев с после-

---

[1] Там же. С.116.

[2] Проект не допускал принудительного отчуждения участков, размер которых не превышал установленной для данной местности трудовой нормы; имений, признанных "исключительно-интенсивными", "образцово-показательными" и т.п.; земель, на которых расположены фабрично-заводские или сельскохозяйственные предприятия, в размере, безусловно необходимом по техническим условиям, и др. См.: Протоколы III общеимперского делегатского съезда ... С.102-103.

[3] Там же. С.116.

[4] См.: Иллерицкая Е.В. Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М., 1981. С.36.

[5] Протоколы III общеимперского делегатского съезда ... С.159.

[6] Кучер В.В. Сибирские организации буржуазно-монархических партий об аграрном вопросе ... С.108.

дующей сдачей земли в аренду крестьянам[1]. Судя по ссылке, которую дает в подтверждение этого тезиса И.Г.Мосина, поводом для подобного умозаключения послужило письмо секретаря Тюкалинского общества сельского хозяйства А.А.Жукова от 17 ноября 1905 г. руководству кадетской партии[2]. Обращаясь с просьбой объяснить, "по каким соображениям партией в аграрном законодательстве не принята национализация земли", А.А.Жуков сообщал, что общество приняло постановление о необходимости таковой с принудительной экспроприацией всех частных земель и справедливым вознаграждением владельцев, а также о сдаче национализированной земли в наследственное арендное пользование трудящемуся люду[3]. Несомненно подобное постановление являлось симптомом радикальных настроений. Однако столь же несомненно и то, что нет никаких оснований для отождествления заявленной позиции Тюкалинского общества сельского хозяйства с позицией кадетов Омска.

Во-вторых, в программных документах сибирских кадетских организаций были зафиксированы требования по решению земельного вопроса, в целом созвучные формулировкам общепартийного руководства. Лозунг же национализации декларировался местными кадетами в период первой революции исключительно на страницах периодической печати и, по-видимому, имел прежде всего тактическое значение в условиях политической конкуренции с леворадикальными партиями.

В-третьих, идея национализации и в кадетской публицистике не имела звучания практического требования, нуждающегося в немедленной реализации. Так, томские кадеты действительно заявляли: "В сущности земля не должна быть собственностью отдельных лиц, - но собственностью государства, и не только земля вне городских поселений, но и в последних". Однако это заявление сопровождалось оговоркой: "Это впоследствии когда-нибудь и будет, - подобие рая осуществится на земле; но для осуществления его потребны долгие годы мирной борьбы светлых начал с темными, неразумными и дикими началами"[4]. Таким образом, предполагался длительный период эволюционного развития, создающего необходимые предпосылки для радикального решения аграрного вопроса.

Сходные позиции занимали кадеты Иркутска, провозглашавшие национализацию земли окончательной целью аграрной политики в России, позволяющей предотвратить частное присвоение ренты и земельную спекуляцию, которая крайне вредно отражается на сельском хозяйстве. Однако их практи-

---

[1] Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу ... С.81.

[2] Уместно напомнить, что учредительное собрание отдела кадетской партии в Омске состоялось 30 апреля 1906 г. См.: Степной голос. 1906. 5 мая.

[3] Письмо А.А.Жукова // ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.399. Л.3.

[4] Сибирские отголоски. 1906. № 14. С.2.

ческие предложения по решению земельного вопроса не выходили за рамки общепартийной программы. Единственным отличием позиции иркутян от официальных программных установок партии[1] было положение о необходимости предоставления земли земледельческому населению не на началах собственности, а лишь в постоянное пользование[2]. По-видимому, такая мера должна была стать первым шагом в направлении к грядущей в отдаленной перспективе национализации земли. Имея в виду конечный идеал землеустройства, иркутские либералы считали "естественным, что в тех частях страны, например, в Сибири, где земли находятся во владении государства, этот принцип не должен быть нарушаем, и частная земельная собственность не должна здесь иметь места"[3].

В целом, вероятно, именно специфика социально-экономического развития Сибири, связанная с отсутствием в регионе помещичьего землевладения, предопределила отмеченный радикализм кадетов в постановке перспективных задач аграрного переустройства. Этой же спецификой были продиктованы и нюансы восприятия ими правительственной аграрной политики, инициированной П.А.Столыпиным.

Серьезные возражения кадетов вызывали меры, предусматривавшиеся столыпинской аграрной реформой по насильственному разрушению крестьянской общины. Основным мотивом, обусловившим подобный настрой, являлось стремление обеспечить естественный характер социально-экономического развития. В редакционной статье газеты "Сибирская жизнь" подчеркивалось: "Сельская община в России сложилась исторически в прочную хозяйственную организацию, разрушать которую искусственно нет оснований. Она сама разрушится тогда, когда потеряют силу экономические основы, на которых она держится"[4] По мнению томских кадетов, община соответствовала хозяйственным условиям жизни подавляющего большинства крестьян, являвшихся "общинниками по внутреннему убеждению". Поэтому, считая необходимым освободить крестьянство от тех тисков общины, которые стесняют его самодеятельность и хозяйственную предприимчивость, они вместе с тем оговаривали, что подобные меры не должны отразиться на судь-

---

[1] Программа кадетской партии предусматривала установление начал, на которых земли государственного земельного фонда подлежат передаче нуждающемуся в них населению (владение или пользование, личное или общинное и т.д.), "сообразно особенностям землевладения и землепользования в различных областях России". См.: Полный сборник платформ ... С.64.

[2] Восточное обозрение. 1905. 2 дек.

[3] Там же.

[4] Сибирская жизнь. 1907. 24 ноября..

бе общинного землевладения, "как исконной и привычной формы земельных отношений"[1].

В целом, сибирским кадетам была присуща убежденность в неприемлемости каких бы то ни было искусственных, не согласующихся с внутренними закономерностями эволюции и желаниями заинтересованных лиц, вариантов социально-экономического развития. Предельно лаконично их кредо в этом вопросе сформулировал Н.В.Некрасов в лекции, прочитанной перед томичами 22 сентября 1912 г.: "Нельзя насиловать волю земледельцев. Вопросы землепользования должны решать сами земледельцы"[2].

Такой подход предопределил негативное отношение местных кадетов к правительственным мерам по насаждению в регионе частной земельной собственности. В программе омского отдела партии народной свободы даже содержалось специальное положение, требовавшее "уничтожения насаждения в Сибири крупного частного землевладения"[3]. Законопроект П.А.Столыпина, предусматривавший внедрение института частной собственности в крестьянское землевладение, воспринимался сибиряками как неприемлемый и нереальный. В обоснование своей позиции они ссылались на неизученность земельных отношений в регионе и выражали уверенность в том, что всякая коренная попытка изменить существующие условия без предварительного капитального исследования чревата крайне печальными последствиями[4].

Считая, что сама по себе замена права пользования правом собственности чрезвычайно желательна и отвечает интересам старожильческого населения, поскольку обеспечивает неприкосновенность его прав и предотвращает возможность произвольных изъятий земель в пользу переселенцев, кадеты возражали не против принципа частной собственности как такового, а против внезапности его установления одним росчерком пера при крайне неустойчивом экономическом положении страны[5]. Прогнозируя последствия аграрной реформы Столыпина в этом отношении, Н.В.Некрасов выстраивал такую логическую цепочку: немедленное обращение земли на всем пространстве Сибири в предмет купли-продажи, в товар - значительная мобилизация земельной собственности в регионе по исключительно низким ценам - сосредоточение большого количества земель в руках отдельных кулацких хозяйств сибирской деревни - окончательное обезземеливание большинства крестьян и

---

[1] Сибирская жизнь. 1907. 24 ноября.

[2] Сибирская жизнь. 1912. 25 сент.

[3] Объяснения к требованиям партии народной свободы. Омск, 1906. Издание омского бюро партии народной свободы // ГАРФ. Ф.523. Оп.1. Д.169. Л.29.

[4] Сибирь. 1911. 9 янв.

[5] Некрасов Н.В. Письма о национальностях и областях ... С.32, 33.

прежде всего переселившихся из Европейской России[1]. В результате и переселенческая политика правительства теряла смысл.

Издержки реализации правительственной программы по переселению крестьянства воспринимались сибирскими кадетами, по-видимому, более обостренно, чем их идейными единомышленниками в Европейской России, в силу самой направленности переселенческого потока и зримо ощущавшегося воздействия его на социально-экономическую ситуацию в регионе. Их протест вызывал не столько сам замысел переселенческой политики, сколько способ ее осуществления. Прежде всего кадеты считали весьма вредным заблуждением представление о Сибири как неисчерпаемом земельном фонде[2]. Такая исходная посылка при определении правительственного курса послужила, по их мнению, первопричиной "земельного расстройства", полученного вместо землеустройства[3]. Практика изъятия земель у старожилов для обеспечения переселенцев, как и расселения последних в местностях с неблагоприятными для ведения сельского хозяйства условиями влекла за собой дезорганизацию аграрного производства, ухудшение материального положения крестьян, а в результате порождала социальную нестабильность. Не случайно В.А.Караулов, выступая в марте 1909 г. на заседании Государственной думы, выражал опасения по поводу того, что "обратное течение будет все возрастать и создаст очень опасный элемент"[4].

В противовес правительственному курсу сибирские кадеты настаивали на осуществлении так называемой "правильной колонизации, вытекающей из общегосударственных интересов"[5]. При обсуждении в III Государственной думе вопроса о смете переселенческого управления Н.В.Некрасов от имени представителей Сибири заявил: "Мы считаем нужным ассигновать ... все те кредиты, которые являются необходимыми для того, чтобы ... стихийное переселение обратилось в планомерную и рациональную колонизацию Сибири. ... Нужно создать те культурные и экономические условия, при которых хозяйственная жизнь Сибири, жизнь как ее коренного населения, так и переселенцев, могла бы развиваться в культурной стране"[6]. "Правильная" колонизация ассоциировалась для местных кадетов с регулированием переселенческого потока и разумным регламентированием его масштабов. Выражая уверенность в том, что переселение не спасет от всех аграрных недугов России, кадеты Иркутска подчеркивали: "Оно может быть полезно только в узких пределах - для такого числа переселенцев, какое может быть без затруднений пе-

---

[1] Там же. С.33.

[2] Красноярец. 1907. 23 янв.

[3] Сибирская жизнь. 1912. 28 окт.

[4] Речь. 1909. 13 марта.

[5] Сибирская жизнь. 1912. 6 янв.

[6] Речь. 1908. 30 марта.

ревезено по Сибирской железной дороге и какое отвечало бы тому количеству удобных переселенческих участков, которое может быть своевременно подготовлено в Сибири"[1].

С особым вниманием сибирские кадеты относились к охране интересов местного населения при осуществлении переселенческой политики. Разработанная красноярским комитетом партии народной свободы программа специально оговаривала: "Переселение ни в коем случае не должно ложиться бременем на местное население. Должны быть немедленно устранены все тяжести, ложащиеся на местное население, льготы же переселенцам подлежат отнесению за счет государства"[2].

В целом сибирские кадеты были убеждены, что искусственные меры, предусматривавшиеся столыпинской аграрной реформой, являлись экономически нецелесообразными и к тому же социально опасными. Делая ставку на "сильных и крепких" и игнорируя интересы "слабых и бедных", П.А.Столыпин, по их мнению, лишь усугублял характер социального переворота[3]. Сибиряки были склонны считать, что инициированные им аграрные преобразования преследуют исключительно политические цели[4]. При этом они весьма скептически относились к расчетам правительства на создание в деревне оплота существующего порядка в лице мелких частных собственников, расценивая эту цель как несбыточную. Кадеты Томска, например, высказывали предположение, что более вероятными являются прямо противоположные результаты реформы. Углубление социально-экономической дифференциации крестьянства, как следствие упрочения мелкой частной собственности и разложения общинного строя, было чревато, по их мнению, массовым обезземеливанием крестьян, "освобожденные" рабочие руки которых отечественная промышленность поглотить не в состоянии. "Громадная армия безземельных составит действительную серьезную опасность общественному порядку и спокойствию, - предупреждали томичи, - и тогда исцеление этого грозящего бедствия представит несравненно большие затруднения, чем разрешение нынешнего земельного вопроса в интересах крестьянской массы"[5].

Наиболее адекватным интересам крестьянства сибирские кадеты и в межреволюционный период продолжали считать вариант решения аграрного вопроса, предусматривавшийся их программными документами. Содержание циркулярного письма ЦК партии народной свободы губернским и уездным комитетам партии накануне выборов III Государственной думы, в котором подчеркивалась верность требованию осуществления земельной реформы "на

---

[1] Сибирская заря. 1907. 8 ноября.

[2] Местная программа, выработанная красноярским комитетом ... Л.1.

[3] Сибирская жизнь. 1910. 28 авг.

[4] Сибирские вопросы. 1908. № 41-42. С.56.

[5] Сибирская жизнь. 1907. 24 ноября.

основе принудительного отчуждения земли по справедливой оценке", соответствовало настроениям сибиряков[1]. Выступая в ноябре 1908 г. на заседании Государственной думы, их представитель Н.К Волков просил депутатов вотировать принудительное отчуждение как единственно возможный путь аграрного развития[2].

Поддерживая официальное руководство партии в выборе варианта решения аграрной проблемы, кадеты Сибири вместе с тем считали своим долгом разработку региональной программы, учитывающей местную специфику социально-экономического развития. Эта специфика предопределяла, на их взгляд, исключительное значение крестьянского вопроса в комплексе назревших реформ в крае, имевшем по сравнению с Европейской Россией еще большие основания именоваться "мужицкой" страной[3]. Учитывая это обстоятельство, М.Н.Соболев констатировал: "Крестьянин ... является центральной фигурой экономической жизни Сибири. Его преуспеяние и благосостояние знаменуют собой экономический и социальный прогресс края, его оскудение и разорение грозит оскудением всей Сибирской области. Поэтому нужды крестьянского населения, общественно-политические, юридические, экономические, должны составлять главное содержание назревших реформ в Сибири"[4].

В числе основных особенностей сибирского крестьянского хозяйства, вызывавших "некоторые отклонения и различия в способах решения крестьянских нужд", М.Н.Соболев выделял следующие: 1) проживание крестьян на государственной земле и пользование ею на правах наследственной аренды; 2) лучшая по сравнению с Европейской Россией обеспеченность крестьянского населения землей; 3) большая самостоятельность и развитость чувства личного достоинства у сибирского земледельца, обусловленные отсутствием крепостного права и характером хозяйственной деятельности, требовавшей предприимчивости, инициативы, борьбы за жизнь в новых неведомых условиях и пр.; 4) вызванная отсутствием земства и иных общественных форм управления большая стесненность действий крестьян бюрократической системой управления, включающей в свою компетенцию всю область экономического и финансового "попечения" о крестьянах[5].

Эти особенности нашли отражение в программных установках сибирских отделов партии народной свободы, придав им местный колорит. Так, специ-

---

[1] См.: Сибирская жизнь. 1907. 18 июля.

[2] Сибирские депутаты в Государственной Думе // Сибирские вопросы. 1908. № 41-42. С.57.

[3] Если в Европейской России удельный вес городского населения составлял 11,4 %, то в Сибири - едва достигал 8%. См.: Соболев М. К вопросу о реформе крестьянского управления ... С.1.

[4] Там же.

[5] Там же. С.2, 3.

фика земельных отношений в регионе предопределила решимость кадетов добиваться передачи кабинетских земель в руки крестьян и изменения пользования лесами в интересах крестьянства[1]. В развернутом виде комплекс планируемых мер по изменению системы лесопользования был представлен в программе красноярской организации. Программа предусматривала обеспечение "вполне" населения лесными наделами для удовлетворения потребностей в топливе и строительном материале. До отвода лесных наделов предполагалось разрешить населению пользоваться казенными лесами для своих нужд бесплатно и беспрепятственно[2].

Не обошли вниманием сибирские кадеты и проблему регулирования арендных отношений. Основными направлениями в ее решении им представлялись широкое законодательное вмешательство государства, ограничение арендных цен и улучшение положения арендаторов[3]. Кадеты Иркутска, имея в виду конечную цель аграрной политики в России - национализацию земли, предлагали не только предоставить арендатору возможность пользоваться продуктами своего труда, но и облегчить переход ему арендуемой земли на правах пользования[4]. Однако конкретного механизма упорядочения арендных отношений сибиряки не предлагали. Не включали они в свои программные документы и соответствующие положения общепартийной программы, хотя таковые должны были представлять несомненный интерес в условиях доминирования в крае системы землепользования на правах наследственной аренды.

Лучшая в сравнении с Европейской Россией обеспеченность крестьянства в Сибири землей позволяла кадетам тешить себя сознанием того, что "земельный вопрос благодаря простору имеет для сибирского крестьянина второстепенное значение"[5]. Это обусловило выделение ими в региональной постановке аграрной проблемы аспектов, связанных прежде всего с упорядочением самой системы землепользования. Так, кадеты Томска указывали: "Для крестьян Сибири важно водворить порядок в запутанные земельные отношения разных общин и волостей, устранить некоторые формы захватного землепользования, уничтожить возможность переселения посторонних лиц помимо воли общества и т. д."[6]

---

[1] Соболев М.Н. Интересы трудящихся и партия народной свободы ...

[2] Местная программа, выработанная красноярским комитетом ... Л.1; Чего хочет партия народной свободы. Красноярск, 1906 ... Л.6.

[3] Простое слово к избирателям ...; От местного комитета партии народной свободы ...

[4] Восточное обозрение. 1905. 2 дек.

[5] Сибирская жизнь. 1906. 24 янв.

[6] Там же.

Независимость характера сибирских земледельцев, их психологическая предрасположенность к большей самостоятельности, развитое чувство личного достоинства придавали местных кадетам уверенности в отстаивании требования ликвидации феодально-крепостнических пережитков. Они настаивали на уничтожении круговой поруки и натуральных повинностей (дорожной, ямской и пр.), облегчении податного бремени, уравнении крестьян в правах с остальным населением, устранении чиновничьей опеки над ними, отмене института крестьянских начальников[1]. Возможности улучшения положения крестьянства связывались в программных установках кадетов с обеспечением дешевым кредитом и хорошим семенным фондом, распространением агрономических знаний, устройством показательных полей, отменой пошлин на земледельческие орудия и удобрения, организацией сельскохозяйственных обществ, товариществ, артелей, кооперативов, сельских народных банков и ссудосберегательных касс, введением всеобщего обучения крестьянского населения и т.п.[2] Основной же организационной структурой, способной решить подобные задачи, местным отделам партии народной свободы представлялось земское самоуправление[3]. Постановка проблемы введения земства в Сибири в качестве одной из первоочередных задач реформы в интересах крестьянства также определяла местную специфику позиций кадетов по аграрному вопросу.

Таким образом, намечавшиеся сибирскими кадетами меры по улучшению положения крестьянства края не выходили за рамки общепартийной аграрной программы. Оттеняя особенности регионального статуса крестьянина, они давали дополнительный импульс для обретения им роли самостоятельного субъекта общественной жизни и экономических отношений.

Кадеты Сибири были убеждены в приоритетности аграрных проблем в перечне насущных для края социальных реформ. Основанием такой позиции служила специфика региональной социально-экономической структуры. Эта специфика воспринималась одновременно и как показатель беспочвенности предлагавшихся РСДРП вариантов решения социальных проблем с присущим им акцентом на интересы фабрично-заводского населения. Заявляя в преддверии выборов III Государственной думы об отсутствии разумных доводов в пользу избрания социал-демократов в качестве представителей от сибирского

---

[1] Соболев М. Интересы трудящихся и партия народной свободы...; местная программа, выработанная красноярским комитетом ... Л.1; Чего хочет партия народной свободы. Красноярск, 1906... Л.6.

[2] О крестьянских нуждах. Листок томского отдела ... Л.35; Простое слово к избирателям ...; Сибирская жизнь. 1906. 24 янв; Программа свободной народной партии. Красноярск ...; Восточное обозрение. 1905. 2 дек.

[3] Сибирская жизнь. 1906. 24 янв.; 1910. 5 сент; 21 ноября; О крестьянских нуждах. Листок томского отдела ...Л.35.

населения, кадеты Томска ссылались на аргументацию областника П.Головачева. Им, по-видимому, импонировали его рассуждения по поводу того, что Сибирь не является фабрично-заводской страной и, не имея местной промышленности, едва перейдя от натурального хозяйства к рыночному, не приемлет путь социальной революции, предполагающей отказ от частной собственности на средства производства и обращения. Невозможность "планомерной организации общественно-производственного процесса" обосновывалась ничтожным удельным весом этих "средств" в общей хозяйственной жизни края, скудостью собственной промышленности региона, получающего фабрично-заводскую продукцию преимущественно из Европейской России, а также психологическими особенностями местного рабочего класса, формирующегося из крестьян-индивидуалистов и потому не приемлющего идею обобществления орудий производства и результатов труда[1]. В качестве наиболее реальной альтернативы социал-демократическим проектам кадеты предлагали "проведение социальных реформ на широких демократических началах" в рамках утверждения правового строя[2].

В таком контексте рабочий вопрос приобретал двоякое звучание. Его решение связывалось, с одной стороны, с созданием гарантий гражданских прав рабочих, а с другой - с обеспечением достойного экономического уровня существования. Подчеркивая взаимосвязь двух аспектов рабочего вопроса, кадеты Минусинска отмечали :"... только при полной свободе гражданина рабочего, а также его материальной обеспеченности может создаться тот производительный рабочий, тот политически высокий тип, которого видят у себя цивилизованные страны Америка, Австралия, Англия и др."[3] Тот же подход к решению рабочего вопроса был зафиксирован и в предвыборном обращении кадетов Красноярска к избирателям I Государственной думы: "Рабочие должны быть поставлены в такие условия, чтобы иметь возможность отстаивать свои интересы ... и иметь достаточно отдыха и возможность жить по-человечески"[4]. Не ограничивались перечнем требований по улучшению социально-экономического положения рабочих в своей программе и кадеты Томска. Подобно минусинцам и красноярцам, на первый план они выносили проблему обеспечения гражданских прав трудящихся посредством государственной охраны от злоупотреблений предпринимателей и хозяев, а также предос-

---

[1] Сибирская жизнь. 1907. 18 июля.

[2] Там же.

[3] За что стоит партия народной свободы? Листовка минусинского отдела ... Л.1.

[4] ЦХИДНИКК. Ф.64. Оп.10. Д.9. Л.1.

тавления самим трудящимся "законного права своими средствами отстаивать свои насущные нужды"[1].

Таким образом, в самой постановке кадетами Сибири рабочего вопроса явно обозначилось намерение отказаться от общепринятой системы ценностей российской радикальной интеллигенции, от того традиционного миросозерцания, основные черты которого "веховцы" определяли как "нигилистический утилитаризм", подразумевавший в качестве единственной цели служение материальным интересам народа, и "противокультурная тенденция", проявлявшаяся в стремлении свести к минимуму высшие потребности во имя всеобщего равенства и солидарности.

Считая первоочередной задачей в решении рабочего вопроса создание "благоприятных условий для развития самодеятельности рабочих"[2], сибирские кадеты поддерживали комплекс соответствующих мер, включенных в общепартийную программу. В их программных документах содержались требования свободы рабочих союзов и собраний, права стачек, широкого и свободного развития рабочих организаций, "преследующих цели экономической самозащиты", распространения рабочего законодательства и независимой инспекции на все виды наемного труда, участия выборных от служащих и рабочих в надзоре за охраною труда, установления уголовной ответственности за нарушение законов об охране труда[3].

Особое внимание обращалось на создание правовой основы для охраны интересов труда[4]. Красноярский отдел партии народной свободы, например, формулируя требования по рабочему вопросу, подчеркивал необходимость обеспечения законодательных гарантий права стачек и свободы рабочих союзов и собраний[5]. При этом признание таких прав и свобод законными средствами защиты интересов труда предполагало в обязательном порядке их "культурный" характер и использование исключительно в качестве "способов мирной экономической борьбы на рынке за лучшие условия труда"[6]. Омское бюро партии требование предоставить рабочим право объединения в союзы и

---

[1] К служащим в торгово-промышленных заведениях и ко всем представителям труда // Народные нужды. 1906. 17 марта.

[2] Программа свободной народной партии. Красноярск ... Л.1.

[3] Там же; За что стоит партия народной свободы? Листовка минусинского отдела ...Л.1; К служащим в торгово-промышленных заведениях ...; Программа томского отдела партии народной свободы ... Л.31; Восточное обозрение. 1905. 8 дек.

[4] См.: Восточное обозрение. 1905. 8 дек.

[5] Чего хочет партия народной свободы. Красноярск ... Л.6.

[6] Там же; Соболев М. Интересы трудящихся и партия народной свободы ...

общества, организации стачек сопровождало оговоркой: "Лишь бы они не сопровождались буйством и разгромами"[1].

Осознание высокой степени вероятности трансформации законных, "культурных и мирных" способов защиты интересов труда в российских условиях начала XX в. в радикальный и даже экстремистский вариант противодействия интересам капитала побуждало кадетов рассматривать стачки лишь как "крайнее средство в борьбе рабочих за свои права"[2]. Стремлением к их предотвращению были продиктованы программные требования улучшения социально-экономического положения трудящихся. Набор соответствующих мер, был в основном аналогичен содержавшемуся в общепартийной программе (охрана труда женщин и детей, введение государственного страхования на случай смерти, увечья, болезни, несчастных случаев и профессиональных заболеваний, старости и неспособности к труду)[3]. Выдвигали сибиряки и практические предложения по смягчению остроты рабочего вопроса в регионе: организация общественных работ, денежная помощь, устройство столовых, создание комитетов помощи безработным; подготовка и издание особых правил об условиях найма рыбопромышленных рабочих в Сибири с целью ограничения непомерной эксплуатации, являвшейся результатом отсутствия как законодательной, так и административной регламентации трудовых отношений в этой сфере и т.п.[4].

В качестве одной из первоочередных задач рабочего законодательства кадеты рассматривали регулирование продолжительности рабочего дня. Формулировка этого положения кадетами Иркутска, Красноярска, Омска полностью соответствовала общепартийному требованию и предполагала введение законодательным путем 8-часового рабочего дня немедленно там, где это возможно, и постепенное осуществление такой нормы в остальных производствах[5]. Особенностью программных документов томского и минусинского отделов партии являлось отсутствие фразы "где это возможно", имевшей огра-

---

[1] Объяснения к требованиям партии народной свободы. Омск ... Л.30.

[2] Простое слово к избирателям ...

[3] Программа свободной народной партии. Красноярск ... Л.1; Программа томского отдела партии народной свободы ... Л.31; За что стоит партия народной свободы? Листовка минусинского отдела ... Л.1; Чего хочет партия народной свободы. Омское бюро партии ...Л.34; От местного комитета партии народной свободы ...

[4] Чего хочет партия народной свободы. Красноярск ... Л.6,7; Красноярец. 1907. 27 марта; Сибирская жизнь. 1907. 6 ноября; 1911. 3 мая.

[5] От местного комитета партии народной свободы ...; Программа свободной народной партии Красноярск ...; Чего хочет партия народной свободы. Омское бюро ... Л.34.

ничительный характер[1]. На страницах иркутских газет прокадетской ориентации высказывалось мнение о возможности и необходимости законодательного введения 8-часового рабочего дня в торговле, промышленности и на промыслах всей России. Такой закон, с точки зрения иркутян, позволял обеспечить необходимый отдых рабочему и в то же время значительное повышение производительности труда[2].

В индивидуальных высказываниях сибирских кадетов по вопросу о продолжительности рабочего дня можно обнаружить и отклонения "вправо" от общепартийной формулировки. Так, член комитета омской кадетской организации Вереденко на партийном собрании отстаивал мнение о невозможности введения в России 8-часового рабочего дня ввиду низкого уровня развития промышленности[3]. Иркутский кадет Турицын на заседании комиссии по нормировке труда признал вполне нормальным установление 10-часового торгового дня[4].

Дополнительным средством предупреждения стачек, по замыслу кадетов, должны были стать примирительные камеры, формируемые на паритетных началах из представителей труда и капитала для нормировки отношений найма, не урегулированных рабочим законодательством, и разрешения конфликтов между рабочими и предпринимателями. Соответствующее общепартийное требование имелось в программных документах всех кадетских организаций Сибири.

Некоторые представители местных кадетов предпринимали поиск компромисса между рабочими и служащими, с одной стороны, и предпринимателями, с другой, непосредственно участвуя в деятельности третейских судов и смешанных комиссий. Например, красноярские кадеты П.И.Гадалов, П.К. Гудков, Н.А.Шепетковский являлись членами третейского суда при союзе служащих в торговых заведениях, П.И.Гадалов и Д.Ф.Раззоренов - членами третейского суда при обществе приказчиков[5]. На заседании красноярской городской думы в марте 1907 г. в качестве представителей от города кадеты А.Д.Жилин, П.Ф.Иорданский, В.И.Корнаков и Д.Е.Лаппо были избраны членами смешанной комиссии торгово-промышленников и их служащих, а И.И.Синявин - кандидатом в члены комиссии владельцев и служащих ремес-

---

[1] Программа томского отдела партии народной свободы ... Л.31; К выборам в Государственную Думу. Листок томского отдела ...Л.30; За что стоит партия народной свободы? Листовка минусинского отдела ... Л.1.

[2] Восточное обозрение. 1905. 8 дек.; Сибирь. 1912. 26 авг.

[3] Степной голос. 1906. 11 мая.

[4] Сибирская заря. 1907. 17 апр.

[5] Голос Сибири. 1906. 14 мая; 20 ноября.

ленных заведений[1]. Гласные городской думы Томска кадеты А.А.Грацианов и Е.Л.Зубашев в феврале 1910 г. вошли в состав смешанной комиссии для пересмотра обязательных постановлений о нормальном отдыхе служащих в торговых заведениях, складах и конторах[2].

Деятельность в посреднических учреждениях поставила кадетов перед серьезными проблемами практического плана. С одной стороны, представители трудящихся видели в них небеспристрастных уполномоченных "имущего класса" и не могли преодолеть собственного изначально конфронтационного настроя[3]. С другой стороны, предприниматели, как правило, манкировали своими обязанностями членов смешанных комиссий, не придавая их деятельности серьезного значения[4]. Отсутствие как у представителей труда, так и у представителей капитала подлинной заинтересованности в поисках компромисса, недостаток культуры и опыта участия в посреднических организациях ставили под сомнение надежды кадетов на возможность урегулирования производственных конфликтов в гражданской сфере. К тому же и сам механизм функционирования примирительных учреждений не был проработан либералами в достаточной степени. Так, красноярский кадет золотопромышленник А.А.Саввиных, выступая весной 1907 г. в Петербурге на съезде золото- и платинопромышленников Сибири и Европейской России, внес предложение включить в состав местных съездов помимо представителей от промышленников также делегатов рабочих, служащих, торговцев и других лиц, проживающих на промыслах, но оставил открытым принципиальный вопрос о системе и нормах представительства и о процедуре голосования[5].

Все же, несмотря на трудности практической реализации идеала социального консенсуса, кадеты не оставляли попыток по созданию его культурно-правового фундамента. Стремлением приобщить рабочих к использованию цивилизованных, легитимных средств урегулирования производственных конфликтов было проникнуто выступление И.А.Малиновского в качестве представителя правления Сибирского товарищества печатного дела на заседании третейского суда по вопросу о состоявшейся в июле 1907 г. забастовке

---

[1] Журнал заседания красноярской городской думы 7-9 марта 1907 г //ГАКК. Ф.173. Оп.1. Д.2397. Л.124.

[2] Журналы Томской городской думы за 1910 год // ГАТО.Ф.127. Оп.1. Д.2959. Л.137.

[3] См.: Красноярец. 1907. 30 мая.

[4] См.: Журналы томской городской думы за 1910 год ... Л.714, 715.

[5] См.: Романов Ф. Сибирь на всероссийском съезде золотопромышленников // Сибирские вопросы. 1907. № 5. С.14, 15.

рабочих типографии Товарищества[1]. Вину и вместе с тем ошибку рабочих И.А.Малиновский видел в том, что они "с легким сердцем прибегнули к самому страшному и крайнему средству - к забастовке". Причиной столь "необдуманного шага" послужило, по его мнению, "недостаточно сознательное отношение к своим интересам со стороны рабочих". Резолюции забастовщиков о восстановлении на работе уволенных, об удовлетворении ходатайства типографских учеников о бесплатном получении газеты "Сибирская жизнь" И.А.Малиновский расценивал как "акты произвола", игнорирующие права администрации типографии, без согласия которой постановления такого рода не могут быть приведены в исполнение. Фактически его речь оказалась выдержана в тоне пропаганды программных установок кадетской партии по рабочему вопросу. "Многолетняя история рабочего движения, - заявил профессор, - привела к установлению бесспорных аксиом: что забастовка - крайнее средство, что необходимо как можно скорее улаживать забастовки, что в культурных странах забастовка все чаще и чаще уступает место мирным переговорам и соглашениям, что третейский суд является лучшим способом для улаживания конфликтов между рабочими и предпринимателями. Все эти аксиомы чужды рабочим С.Т.П.Д."[2]. Высказываясь за вынесение приговора в пользу Товарищества, И.А.Малиновский мотивировал свою позицию не только необходимостью "торжества отвлеченной идеи справедливости", но и конкретной целью, каковой ему представлялось благо самих рабочих. Последнее он в соответствии с идеологией кадетской партии усматривал в предотвращении конфликтов в будущем. В заключение своей речи И.А.Малиновский подчеркнул:"...приговор, оправдывающий произвольные, неосмотрительные и необдуманные действия рабочих, внесет большую деморализацию в их среду и неминуемо поведет к новым осложнениям и столкновениям"[3].

Основным центром притяжения внимания кадетов, ратовавших за правовую регламентацию социальных отношений, являлась проблема совершенствования рабочего законодательства. Призывая трудящихся вести "игру по правилам", предусмотренным цивилизованными формами регулирования производственных конфликтов, они не забывали о том, что сама природа со-

---

[1] 3 июля правление Товарищества постановило уволить пять рабочих за пьянство. 6 июля рабочие объявили забастовку, потребовав вернуть уволенных. См.: Сибирская жизнь. 1907. 31 авг.

[2] Там же.

[3] Там же. Впрочем, предостережение И.А.Малиновского по поводу недопустимости создания прецедентов, стимулирующих радикальные действия рабочих, третейский суд оставил без внимания, постановив возложить ответственность за забастовку на правление Товарищества и обязав его выплатить рабочим заработную плату "за все забастовочное время".

циального компромисса предполагает взаимные уступки сторон. Позиция кадетов Сибири по конкретным проблемам рабочего законодательства во многом была продиктована, по выражению Н.В.Некрасова, стремлением "не наклонить чашу весов и без того тяготеющих в силу социальных отношений на сторону предпринимателей ... в ту же сторону еще больше", сделать проекты по возможности более приемлемыми для демократических слоев населения[1].

В этой связи острие критики кадетов оказалось направленным на правительственные законопроекты по рабочему вопросу, представлявшиеся им неудовлетворительными из-за "огромных уступок интересам промышленников". Как иллюстрацию господства узкоклассовых интересов воспринимали они, в частности, законопроект, возлагавший обязанность лечить последствия мелких увечий ("что во всех странах составляет сферу страхования на случай несчастий и есть обязанность предпринимателей") на больничные кассы и предусматривавший тем самым лечение преимущественно за счет средств самих рабочих[2]. Само по себе положение обсуждавшегося в апреле 1911 г. в Государственной думе законопроекта о государственном страховании рабочих, предполагавшее обязанность не только фабрикантов, но и рабочих участвовать в содержании больничных касс, вызывало недовольство кадетов Томска. В редакционной статье их печатного органа отмечалось: "С такой постановкой дела нельзя согласиться, так как главная масса болезней вызывается неблагоприятными условиями труда рабочих в промышленных заведениях, поэтому и расходы по лечению должны составить своего рода издержки производства этих заведений"[3].

Считая, что совершенство социального закона находится в прямой зависимости от того, насколько широкий круг лиц данного класса он втягивает в свою орбиту, кадеты были убеждены в необходимости отмены ограничений, предусматривавшихся законопроектом о страховании рабочих от несчастных случаев[4]. "Закон о страховании должен быть распространен на всех без исключения рабочих людей всех без исключения предприятий", - подчеркивалось в редакционной статье газеты "Сибирская жизнь"[5]. Такая мера представлялась вполне целесообразной и с точки зрения интересов предпринимателей, поскольку "чем шире круг предприятий, охватываемых законом, тем меньше риска будут нести фабриканты и заводчики, т.е. владельцы наиболее

---

[1] Речь. 1910. 5 апр.; 1912. 10 апр.

[2] Сибирская жизнь. 1911. 23 апр.

[3] Сибирская жизнь. 1911. 23 апр.

[4] Законопроект предполагал, в частности, распространение действия закона лишь на Европейскую Россию, Тифлисскую и Бакинскую губернии. См.: Сибирская жизнь. 1911. 22 окт.

[5] Там же.

опасных предприятий, на которые почти исключительно распространяется новый проект"[1].

Шокирующее впечатление на кадетов Сибири произвели события на Ленских приисках. На страницах кадетской печати они расценивались как "ужасная катастрофа", трагедия. Подчеркивая, что забастовка имела чисто экономический характер, протекала мирно, без эксцессов и была связана с выдвижением рабочими безусловно справедливых требований обеспечить человеческое существование, кадеты всю ответственность за ее роковой исход возлагали на администрацию Лензото[2]. Ленский расстрел укрепил их в сознании необходимости " культурных приемов управления" не только на государственном уровне, но и в рамках отдельных предприятий и хозяйств[3].

В целом, позиции кадетов по рабочему вопросу имели в своей основе установку на европеизацию системы взаимоотношений труда и капитала, ликвидацию отставания российского социального законодательства в плане их регламентации от западноевропейского. Однако, если теоретики и политические лидеры местных отделов партии народной свободы твердо отстаивали программные положения по рабочему вопросу, то рядовые члены в своей предпринимательской деятельности нередко руководствовались узкопрагматическими соображениями, характерными для доминировавшей в Сибири буржуазии "октябристского" типа с ее склонностью к использованию методов первоначального накопления капитала.

Красноярский кадет А.А.Саввиных на I Всероссийском съезде золото- и платинопромышленников выступил против причисления золотничников, работавших самостоятельно на арендованной у владельца части прииска, к рабочим, поскольку в этом случае владелец прииска должен был обеспечить их жилищем, лечить за свой счет, отвечать за производственные увечья и т.д. Саввиных прямо заявил, что строить казармы по всем правилам гигиены для временно приходящих лиц никакому промышленнику невыгодно [4]. Профессора Томского технологического института, кадеты Кощурников и Хомич, взяв подряд по постройке служб на участке Сибирской железной дороги, не платили рабочим, вынуждая их голодать[5]. Не останавливались кадеты и перед вмешательством в личную жизнь рабочих и служащих. Так, член кадетской партии, владелец магазина в Ачинске Бородавкин запрещал приказчи-

---

[1] Сибирская жизнь. 1911. 26 окт.

[2] Речь. 1912. 10 апр.; Сибирь. 1912. 10 апр.; 13 апр.; 14 апр.; 15 апр.; Сибирская жизнь. 1912. 14 апр.

[3] См.: Сибирская жизнь. 1912. 14 апр.; Сибирь. 1912. 20 апр.

[4] Сибирская жизнь. 1906. 18 янв.

[5] Краткий очерк деятельности профессоров и студентов Томского технологического института императора Николая II на поприще "освободительного движения" 1901-1911 гг. Томск, 1911. С.140.

кам, жившим в квартире при магазине, выходить без особого на то разрешения из дома после 8 часов вечера. Неповиновение хозяину влекло за собой увольнение с работы. В целях экономии Бородавкин, несмотря на холодную погоду, не позволял топить квартиру, в которой по его милости приказчики вынуждены были проводить фактически все свободное от работы время[1].

Таким образом, далеко не все члены сибирских кадетских организаций принимали партийные установки как руководство к действию. Личный предпринимательский интерес зачастую оказывался сильнее желания соответствовать роли защитников рабочего класса, на которую кадеты претендовали.

Вместе с тем сами по себе проекты социально-экономических преобразований, предлагавшиеся кадетскими идеологами, отличались внутренней цельностью. Общий контекст решения аграрного и рабочего вопросов определялся представлениями кадетов о характере и направленности процесса экономического развития России, а также о мерах по его стимулированию. Социальные проблемы, их острота напрямую связывались с состоянием отечественной экономики, которое кадетские теоретики оценивали как весьма плачевное.

Выступая в январе 1913 г. с докладом в томском обществе практических врачей, Н.Я.Новомбергский с горечью констатировал: "Россия - редкий пример народа с тяжким надрывом сил. Это порождает неслыханно низкую в Западной Европе расценку народного труда, что в свою очередь увеличивает трудовой надрыв ... Экономическая мощь России далеко не соответствует общей величине ее населения. При настоящих условиях Россия - богатырь на глиняных ногах"[2]. Материальная бедность, духовная нищета, нравственная опустошенность рассматривались профессором как симптомы вырождения русского народа. К числу экономических причин этого процесса он относил: бесплановое ведение государственного хозяйства; убыточность железных дорог и казенных горных заводов; хищничество в лесном и нефтяном хозяйстве; таможенную политику, препятствующую развитию покупательных сил населения; податную и налоговую системы, "как бы нарочито созданные для истощения крестьянства и других непривилегированных классов"; "пьяный" бюджет государства. Проявления государственной бесхозяйственности в совокупности с общими политическими условиями и предопределяли, с точки зрения Н.Я.Новомбергского, вялое движение экономической жизни[3].

Кадеты были убеждены в неспособности правительственной экономической политики вызвать сочувствие широких масс. По мнению М.Н.Соболева, чрезмерный протекционизм, находивший проявление в охранительной тамо-

---

[1] Голос Сибири. 1906. 2 июня.

[2] Новомбергский Н.Я. По пути к вырождению. Социально-гигиенические очерки. Спб., 1913. С.11, 12.

[3] Там же. С.12, 13.

женной системе, покровительственных льготах и преимуществах для отечественной промышленности (в виде субсидий государственной казны, казенных заказов, ссуд из государственного банка, правительственных гарантий в железнодорожном строительстве и пр.), в противодействии развитию рабочего законодательства и введению подоходного налога и т.д. и т.п., подрывал благосостояние не только бедных, но и состоятельных слоев населения. Единственно возможным средством сохранения позиций на внутреннем рынке для отечественной промышленной буржуазии профессор считал обращение "к приемам более трудным, но более целесообразным с точки зрения интереса народного хозяйства, именно к техническим усовершенствованиям и к возвышению производительности труда"[1].

В качестве основного рычага изменения характера правительственной экономической политики программа партии народной свободы предлагала меры финансового порядка: уничтожение непроизводительных государственных расходов и увеличение затрат государства на действительные нужды народа; отмену выкупных платежей; развитие прямого обложения на счет косвенного и постепенную отмену косвенных налогов на предметы потребления народных масс; реформу прямых налогов на основе прогрессивного подоходного и поимущественного обложения; понижение таможенных пошлин "в видах удешевления предметов народного потребления и технического подъема промышленности и земледелия"; обращение средств сберегательных касс на развитие мелкого кредита[2]. Степень полноты воспроизводства этих требований в программных документах сибирских отделов партии была различной. Однако их социальный смысл местные кадеты уловили точно. Усматривая первоочередную задачу финансовой политики в "переложении податных тягот с малоимущей трудящейся массы на достаточные классы населения", "справедливой раскладке налогов и податей", основной акцент они делали на замене косвенных налогов прогрессивно-подоходным[3].

Особую озабоченность кадеты проявляли в связи с состоянием экономики региона. Считая общий подъем производительных сил Сибири назревшей потребностью, основное препятствие на его пути они видели в антагонистическом характере экономических отношений края с Европейской Россией, в том, что "интересы окраины нерасчетливо приносятся в жертву привилегированному меньшинству метрополии"[4]. Экономическое положение Сибири, вы-

---

[1] Соболев М.Н. Экономические интересы и группировка политических партий в России. М., 1906. С.25-27.

[2] Полный сборник платформ ... С 64.

[3] Программа свободной народной партии. Красноярск... ; Чего хочет партия народной свободы. Красноярск ... Л.7; Простое слово к избирателям ...; О крестьянских нуждах ... Л.35.

[4] Сибирская жизнь. 1912. 6 янв.; 25 сент.

ступавшей исключительно в роли поставщика сырья и рынка сбыта фабрикатов из Европейской России, воспринималось кадетами как свидетельство ее полуколониального статуса. Суть его М.И.Боголепов выразил в лаконичной формуле: "Дешевое сырье и дорогие фабрикаты и, как следствие, торговое рабство"[1].

Провозгласив лозунгом Сибири экономическую независимость, местные кадеты наметили общие контуры его практического осуществления. Приоритетное значение, на их взгляд, имели отмена искусственных преград тарифного характера и обеспечение возможности свободного товарообмена между Сибирью и Европейской Россией[2]. Конкретизируя эту задачу применительно к экономическим интересам Енисейской губернии, красноярский комитет партии выдвинул в своей программе требование открыть беспошлинный ввоз иностранных товаров через устье реки Енисей с целью удешевления привозных товаров, улучшения и увеличения сбыта местной продукции, что в свою очередь должно было привести к оживлению и экономическому подъему обширного Севера губернии, развитию промышленности всей губернии и росту благосостояния ее населения[3].

Наряду с "правильным" разрешением таможенного и тарифного вопросов, предпосылками развития сибирской промышленности, по мнению кадетов, должно было стать развитие путей сообщения и облегчение доступа сибирского сырья на внешние рынки. Обращали они внимание и на необходимость устранения препятствий правового характера для промышленного развития региона, заключавшихся, в частности, в отсутствии у сибирских предпринимателей возможности приобретения вне города земель под предприятия на правах полной собственности или хотя бы долгосрочной аренды. Результатом этой "вопиющей ненормальности", по выражению Н.В.Некрасова, являлись "крайняя непрочность торговых и промышленных предприятий, устроенных на чужой земле, и полная зависимость их от случайных настроений хозяев земли, будь то крестьяне или правительственные чиновники"[4]. Неодобрительно относясь к правительственной политике насаждения в Сибири частной земельной собственности, Н.В.Некрасов полагал вполне достаточным для удовлетворения нужд промышленности пойти путем "частичных изъятий"[5].

И все же кадеты Сибири не замыкались в узком кругу потребностей региональной экономики. Более того, им было присуще стремление к постановке концептуальных по своей сути стратегических проблем экономического

---

[1] Сибирская жизнь. 1912. 25 сент.

[2] Речь. 1908. 30 марта.

[3] Местная программа, выработанная красноярским комитетом ... Л.1; Чего хочет партия народной свободы. Красноярск ... Л.7.

[4] Некрасов Н.В. Письма о национальностях и областях ... С.29-31.

[5] Там же. С.31.

развития. Так, минусинский отдел партии народной свободы, включив в программу либеральный принцип неприкосновенности частной собственности, выводил из него требование свободы торговли и промышленности[1]. Исходя из того, что "только при свободной конкуренции производится и предлагается на рынок достаточное количество товаров", "только при свободной торговле и свободном соревновании народ может получить дешевые и вполне доброкачественные товары", минусинцы допускали возможность ограничения свободы хозяйственной деятельности лишь в случаях явного злоупотребления[2].

Если представления кадетов Минусинска о путях и характере экономического развития России основывались на принципе незыблемости частнособственнических порядков, то их собратьям по партии в Иркутске и Томске рисовались иные перспективы. В редакционной статье газеты иркутских либералов "Восточное обозрение" отмечалось, что комплекс намеченных конституционно-демократической партией мер по решению рабочего вопроса "ставит эволюцию улучшения быта рабочих в такие условия, при которых возможен постепенный переход к коллективному хозяйству"[3].Томский комитет партии народной свободы предлагал в разделе программы по рабочему вопросу указать, "что она (партия - О.Х.) не враждебна процессу социализации производства и будет поддерживать те реформы, которые будут совершаться в духе эволюции в сторону социализма"[4]. Проявляя последовательность в отстаивании предложенной идеи, кадеты Томска включили в программу своего отдела следующее положение: "Принимая во внимание, что экономическая жизнь идет в направлении развития общественных форм хозяйства, партия ставит своей задачей содействовать умножению государственных, муниципальных и иных общественных предприятий, а равно вообще развитию общественного хозяйства"[5].

По-видимому, можно согласиться с оценкой Е.Д.Черменским положительного отношения томских кадетов к идее социализации производства как показателя их более левых позиций по сравнению с официальной линией партии[6]. Вместе с тем подобные настроения в партии народной свободы не являлись уникальными. По словам А.С.Изгоева, кадетов, среди которых всегда было немало сторонников социалистической идеи, от партий социал-демократов и эсеров "отделяет не идеал, а отношение к насилию, которое

---

[1] За что стоит партия народной свободы? Листовка минусинского отдела ... Л.1.

[2] Там же.

[3] Восточное обозрение. 1905. 8 дек.

[4] Письмо М.Н.Соболева на Всероссийский съезд ... Л.17.

[5] Программа томского отдела партии народной свободы ... Л.31.

[6] Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С.169.

можно употребить для осуществления этого идеала, а потому партия народной свободы "признает все социальные реформы, осуществляемые законным путем по воле большинства населения, хотя бы реформы шли вплоть до установления строя, основанного на обобществлении созревших для этого средств производства"[1].

Не случайным в этой связи выглядит и заявление П.Н.Милюкова:"...для социалистов, примкнувших к партии к.-д., вопрос о демократической республике, социализации производства, национализации земли и др. не имеют характера практической политики"[2]. Примечательно то, что кадеты Томска нашли необходимым опубликовать это заявление в своем печатном органе без каких бы то ни было комментариев. Тем самым они косвенно выразили согласие на трактовку процесса социализации производства как перспективного направления экономического развития. Подтверждением именно такой трактовки служит и провозглашенное ими намерение поддерживать лишь те реформы, которые отвечают духу эволюции в сторону социализма. Таким образом, в постановке стратегических проблем экономического развития кадеты Томска фактически выступали продолжателями традиции, идейные основы которой были заложены в российском либерализме легальными марксистами, отстаивавшими идеи эволюционного социализма.

В целом, поддерживая требования общепартийной программы, кадеты Сибири проявляли и определенную самостоятельность в поиске вариантов модернизации социально-экономических отношений. При этом в их позициях проявилась специфика двоякого рода. С одной стороны, особенности экономического развития Сибири обусловили обращение кадетов к разработке комплекса мер регионального характера, что придало соответствующий колорит их программным документам. С другой стороны, установки местных кадетских организаций по проблемам социально-экономического развития нередко отличал больший (по сравнению с официальной линией партии) радикализм. Его проявлениями можно считать предложения использовать трудовую норму при определении размеров крестьянского землепользования, осуществлять выкуп частновладельческих земель за счет имущих классов, обеспечить участие крестьян в определении размеров выкупа. Апогеем же левизны сибиряков стала поддержка идей национализации земли и социализации производства как отражающих цели долгосрочного перспективного развития экономики на началах постепенности и эволюции. Основными факторами, предопределившими такого рода отклонения "влево" от официальной программы партии со стороны сибирских кадетов, являлись, по-видимому, особенности социальной базы местных отделов, связанные с отсутствием в ней консервативно-помещичьего элемента, а также логика политической конку-

---

[1] Вестник партии народной свободы. 1917. № 1. С.9.

[2] Сибирская жизнь. 1906. 18 янв.

ренции, заставлявшая провинциалов чутко реагировать на изменения умонастроений населения. В силу этих причин в проектах модернизации социально-экономических отношений, предлагавшихся кадетами Сибири, довольно отчетливо ощущается дух неолиберализма с присущими ему частичными заимствованиями у марксизма и социал-демократии.

Гораздо ортодоксальнее с точки зрения классического либерализма выглядел октябристский вариант решения социально-экономических проблем. В постановке аграрного и рабочего вопросов деятели "Союза 17 октября" исходили из того, что труд рабочих и крестьян является источником благосостояния и условием процветания государства и всего русского населения, а потому справедливость требует обеспечить трудящимся условия для достижения современного культурного уровня[1].

Аграрную программу "Союза 17 октября" местные октябристы воспринимали как убедительное свидетельство защиты интересов крестьянства[2]. Однако от детального воспроизведения соответствующих положений общепартийной программы в своих программных документах они предпочли воздержаться. Политическая конъюнктура побуждала их к поиску лаконичных и созвучных интересам масс формулировок, а дистанция, отделявшая региональные отделы от "большой политики", позволяла им обходить "частности", связанные с проработкой механизма реализации выдвигавшихся лозунгов. Октябристы Томска, например, ограничились в своей программе следующей констатацией: "Необходимо в первую очередь - улучшение положения крестьян, как-то: обеспечение их землей, уменьшение податей, устранение административной опеки и уравнение в правах с остальными классами населения"[3]. Заявление, с которым обратился в предвыборном воззвании к населению красноярский "Союз мира и порядка", отличалось еще большей лаконичностью: "Самое главное - благосостояние крестьян, увеличение земельного надела"[4].

Соображения тактического порядка, по-видимому, повлияли и на позицию деятелей тобольского отделения партии центра, которые предпочли позаимствовать положения аграрной программы у кадетов[5]. Вполне возможно, что в этом проявилась несколько большая, чем допускала программа "Союза 17 октября", оппозиционность. Однако нельзя забывать, что признание вслед за кадетами необходимости отчуждения "в потребных размерах" частновладельческих земель и отказ от оговорок, сопровождавших соответствующее

---

[1] Речь профессора И.Г.Табашникова ...

[2] См.: Гурьев Н. Аграрная программа "Союза 17 октября" // Время. 1907. 6 июня.

[3] Томский отдел "Союза 17 октября" ... Программа ...

[4] Время. 1906. 16 апр.

[5] См.: Программа тобольского отделения партии центра ...

положение в программе "Союза 17 октября", были существенно облегчены для тобольской организации фактически полным отсутствием в Сибири крупного частного землевладения. Поэтому "покушаясь" на частновладельческие земли в пределах, дозволенных программой партии народной свободы, "центристы" не только не подвергались риску сужения социальной базы, но, напротив, приобретали шанс к ее укреплению за счет демократически настроенных слоев посредством демонстрации своего "радикализма". Однако остальные октябристские организации региона в решении вопроса о судьбах помещичьего землевладения все же ориентировались на общесоюзную программу. Выдвинув под давлением демократического движения требование отчуждения части частновладельческих земель "на справедливых условиях вознаграждения, устанавливаемых законодательной властью"[1], октябристы в отличие от кадетов сопровождали это требование существенными оговорками, свидетельствовавшими о том, что его реализации придавалось далеко не первостепенное значение. Программа "Союза 17 октября" допускала отчуждение частновладельческих земель лишь "в случаях государственной важности и при недостаточности всех остальных мер"[2]. В качестве основного источника для наделения крестьян землей предлагались государственные и удельные земли.

Обосновывая логику приоритетов в проектах земельных отчуждений, октябристы Томска ставили вопрос: "Неужели было бы справедливее сначала передать крестьянам частные земли, а потом уже казенные?" И сами же на него отвечали: "Такой принцип был бы очень похож на попытку уничтожения частного землевладения"[3]. Подобная перспектива не могла привлекать партию, провозглашавшую неприкосновенность частной собственности одним из основных гражданских прав. Тем не менее томские октябристы, освобожденные от необходимости подчеркнуто уважительного отношения к правам крупных частных землевладельцев отсутствием в регионе помещичьих хозяйств, брали на себя смелость заявлять:"...принципиально едва ли Союз отказался бы от такой идеи" (принудительного отчуждения помещичьих земель - О.Х.). Гораздо более опасным, чем сама идея, представлялось им стремление радикальных партий к немедленному ее осуществлению. Присущая представителям консервативного либерализма приверженность принципу постепенности и умеренности реформ, позволяющему достигать цели с наименьшими потрясениями, служила основой восприятия принудительного отчуждения частновладельческих земель как меры крайней, "предпринимаемой только тогда, когда совершенно нет возможности обойтись без нее"[4].

---

[1] Гурьев Н. Аграрная программа "Союза 17 октября"...

[2] Время. 1907. 31 мая.

[3] Народ и Союза 17 октября // Время. 1906. 8 янв.

[4] Там же.

Возможность избежать перераспределения земельной собственности, по убеждению октябристов, в России имелась. Провозглашая задачей "Союза 17 октября" улучшение быта и материального положения крестьян, И.Г.Табашников отмечал, что ее решение "не представляет никакого затруднения ввиду наличности у нас огромных пространств непочатой земли, размерами своими в несколько раз превышающими любое из больших западноевропейских государств". По его мнению, "раздача этих впусте лежащих земель крестьянам на более или менее льготных условиях" вполне могла обеспечить значительное увеличение крестьянских наделов, "обработка коих доставит крестьянам сравнительно легкую возможность не только платить падающие на их долю подати и налоги, доселе поглощавшие все крестьянские заработки и сбережения, но и отлагать те или другие суммы на удовлетворение нужд высшего порядка"[1].

В целом проблема дополнительного наделения землей не воспринималась октябристами как приоритетная. Более того, представители Верхнеудинской Либерально-конституционной партии были склонны считать меры по ее решению нецелесообразными, предлагая сосредоточить внимание на рационализации ведения хозяйства[2]. Большинство октябристов Сибири не разделяли подобную крайнюю позицию. Они ставили задачу увеличения крестьянских наделов. Но при разработке конкретных проектов улучшения положения крестьян основной акцент смещался на обеспечение их гражданских прав и создание возможностей для эффективного хозяйствования.

Характеризуя основные черты гражданско-правового строя крестьянства в начале XX в., член бюро томской октябристской организации И.А.Базанов отмечал в качестве его недостатков прежде всего неравноправие крестьян в формах гражданского быта, связанное с регулирование норм их жизни (в отличие от других классов) неписанными обычаями, а также отсутствие в гражданском праве крестьян начала индивидуальной свободы, воплощенного в общегражданском кодексе. По его убеждению, подопечное состояние главной массы населения являлось несвоевременным в условиях, "когда русское правительство всеми мерами стремится к тому, чтобы сделать Россию страной мирового промышленно-торгового оборота". Поэтому профессор считал необходимым упразднить опеку над крестьянами, "поставить их под общий гражданский закон и наделить всей полнотою частной инициативы, известной нашему общему гражданскому закону"[3].

---

[1] Речь профессора И.Г.Табашникова ...

[2] К аграрному вопросу // Верхнеудинская конституционная газета. 1906. 23 февр.

[3] Базанов И.А. Основные черты гражданско-правового строя крестьян по Положениям 19-го февраля и позднейшим узаконениям. Томск, 1902. С.2, 12.

Для обеспечения гражданского статуса крестьянства, соответствующего современному уровню культурного правосознания, предполагалось устранить из крестьянских Положений все моменты, которые закрепляли в фискальных по преимуществу интересах чужеродные общине элементы, "отзывающиеся феодализмом и коммунистическим коллективизмом"[1]. В этой связи И.А.Базанов намечал конкретный механизм отмены круговой поруки. Его основой должно было стать изменение системы организации выкупа, который предлагалось строить на началах вотчинного долга, а не личного обязательства крестьян за выкупной долг. Прогнозируя последствия подобной реформы, И.А.Базанов писал: "Тогда падает сама собою круговая порука, за нею - всякая власть общины над своими членами, власть домохозяев - над членами семейств; падают основания стеснений при выходе из общества, отлучках и т.д.; так как бремя выкупа ложится на землю и данных ее обладателей. Община превращается в обыкновенную гражданско-правовую корпорацию, семья - в общегражданскую семью и личность получает тогда всю полноту частной инициативы, столь необходимую в условиях нашего времени"[2]. Таким образом, смысл предлагавшейся реорганизации гражданско-правового строя крестьян определялся либеральными ценностями и прежде всего необходимостью обеспечения индивидуальной свободы.

Идейной основой постановки вопроса о судьбах общины как частноправовой, хозяйственной корпорации послужила либеральная концепция прогресса, понимаемого как естественно-исторический процесс. Для октябриста И.А.Базанова проблемой первостепенной важности представлялось создание общине возможностей естественного роста, не стесняемого никакими искусственными мерами, "все равно, будут ли последние клониться к покровительству или к разрушению общины"[3]. Такая постановка проблемы оставляла открытым вопрос о желательности и целесообразности ликвидации общины. Однозначным было лишь намерение устранить те ее институты и элементы, которые противоречили принципу свободы частной инициативы крестьян.

В целом, по-видимому, именно соображения, аналогичные изложенным профессором И.А.Базановым, составляли теоретическую подоплеку выдвигавшегося октябристами требования уравнения крестьян в правах с остальными гражданами.

Учитывая специфику социально-экономического развития региона, сибирские октябристы считали необходимым дополнить общепартийную программу рядом самостоятельно выработанных положений. Общие контуры "аграрной программы для Сибири" были намечены в январе 1906 г. октябри-

---

[1] Там же. С.22.
[2] Там же. С.31
[3] Там же. С.22.

стами Томска[1]. С известной долей условности в этой программе можно выделить 4 блока проблем, рассматривавшихся как особо значимые для интересов края: 1) упорядочение землепользования сибирского крестьянства; 2) регулирование процесса переселения; 3) устранение пережитков архаичной системы обязанностей и повинностей крестьян; 4) совершенствование инфраструктуры сельского хозяйства.

Упорядочения землепользования предполагалось добиться за счет обеспечения возможности размежевания земель для удовлетворения обозначившегося у сибирских крестьян стремления к подворному и хуторскому разделу. Этому должно было способствовать законодательное закрепление прав сельских обществ на прием членов, укрепление границ землепользования, передача землеустроительных чинов из заведования министерств в подчинение и под контроль местных учреждений. Особо оговаривалась необходимость учета в землеустроительных законах специфики условий проживания и хозяйствования сибирских инородцев.

Лейтмотивом октябристского варианта организации переселенческого дела был тезис о необходимости предотвращения захвата переселенцами земель местных крестьян. Октябристы требовали отменить распределение ссыльных в селениях крестьян-старожилов, поскольку при землеустройстве на них не отводилась земля для обработки. Основное внимание обращалось на колонизацию пустынных земель. Здраво оценивая трудности реализации этого варианта, октябристы ставили задачи организации работ по проведению дорог, расчистке из-под леса, по осушению и водоснабжению заселяемых местностей. Такие меры были призваны, по их мнению, предупредить формализацию переселенческого процесса. Во избежание формализма выдвигалось также требование подчинения чинов переселенческой организации местным учреждениям.

Ставя задачу устранения "пережитков старых порядков", октябристы подразумевали под таковыми, в частности, временно-обязанные отношения крестьян в Алтайском округе, обязанности крестьян по охране казенных лесов, ремонту дорог и пр. Натуральные повинности предлагалось полностью заменить денежными, а выполнение последних поставить под контроль земских учреждений.

Наконец, в числе мер, направленных на развитие инфраструктуры сельского хозяйства, октябристы предлагали: организацию земской продажи земледельческих машин и орудий, маслодельных принадлежностей при каждом волостном правлении (что "удешевило бы стоимость этих предметов, приблизило бы их к населению и дало бы доход земству"); создание складов семян; устройство на железнодорожных станциях и пристанях земских складов хле-

---

[1] Основы сельскохозяйственной (аграрной) программы //Время. 1906. 3 янв.

ба как "серьезнейшую меру против скупщиков и средство к устранению обесценения хлеба осенью" (при этом предусматривалось зачисление части стоимости сданного хлеба в казенные и земские сборы).

Главным достоинством предлагавшейся для Сибири аграрной программы октябристы считали то. что она "чужда всяких захватов и насилий". Считая гарантированное право собственности важнейшим условием порядка в стране, в противовес "политике захватов и насилий" они предлагали деревне путь к процветанию через знание. Общий контекст программы свидетельствовал о том, что трактовка понятия "знание" в данном случае была предельно широкой и подразумевала создание условий для повышения уровня как производственной, так и общей культуры крестьянства с помощью. специалистов (агрономов, врачей. учителей, ветеринаров, землемеров и пр.)[1]. Проблема "поднятия уровня умственного и нравственного благосостояния нашей крестьянской массы" выдвигалась октябристами в один ряд с проблемой улучшения ее экономического положения[2].

Тот же рефрен - улучшение положения крестьян в рамках существующей системы землепользования за счет общего "окультуривания" их жизненного пространства - явственно прослеживается и в предложенной томским отделом "Союза 17 октября" программе "удовлетворения нужд многочисленного крестьянского населения Томской губернии"[3]. Выдвинув на первый план проблему "правильного наделения крестьян землею", томичи воздержались даже от общепартийной формулировки, предусматривавшей использование в целях ее решения государственных, удельных и кабинетских земель. Слабым отголоском соответствующих требований официальной программы выглядели тезисы об упрощении аренды казенных и кабинетских земель и упрощении продажи крестьянам леса из казенных и кабинетских дач. Основной же акцент был сделан на хозяйственно-правовых и социокультурных проблемах.

С целью упорядочения системы повинностей и приспособления ее к потребностям рыночной экономики октябристы предлагали осуществить замену дорожной, гоньбовой и других натуральных повинностей денежными с раскладкою их на все население (как крестьянское, так и некрестьянское). Они считали нужным изменить законы о податях таким образом, "чтобы подати ложились на каждого жителя по мере достатка" (т.е. фактически предусматривали введение прогрессивного подоходного налога). На смягчение административной опеки и обеспечение соответствующего либеральным представлениям гражданско-правового статуса крестьянства были нацелены требования уничтожения паспортов и введения земства из выборных от народа для заведования школами, больницами, дорожным делом и т.д., а также для расклад-

---

[1] Там же.

[2] Речь профессора И.Г.Табашникова ...

[3] Время. 1906. 22 апр.

ки местных повинностей. Не обошли октябристы в программе, рассчитанной на Томскую губернию, и переселенческий вопрос, поставив в самом общем виде задачу "лучшего устройства переселенцев в Сибири без ущерба для местных крестьян", и настаивая на отмене ссылки в Сибирь. В числе мер социокультурного характера намечалось увеличение и улучшение школ в селениях, устройство в инородческих селениях школ на общеземские и министерские средства с преподаванием родного языка, увеличение числа сельских больниц и врачей, улучшение существующих больниц и медицинской помощи.

Рационализм и реалистичность октябристских проектов решения аграрной проблемы перечеркивались в восприятии крестьянства отсутствием в них четкого и удовлетворительного ответа на вопрос о способах и механизме "правильного наделения крестьян землей". В отличие от октябристов, ориентировавшихся на меры в рамках существующей системы землепользования, крестьяне далеко не были убеждены в необходимости ее сохранения и воспринимали земельную проблему как первоочередную. Это обстоятельство делало взаимопонимание фактически невозможным. Октябристская печать была вынуждена констатировать, что число представителей крестьянства в рядах "Союза 17 октября" чрезвычайно мало[1]. Тем не менее октябристы были преисполнены оптимизма в оценке перспективных возможностей привлечения "широких групп крестьянского населения" в отделы "Союза", все намерения и желания которого, по их мнению, были направлены к благу крестьян. Залогом грядущего успеха партии в крестьянской среде они считали широту и жизненность самой идейной сущности "Союза", основанной на глубоком национальном чувстве, глубокой любви к России и царю, уважении к историческому прошлому и характеру народа[2]. Таким образом, ставку в обеспечении симпатий русского крестьянства октябристы делали на традиционализм, ставший идейным символом консервативного направления в либерализме.

Возможно, именно расчет на соответствие духа "Союза 17 октября" традиционным нравственным ценностям соотечественников предопределил меньшую (по сравнению с кадетами) склонность местных октябристов к развернутому изложению и обоснованию своих проектов решения социальных проблем. Их программные положения по рабочему вопросу формулировались столь же кратко, как и по аграрному, а потому имели оттенок декларативности. Например, в предвыборном воззвании красноярского "Союза мира и порядка" был помещен следующий тезис: "Возможное упорядочение отношений рабочих и работодателей, хозяев и служащих, в смысле установления соответствующего труду вознаграждения"[3]. Включение этого требования в воззвание было, по-видимому, продиктовано конъюнктурными соображениями

---

[1] Время. 1907. 31 мая.

[2] Там же.

[3] Время. 1906. 16 апр.

кампании по выборам I Государственной думы. Свидетельством его демагогичности в устах деятелей "Союза мира и порядка" может служить тот факт, что на собрании 30 октября 1905 г. они настойчиво проводили мысль о незаконности и несправедливости требований рабочих об увеличении заработной платы. Обосновывая это мнение и стремясь оправдать недемократичность своих позиций перед присутствовавшими на собрании рабочими, представители "Союза" заявляли, что "предъявления таких требований отражаются на экономической жизни государства, отягощая налогами труженика-землепашца, не знающего границ в размере рабочего дня"[1]. Между тем правомерность подобной аргументации ставилась под сомнение общим контекстом их социально-экономической программы, предусматривавшей введение прогрессивного подоходного налога и тем самым снимавшей вопрос о неравномерности и несправедливости налогообложения различных социальных слоев. К тому же и ссылка на неограниченность рабочего времени земледельца, призванная показать неправомочность претензий рабочих на ограничение продолжительности трудового дня, являлась не совсем корректной, поскольку не учитывала специфику цикличности сельскохозяйственного производства.

Томский отдел октябристской партии ограничился в своей программе указанием на необходимость "усовершенствования и расширения законодательства о рабочих в целях улучшения их положения"[2]. Конкретное содержание этого программного положения раскрывалось в редакционных статьях газеты "Время", ставивших, в частности, задачи обеспечения рабочих и их семей в случае болезни, инвалидности и смерти, непосредственного осуществления страхования рабочих, ограничения рабочего времени для женщин и детей и в особо вредных для здоровья производствах[3].

Высказывания октябристов по вопросу о продолжительности рабочего дня отличались неопределенностью формулировок. Так, один из пунктов программы тобольского отделения партии центра по развитию рабочего законодательства гласил: "Определение законодательным путем продолжительности рабочего дня и признание желательным возможное его уменьшение в зависимости от условий производства"[4].

Старательно избегая выдвижения требования 8-часового рабочего дня, октябристы в то же время не желали зарекомендовать себя в глазах трудящихся и ярыми его противниками. Поэтому деятели томского отдела "Союза 17 октября" использовали довольно гибкую формулировку для обозначения своей позиции в этом вопросе:"...Союз полагает, что в некоторых отраслях промышленности и 8-часовой день может быть слишком велик, тогда как в

---

[1] Сибирские известия. 1905. 3 ноября.

[2] Томский отдел "Союза 17 октября" ... Программа ...

[3] Время. 1906. 8 янв., 22 апр.

[4] Программа тобольского отделения партии центра ...

других установление его при сдельной работе и 120 днях праздников в России, сравнительно с 60 днями за границей, может невыгодно отразиться на положении самих же рабочих"[1]. Тезис о необходимости приведения величины рабочего дня в соответствие с местными особенностями отдельных производств и с началами, принятыми в наиболее просвещенных промышленных государствах, был зафиксирован и в обращении томского отдела к избирателям I Государственной думы. В ажиотаже предвыборного марафона октябристы не упустили случая заявить, что "там, где требуется, рабочий день может быть не только 8 часов, но и меньше"[2]. Бремя ответственности за конкретное решение проблемы продолжительности рабочего дня октябристская организация Томска полностью переложила на Государственную думу, сделав следующее заявление: "Решения общего вопроса о продолжительности рабочего дня Союз ждет от Государственной Думы"[3].

Признавая в соответствии с общепартийной программой свободу профессиональных союзов рабочих, томские октябристы в то же время предусматривали ее ограничения: "Ни в одном благоустроенном государстве невозможно допустить существование, например, союзов, поставивших целью организацию вооруженных восстаний, или, в числе средств к достижению той или иной цели, открыто проповедующих насилия, убийства, поджоги"[4]. Подобные ограничения свободы союзов логически вытекали из классических либеральных представлений, допускавших общественную деятельность исключительно на началах легальности и легитимности и отвергавших радикальные, а тем более экстремистские, насильственные методы решения социальных проблем.

Программное положение о свободе стачек октябристы также сопровождали оговорками. Соответствующий пункт программы тобольского отделения партии центра был сформулирован следующим образом: "Свобода экономических стачек, исключая направленных против общественной безопасности и народного здравия". За участие в стачках на предприятиях, имеющих "общегосударственное значение", "центристы" требовали установить строгую уголовную ответственность[5]. Протестовали против стачек в тех отраслях деятельности, которые имеют общественно-государственный характер, и томские октябристы[6]. Ограничения подобного рода, не будучи вписанными в определенные рамки, имели немалые шансы для превращения в абсолют путем

---

[1] Время. 1906. 22 апр.

[2] Обращение к избирателям Государственной думы Томского отдела Союза 17 октября // Время. 1906. 6 мая.

[3] Народ и Союз 17 октября // Время. 1906. 8 янв.

[4] Сибирские известия. 1905. 1 дек.

[5] Программа тобольского отделения партии центра ...

[6] Время. 1906. 22 апр.

причисления к производствам общественно-государственного характера всех отраслей промышленности.

Особенно ярко истинное отношение октябристов к вопросу о свободе стачек проявлялось в практических действиях их как предпринимателей. Например, во время забастовки приказчиков в сентябре 1906 г. омский октябрист купец I гильдии С.С.Волков обратился в полицию с докладной, в которой просил принять меры против приказчиков - "воздействовать и карать, как повелевает закон" - и выразил надежду на правосудие[1].

Претендуя на выражение "действительных интересов всего русского народа", октябристы считали несправедливым ограничение социальной программы постановкой проблем трудящихся слоев. Обосновывая неправомерность игнорирования "существенных интересов нашего населения в совокупности", И.Г.Табашников ссылался на низкий уровень благосостояния всего русского народа по сравнению с западноевропейскими соседями и ставил задачу "коренной переделки" его общего строя, нравов и обычаев. В этой связи он вменял в обязанности "Союзу 17 октября" посильное содействие упорядочению и улучшению финансового строя, расширению, развитию и целесообразному направлению народного просвещения, перестройке общественной охраны в целях осуществления ею своего назначения[2].

В общих принципах деятельности "Союза", составленных томским бюро, было зафиксировано положение: "Союз 17 октября" - партия всего русского народа без различия национальностей и вероисповедания; она обслуживает в одинаковой мере интересы всех классов, обращая особенное внимание на нужды крестьян и рабочих"[3]. Ставя своей задачей обеспечение всему гражданскому населению возможности "жить свободно и без нужды", октябристы воспринимали требование свободы труда как однопорядковое с требованием свободы промышленности и торговли. Они протестовали против попыток леворадикальных партий усмотреть в такой постановке вопроса тайный "умысел противодействовать стараниям законодательства оградить рабочих от произвола фабрикантов". Гражданские права последних, по их убеждению, тоже нуждались в гарантиях[4].

В качестве свидетельства непредвзятого отношения к интересам различных социальных слоев октябристы Томска приводили программное требование "развития прямых налогов на основе прогрессивного подоходного обложения, с постепенным понижением косвенного обложения предметов первой необходимости"[5]. Программа томского отдела "Союза 17 октября" предпола-

---

[1] Голос степи. 1907. 25 янв.

[2] Речь профессора И.Г.Табашникова ...

[3] Время. 1906. 24 янв.

[4] Народ и Союз 17 октября ...

[5] Там же.

гала проведение реформ в области финансов и налогообложения с целью "приведения бюджета в соответствие с платежными силами различных классов населения и действительными потребностями народа"[1]. Аналогичные положения содержала программа красноярского "Союза мира и порядка"[2].

В постановке перспективных задач экономического развития октябристы, в отличие от кадетов, не исключавших варианта социализации производства, твердо придерживались намерения следовать традиционным методам стимулирования экономики, рассчитанным на ее функционирование в существующем режиме. В обращении к избирателям I Государственной думы томский отдел "Союза 17 октября" высказывался в самом общем виде "за меры для поднятия народного благосостояния и увеличения государственных расходов, а именно за содействие подъему производительных сил в области сельского хозяйства и промышленности, за организацию доступного населению сельскохозяйственного, промышленного и торгового кредита, за широкое распространение технических знаний; за меры к наилучшему использованию народных богатств с облегчением доступа к эксплуатации лесных и минеральных богатств, принадлежащих государству и пр."[3].

Сравнительный анализ вариантов модернизации социально-экономических отношений, предлагавшихся кадетами и октябристами Сибири, позволяет обозначить как сходство, так и различия в принципах и механизме их реализации. Единство исходных теоретических позиций тех и других определялось общностью питавших их фундаментальных постулатов либерализма. Таковыми, в частности, являлись идеи фритредерства, уважительное отношение к праву частной собственности как гаранту индивидуальной свободы. Идеальные принципы гражданского общества обусловили постановку социальных проблем в кадетских и октябристских проектах в контексте правовых вопросов и послужили основой стремления к обеспечению гражданско-правового равенства всех слоев населения, выводившего либералов за рамки утилитарного видения перспектив улучшения положения трудящихся исключительно через повышение их экономического благосостояния. При этом, однако, октябристы, выступавшие продолжателями традиций консервативного либерализма, нередко впадали в крайность другого рода: увлечение проблемами обеспечения формально-правового равенства граждан оборачивалось в ряде случаев индифферентностью по отношению к их насущным материальным потребностям. Кадеты же, являясь носителями неолиберальных тенденций, считали недопустимым третирование экономических интересов трудящихся, как второстепенных, и уделяли разработке вариантов их удовле-

---

[1] Томский отдел "Союза 17 октября" ... Программа ...

[2] Время. 1906. 16 апр.

[3] Обращение к избирателям Государственной Думы Томского отдела Союза 17 октбяря ...

творения не меньшее значение, чем вопросам гражданского равноправия населения.

Изначальная общность идейного фундамента двух направлений в отечественном либерализме предопределила сходство представлений кадетов и октябристов о механизме реализации предлагавшихся ими социально-экономических проектов. В основе этого сходства были заложены идеи предпочтительности естественного, эволюционного характера экономического развития, приоритета законодательных способов регулирования производственных отношений в противовес радикальным методам давления "снизу" и действиям явочным порядком. Вместе с тем близость позиций отнюдь не нивелировала специфические характеристики социал-либерализма и либерализма охранительного.

В отличие от кадетов, воспринимавших без шока, а в ряде случае и с явным одобрением, прогнозы сторонников бернштейнианской концепции "демократического социализма" в отношении перспектив развития экономики, октябристы оценивали их как совершенно утопические прожекты и предпочитали держаться твердой почвы окружавших их реалий. Ориентация на консервацию принципиальных основ и структур существующей экономической системы прослеживалась как в общем контексте программных документов местных отделов "Союза 17 октября", так и в конкретных формулировках установок по аграрному и рабочему вопросам. Традиционализм октябристов контрастировал с массовыми настроениями в пользу радикальных изменений, набиравшими силу по мере углубления общенационального кризиса. Осознание этого противоречия обусловило декларативность программных положений октябристских организаций по социально-экономическим проблемам. Излагая их в виде лозунгов-призывов, представители консервативного либерализма, как правило, обходили вопросы, связанные с разработкой конкретного механизма их реализации.

Кадетские проекты социально-экономических реформ отличал детализированный подход к обоснованию предлагавшихся вариантов. К тому же в них содержались и практические предложения по осуществлению намечавшихся мер. Наиболее отчетливо прагматичность кадетов Сибири проявилась, пожалуй, в постановке региональных проблем. Тщательный учет специфики социально-экономического развития края являлся характерной чертой их проектов.

Подчеркнутое внимание к интересам местного населения, присущее филиальным отделениям политических партий, стало дополнительным объединяющим моментом в позициях кадетов и октябристов Сибири по социально-экономическим вопросам. При этом в постановке региональных проблем радикал-либералы проявили значительно больший размах, чем традиционалисты. Если октябристские проекты имели целью прежде всего гарантировать сохранение жизненного пространства сибиряков перед натиском переселен-

ческой волны, то кадеты понимали свое предназначение защитников интересов местного населения гораздо шире. Они рассматривали региональные вопросы в контексте требования экономической независимости края и обеспечения его равноправия с Европейской Россией.

Таким образом, общность, обусловленная идейным родством представителей радикального и консервативного течений в либерализме, и нюансы, связанные с особенностями их восприятия действительности и перспектив развития России, находили проявление в позициях кадетов и октябристов Сибири не только по вопросам политической реорганизации общества, но и по проблемам социально-экономического переустройства.

3. Тактические позиции: методы и средства движения к либеральному идеалу

Определение в программных документах либеральных партий основных ориентиров политического и социально-экономического переустройства Отечества поставило в практическую плоскость вопрос о путях его осуществления. Варианты ответов на этот вопрос зависели от объективных и субъективных обстоятельств конкретного момента. Однако общие контуры тактических позиций кадетов и октябристов отличались относительной устойчивостью, которую придавало им следование основным постулатам либеральной теории прогресса и характер программных требований, являвшихся результатом попыток приспособления идеальных конструкций либерализма к российским реалиям.

Твердо следуя намерению "уберечь Россию от тяжких испытаний", сибирские кадеты были убеждены в возможности установления либерального правопорядка в стране мирным легитимным путем. Выступая в октябре 1912 г. на собрании избирателей IV Государственной думы в Иркутске, А.В.Витте так обозначил различия в тактике РСДРП и своей партии: "Социал-демократы думают сразу броситься на твердые основы отжившего строя, мы же хотим вести правильную систематическую осаду. Мы полагаем, что нам удастся взять старый строй не штурмом, а живьем"[1]. Эта образная характеристика тактической линии партии народной свободы воплотила в себе все основные идеи либеральной теории прогресса - постепенность, преемственность развития, совершенствование существующего в противовес его радикальному отторжению.

Классическое для либерального мировоззрения представление о недопустимости преобразований посредством насильственного переворота или раз-

---

[1] Сибирь. 1912. 6 окт.

рушения послужило основой неприятия кадетами террора во всех проявлениях. Делая ставку на "долгие годы мирной борьбы", они утверждали:"...рай нельзя сразу и прочно осуществить на земле посредством террора и насилия"[1]. Вместе с тем осуждение с их стороны вызывало и использование правительством методов насилия и произвола для консервации существующей общественной системы. По мнению кадетов, репрессивная политика, провоцируя усиление революционного движения, подготавливала почву для гибельных социальных катаклизмов. Член красноярского отдела партии народной свободы П.И.Кусков, анализируя воздействие запретительных мер администрации в отношении оппозиционной печати на умонастроения сибиряков, подчеркивал: "Очевидно, репрессия, в виде военного положения, хотя и медленно, и с трудом, родит реакцию, в виде подготовлений к покушениям и даже покушений на должностных лиц. ...дальнейшее сохранение исключительных законов грозит краю серьезными бедствиями и тяжелыми потрясениями"[2].

Отдавая явное предпочтение мирному легитимному варианту осуществления своих программных требований, кадеты основную ответственность за создание необходимых для этого условий возлагали на реальных носителей власти. Поэтому их отношение к действиям последних в значительной степени определялось, с одной стороны, собственным видением перспектив развития конституционализма в России, а с другой - представлениями о степени готовности властей к проведению реформ в этом направлении. В этой связи кадеты довольно чутко реагировали на все подвижки правительственного курса.

Например, если в телеграмме комитета свободной народной партии Красноярска от 30 октября 1905 г. под впечатлением от Манифеста 17 октября высказывалась твердая уверенность, что "Витте гарантирует способы легального осуществления реформ", то к середине ноября тональность местных кадетов в оценке действий главы правительства заметно изменилась. 14 ноября комитет сообщил своему представителю на съезде земских и городских деятелей В.А.Караулову, что прежняя уверенность "поколеблена мероприятиями в духе бюрократическо-полицейского строя и распространением военного положения". Ситуацию в регионе члены комитета оценивали как внушающую серьезное беспокойство: "Существующее на Сибирской дороге военное положение, совершенно не достигая своей цели, возбуждает местное население ... нецелесообразными распоряжениями военных властей, игнорирующими Манифест. Тревожат волнения почтово-телеграфных служащих"[3]. Освободив-

---

[1] Сибирские отголоски. 1906. № 14. С.1.

[2] Кусков П. Не с того конца. (Письмо из Красноярска) // Сибирские вопросы. 1906. № 5. С.78.

[3] Голос Сибири. 1905. 20 ноября.

шись от эйфории, вызванной первыми эмоциональными впечатлениями от издания Манифеста 17 октября, кадеты перешли на позиции условной поддержки правительства. Выдвигавшиеся ими условия были созвучны положениям программы и вместе с тем выглядели довольно умеренными, поскольку фактически ограничивались требованиями практической реализации начал, возвещенных самими властями в Манифесте 17 октября. "Мы обещаем поддержку графу Витте, - указывалось в телеграмме комитета красноярской организации, - при условии бесповоротного немедленного введения в жизнь свобод, обещанных Манифестом. До созыва Думы требуем издания без всяких отсрочек Временных Правил в духе Манифеста, осуществить которые может только кабинет, объединяющий все министерства"[1].

Впрочем, некоторые представители сибирских кадетов были настроены более радикально в определении своей линии по отношению к правительству в этот период. Их позиции нашли отражение в речи иркутского кадета И.И.Попова на съезде земских и городских деятелей в Москве (6 - 7 ноября 1905 г.). Заявив, что забастовки уже доказали факт наличия действительной власти в руках русского народа, он указал на необходимость "предлагать ультиматум, а не просить милости"[2].

В этом же направлении эволюционировали и взгляды большинства кадетов Красноярска. 27 ноября 1905 г. (через каких-нибудь две недели после заявления об условной поддержке правительства) на общем собрании местного отдела партии была принята и отправлена по телеграфу С.Ю.Витте резолюция, в которой отдел отказывал ему в поддержке и доверии. Мотивировка такой позиции заключалась в характеристике Витте как "добровольного или вынужденного орудия реакции или в лучшем случае представителя политики полумер, преступной в столь критическую для государства минуту"[3].

По мере отказа властей от провозглашенных в Манифесте 17 октября принципов критический настрой кадетов в отношении официального политического курса усиливался. Способности правительства к проведению реформ в духе конституционализма оценивались все более скептически. "Правительство, назначенное не народом, а самими бюрократическими сферами, никогда не может проводить тех мер, какие нужны народу, - отмечалось в редакционной статье газеты "Голос Сибири", издававшейся лидером левых кадетов Красноярска Вс.Крутовским. - Общество не должно надеяться ни на какие реформы сверху; оно не должно ожидать от правительства никаких существенных свобод. Это вредная иллюзия, маниловщина." Шансы демократических реформ ставились в прямую зависимость от консолидации населения в политические партии и формирования не бюрократического, а

---

[1] Там же.

[2] Голос Сибири. 1905. 23 ноября.

[3] Голос Сибири. 1905. 30 ноября.

"народного" правительства, под которым подразумевалось правительство, созданное собранием народных представителей[1].

Безусловно не все сибирские кадеты были преисполнены духом критического отношения к правительству. На собрании красноярского отдела партии 22 декабря 1905 г. лидер правых кадетов В.А.Караулов выступил с предложением признать политику правительства приемлемой и не идущей вразрез с Манифестом 17 октября. Однако это выступление вызвало настолько серьезную оппозицию части членов партии, что собрание приняло решение передать вопрос для детального рассмотрения в комитет. Член комитета Г.Савицкий счел свой долгом опубликовать в газете заявление, направленное против отождествления указанного личного предложения В.А.Караулова с мнением комитета партии. По словам Г.Савицкого, "комитет всегда стоял и стоит на той точке зрения, что правительственный курс не есть курс, возвещенный Манифестом 17 октября, и никогда не был склонен приветствовать что-либо иное, как полное осуществление программы всех требований партии"[2].

Усиление репрессивного характера официального политического курса являлось катализатором оппозиционности кадетов. В мае 1906 г. омское бюро партии народной свободы обратилось к членам местной организации с предложением отправить в адрес Государственной думы телеграмму с выражением горячей поддержки в борьбе с правительством, потерявшим доверие народа[3]. В настроениях левых кадетов наметились даже некоторые тенденции к сближению с позициями радикальных партий. Так, делегат от Томска Р.Вейсман, выступая на III съезде партии народной свободы при обсуждении доклада П.Н.Милюкова о тактике, вопрошал: "Не слишком ли много парламентаризма?" Выразив солидарность с мнением докладчика о необходимости работы в сфере законодательного укрепления свобод, он тем не менее скептически оценивал потенциальную результативность этой работы: "То правительство, которое проявило такую решимость, с какой оно поспешило отменить свой собственный манифест, то правительство, которое совершило столько преступлений, не может допустить беспрепятственного законодательного закрепления свободы"[4]. С учетом атмосферы революционности в стране Р.Вейсман считал наиболее перспективной линией политического поведения кадетов выступление в роли парламентеров, которые должны "принести правительству, как вопиющей стороне, морально побежденной, условия мира, ... и твердо заявить о народной воле, не смущаясь возможными

---

[1] Голос Сибири. 1905. 16 дек.

[2] Голос Сибири. 1905. 25 дек.

[3] Доклад омского бюро партии народной свободы общему собранию членов партии 29 мая 1906 г. // ГАРФ. Ф.523. Оп.1, Д.169. Л.12.

[4] Протоколы III общеимперского делегатского съезда ... С. 24.

столкновениями"[1]. В качестве опоры для действий кадетской оппозиции при этом рассматривался всенародный протест и те "крайние партии, ... которые сильны в стране"[2].

Усиление оппозиционного настроя кадетов временно приостановило вступление России в первую мировую войну. Лозунг ведения войны до победного конца, стал доминантой их умонастроений, вытеснил требования реформ на страницах либеральной печати. Более того, поддерживая правительство в ведении войны, кадеты Сибири немало усилий прилагали для "обращения в свою веру" демократических слоев населения и пользовались при этом известным успехом. Так, речи лидеров томской кадетской организации с призывом воевать "за Босфор и проливы" встречали одобрение у студентов технологического института[3].

Однако уже к концу первого года войны в связи с поражениями на фронте и выявившимся нежеланием царизма поддержать претензии буржуазии на упрочение своего экономического и политического положения со стороны кадетов наблюдаются рецидивы критического отношения к правительственному курсу. В мотивировке необходимости реформ и "обновления внутреннего строя" появляется новый аргумент - неспособность существующей власти к ведению победоносной войны. В.М.Крутовский писал в журнале "Сибирские записки":"... есть реформы, которые таковы, что если они не введены до войны, то их обязательно нужно ввести сейчас же, немедленно, и во время войны, так как эти реформы способствуют лучшей организации тыла и сослужат огромную роль в деле способствования победы"[4].

К началу 1917 г. критический настрой кадетов в отношении правительственной политики достигает апогея. Перемены в персональном составе правительства воспринимаются теперь не более как паллиатив, а возможности изменения правительственного курса непосредственно связываются с изменением самих принципов политической организации общества[5].

Однако оппозиционность кадетов имела предел, обозначавшийся неприятием насильственных методов противодействия власти. И.А.Малиновский утверждал: "Никакими доводами разума нельзя оправдать применения наси-

---

[1] Там же.

[2] Там же. С.25.

[3] Богданов М., Кузнецов А., Мальгин В. Очерки по истории революционного движения студенчества Томского Технологического Института (1900-1925 гг.) // Томский Технологический Институт за 25 лет своего существования. 1900 - 22 октября 1925 гг. Томск, 1928 . С.106.

[4] Цит. по: Шейнфельд М.Б. Сибирское областничество и борьба с ним марксистов ... С.15.

[5] Енисейский край. 1916, 30 дек.

лия теми, которые ведут борьбу против насилия"[1] Резко отрицательным было отношение кадетов к вооруженному восстанию. Обращаясь с письмом к делегатам II съезда партии народной свободы, томские кадеты предлагали "во избежание недоразумений и для ясности своей физиономии ... точно отграничиться от левых крайних партий" путем выражения протеста против вооруженного восстания[2].

В кадетской печати осуждались действия поднявшегося на борьбу в декабре 1905 г. московского пролетариата и последовавших его примеру рабочих сибирских городов, намеренно сгущались краски при описании вызванных этими действиями "кровавых ужасов" и разрушений[3]. Лидер правых кадетов Красноярска В.А.Караулов патетически заявлял, что в Москве льется "быть может самая драгоценная, самая чистая, какая есть в России" кровь, способная "потушить тот мерцающий огонек, который мог бы разгореться в яркое пламя свободы"[4] . В редакционной статье газеты "Красноярец", опубликованной в связи с предстоявшим судом по политическим делам конца 1905 г. - начала 1906 г., указывалось: "Мы не оправдываем декабрьского выступления, мы против насилия и крови, против оружия и борьбы им"[5].

Чрезвычайно редко из рядов кадетской партии раздавались голоса в пользу применения тактики партий, которые "активно борются за политическую свободу". Эту мысль пытался провести на собрании томского отдела 11 декабря 1905 г. Р.Л.Вейсман. Однако подавляющее большинство его коллег по партии не одобряло подобные позиции. На собрании возобладало мнение о недопустимости насильственных приемов борьбы и о возможности использования всеобщей политической стачки лишь как крайнего и героического средства в минуты опасности для конституционного строя по постановлению съезда партии[6]. Это решение было подтверждено кадетами Томска на собрании 14 декабря 1905 г. и доведено до сведения центрального руководства партии[7]. В качестве основных форм противодействия правительству " в случае уклонения его от конституционных начал" резолюция собрания 14 декабря 1905 г. рекомендовала публичные заявления от имени партии, бойкот правительственных лиц и учреждений, неподчинение распоряжениям, не соот-

---

[1] Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Томск, 1909. Вып.2. Ч.3. С.22.

[2] Письмо М.Н.Соболева ...

[3] См.: Сибирская жизнь. 1906. 3 янв., 4 янв.

[4] Пашин. "Левые" и "правые" нашего либерализма // Сибирский вестник. 1905. 21 дек.

[5] Красноярец. 1907. 14 янв.

[6] Сибирская жизнь. 1905. 13 дек.; Восточное обозрение. 1905. 24 дек.

[7] Сибирская жизнь . 1905. 17 дек.; Письмо М.Н.Соболева ...

ветствующим положениям Манифеста 17 октября[1]. Выбор конкретной тактики ставился в зависимость от ситуации, места и времени[2].

Неприятие насильственных приемов борьбы, продиктованное логикой либеральной доктрины, усиливалось осознанием трагичности их возможных последствий в условиях невежественности массы населения, низкого уровня общей культуры. Не случайно ряд ораторов на собрании томского отдела 11 декабря 1905 г. выдвигали в качестве приоритетной тактической задачи партии организацию культурной работы по политическому воспитанию масс, которые, по их мнению, совершенно не ориентировались в происходящих событиях[3]. Той же тактической линии придерживались и кадеты Иркутска. Выступая на собрании избирателей II Государственной думы 18 февраля 1907 г., Ельяшевич отмечал: "В борьбе за свободу партия конституционных демократов не признает насильственных средств, она будет бороться путем организации общественного мнения. Многочисленные примеры истории ... доказывают, что нравственная сила выше физической. Это - исторический закон и если нравственная сила будет на стороне партии, правительство уступит"[4]. 25 февраля ту же мысль пытался довести до избирателей Иркутска его коллега по партийной организации Тышковский: "Партия стремится к достижению своих целей мирными путями. Главным средством партия признает организацию общественного мнения, которое может оказать давление на правительство и добиться от него уступок"[5].

В годы реакции, вызвавшей всеобщее "успокоение", еще более настойчиво зазвучали призывы кадетов к консолидации сил для культурной работы. Либералы Тобольска, например, намечая "путь культурной неуклонной работы во имя отдаленных высоких идеалов", предлагали внести в эту работу "поправку опыта - объединение таких культурных начинаний в одно могучее целое". Целью такой деятельности провозглашалось "расширение и объединение общественного самосознания, просвещение широких масс и укрепление всех завоеваний нового строя"[6]. Призывая прогрессивное общество к культурной работе, Н.В.Некрасов в выступлении перед томичами в августе 1910 г. разъяснял: "Такая тактика соответствует нашему политическому миросозерцанию ... Новая катастрофа, новый возможный катаклизм в культурном отношении отодвинет нас на несколько шагов назад. Мы зовем культурное общество к тому, чтобы обойтись без катастрофы. Если нам это удастся, нашей

---

[1] Сибирская жизнь. 1905. 17 дек.

[2] Сибирский вестник. 1906. 16 дек.

[3] Восточное обозрение. 1905. 24 дек.

[4] Сибирь. 1907. 20 февр.

[5] Сибирь. 1907. 27 февр.

[6] Сибирский листок. 1909. 1 янв.

задачей останется стремление к организации культурных сил, чтобы направить волну нового движения в правильное русло"[1].

Итак, представления кадетов о содержании культурной работы по организации общественного мнения выходили за рамки "чистого культурничества", фактически предполагая пропаганду конституционно-правовых идей и формирование адекватного им национального самосознания, способного стать заслоном как для правительственной политики контрреформ, так и для революционного экстремизма.

В качестве центра объединения общественного мнения и организации общественных сил для культурной работы кадеты Сибири рассматривали Государственную думу. Не отрицая значения внепарламентской политической деятельности, они вместе с тем были уверены, что "именно Государственная дума - при настоящих условиях - требует наибольшего внимания, наиболее зрелых сил и деятелей, наибольших забот в качестве единственного, хотя и несовершенного, но все же народного учреждения"[2]. Государственная дума воспринималась и как трибуна для выражения собственных представлений о направлениях социально-политического переустройства, и как учреждение, способное при определенных обстоятельствах обеспечить реализацию либеральных проектов.

Использование права запросов и внесения законопроектов реформ лидеры местных кадетов считали основным тактическим средством парламентской деятельности, позволявшим показать народу его противников и сторонников и к тому же способствовавшим поддержанию самого принципа народного представительства[3]. Подобная тактика, по их мнению, обеспечивала проведение "необходимых для народа реформ государственной жизни"[4].

В законодательных реформах кадеты видели единственно целесообразный вариант осуществления общественных и политических идеалов в российских условиях. Реформы рассматривались не столько как самоцель, сколько как средство повышения общего уровня культуры и создания гражданского общества. И.А.Малиновский писал: "Широкие реформы политические и социальные могут поднять культурный уровень населения и превратить темную невежественную массу в сознательных граждан"[5]. В результате весь арсенал тактических средств, предназначавшихся кадетами для внедумской и парламентской деятельности, оказывался нацеленным на возведение прочного фундамента либерального правопорядка.

---

[1] Речь. 1910. 2 сент.

[2] Бейлин М. К урнам // Сибирская жизнь.1907. 29 сент.

[3] Сибирь. 1907. 27 февр.; Сибирская заря. 1907. 25 ноября.

[4] Сибирь. 1907. 27 февр.

[5] Малиновский И.А. Кровная месть и смертные казни. Томск, 1909 ... С.136.

Как ни парадоксально, эйфорию парламентаризма, связанную с надеждами на функционирование Государственной думы в режиме Манифеста 17 октября, не смогли развеять и новации, внесенные в избирательную систему законом 3 июня 1907 г. Напротив, начавшийся период реакции дал дополнительный импульс реформаторским порывам кадетов. Выступая 26 сентября 1907 г. на собрании избирателей III Государственной думы в Томске, Н.В.Некрасов подчеркивал, что кадеты "самым целесообразным и кратким считают путь реформаторского законодательства, а не путь революционный, который показал уже свои плоды"[1]. Одним из важнейших уроков 1905-1907 гг. кадеты числили выявившуюся несостоятельность революционного натиска, насильственных методов вывода страны из кризиса. "Дальнейшие действия в этом направлении свидетельствовали бы о склонности к политике приключений и опасных опытов", - предупреждал один из активных членов томского отдела партии М.Р.Бейлин[2].

Осмысление опыта первой российской революции порождало стремление к умеренности в предстоящей парламентской работе и в политической деятельности вообще. "Будем учиться делать историю по строго обдуманному плану и в пределах сил народа, чтобы снова не надорваться под бременем непосильных задач", - с таким призывом обращался М.Р.Бейлин к избирателям[3]. Аналогичное восприятие тактических перспектив было характерно и для кадетов Иркутска, которые констатировали: "Медленная инженерная осада пришла на смену прежним стремительным штурмам, отбитым реакцией и надорвавшим силы оппозиции"[4]. Именно умеренность, действия "методом постепенных приближений" способны были, по их мнению, стать основой консолидации разнородной по программным установкам и целям оппозиции и тем самым обеспечить эффективность реформаторской работы в условиях усиления реакции.

Впрочем, лозунг единения оппозиции был продиктован не только прагматическими соображениями обеспечения результативности законодательной деятельности. В известной степени он являлся проекцией либеральной идеологии общественного согласия на тактические установки партии народной свободы. "Залог нашего преуспеяния в будущем - совместный труд всего народа, ... строителями новой жизни могут быть те, которых воодушевляют идеи общего блага, интересы всего народа, а не интерес отдельного сословия - подчеркивали кадеты Томска. - Наш идеал - не дворянин и не купец, а гражданин"[5]. "Общее благо" должно было служить отправной точкой в диалоге

---

[1] Сибирская жизнь. 1907. 28 сент.

[2] Бейлин М. К урнам ...

[3] Там же.

[4] Сибирь. 1907. 1 ноября.

[5] Сибирская жизнь. 1912. 11 сент.

политических субъектов и основой для компромиссов. Сколько-нибудь четкие дефиниции этого понятия в кадетской периодической печати Сибири отсутствовали. Общий контекст публикаций позволяет вычленить в его трактовке два основных компонента: неприятие реакции и стремление к укреплению конституционного строя[1]. Понимавшийся подобным образом общенациональный интерес способен был, по мнению кадетов, погасить противоречия в среде прогрессивных элементов русского общества (при сохранении различий в программных установках) и сделать их отпор "элементам, стремящимся отодвинуть историю России назад", не групповым, не партийным, а междупартийным, общественно-политическим в широком смысле этого слова и, следовательно, эффективным[2].

Либеральное восприятие идеи общего блага во многом влияло на отношение местных кадетов к различным политическим партиям. Оценка их потенциальных способностей к служению "общему благу" становилась главным критерием при определении оппонентов и партнеров по политическому диалогу[3].

Разногласия концептуального характера снимали вопрос о целесообразности компромисса с черносотенными организациями. Реакционность политических устремлений последних воспринималась кадетами как антитеза их собственным конституционным проектам. На страницах газеты "Сибирская жизнь" "Союз русского народа" квалифицировался как организация, "враждебная самым элементарным требованиям общественного порядка"[4]. Даже лидер правых кадетов Красноярска В.А.Караулов, выступая в сентябре 1907 г. на предвыборном собрании, счел долгом отмежеваться от ретроградства черносотенцев. "Крайние правые, - отмечал он, - хотят нас вернуть в 17 столетие, вычеркнуть все перенятое от Европы со времени Петра Великого и запереть страну в китайские стены татарско-византийского уклада жизни, характеризующего допетровскую Русь"[5]. Скепсис и неприятие в отношении планов партий крайне правого фланга политического спектра отчетливо сквозили и в словах члена иркутской кадетской организации Ельяшевича, зая-

---

[1] С вступлением России в первую мировую войну в понятие "общего блага" и соответственно "гражданского долга" вводится дополнительный компонент - борьба за единую и неделимую Россию и ее престиж в Европе. См.: Сибирская жизнь. 1914. 24 июля.

[2] Сибирская заря. 1907. 11 июля.

[3] Реалии конкретной ситуации иногда вносили коррективы в намечавшийся кадетами теоретически расклад политических сил. Однако общие идеологические контуры их тактических позиций, определявшие принципиальное отношение к конкурентам, оставались неизменными.

[4] Сибирская жизнь. 1907. 8 сент.

[5] Сибирская жизнь. 1907. 6 окт.

вившего на собрании избирателей II Государственной думы:"... возврат назад, за положенную манифестом (17 октября - О.Х.) грань, невозможен и дело стремящихся к этому ... правых партий - дело безнадежное"[1]. Еще категоричнее высказывались кадеты Иркутска в адрес черносотенцев на страницах периодической печати: "Кроме вреда, Россия от них ничего не получает и не получит..."[2]. Недовольство кадетов реакционными устремлениями крайне правых усиливалось осознанием враждебности самой элитарно-корпоративной природы Союза русского народа, вышедшего из недр привилегированных сословий, "всякой самодеятельности народа"[3].

Противостояние на уровне мировоззренческих установок дополнялось расхождением в выборе тактических приемов их реализации. Если черносотенцам главным средством обеспечения "социальной стабильности" представлялась репрессивная политика, то кадеты основой общественного правопорядка считали укрепление конституционных начал. Выступая на суде над участниками демонстрации 18 января 1905 г. в Томске, М.Р.Бейлин характеризовал ее как симптом "глубокой болезни, залегающей в организме родины", "расстройства отношений между властью и народом" и предлагал в качестве мер по предотвращению протеста в столь "болезненных" и "тяжелых" формах предоставление зданий для собраний, издание законов, гарантирующих гражданские свободы[4]. Будучи противниками насилия во всех его проявлениях, кадеты требовали беспощадного наказания виновников, подстрекателей и попустителей черносотенных погромов[5]. Вероятно, не случайно в Томске местная администрация устранила от ведения дела о погроме и выслала из города председателя суда А.В.Витте - сыграли свою роль опасения по поводу возможности политизации судебного процесса и проявления пристрастности при вынесении приговора[6].

Лишь очень немногие из сибирских кадетов, принадлежавшие к крайне правому флангу партии, не признавали в черносотенцах своих противников. Так, на собрании иркутской кадетской организации 17 мая 1906 г. один из ее членов Виник указал, что кадетской партии не мешало бы предложить объединиться Русскому собранию. Аргументируя своей мнение, он пояснил: "Ведь у нас почти одинаковые программы. Они - за царя, и мы - не против него, и мы хорошо знаем, что Царь для всякого русского человека - земной Бог. Они - за веру, да и мы то же говорим ..." Председатель собрания прервал выступ-

---

[1] Сибирь. 1907. 20 февр.

[2] Сибирская заря. 1907. 16 сент.

[3] Сибирь. 1907. 18 дек.

[4] Сибирская жизнь. 1907. 18 сент.; Сибирь. 1907. 28 окт.

[5] Сибирская жизнь. 1906. 21 июня.

[6] Обнинский В.П. Новый строй. Спб., 1906. Ч.1. С.17; Карательные экспедиции в Сибири в 1905-1906 гг. Документы и материалы. М.-Л., 1932. С.83.

ление Виника и лишил его слова, отметив, что считает неудобным даже поднимать этот вопрос [1]. Позиция Виника не встретила одобрения у присутствовавших. Подавляющее большинство сибирских кадетов не разделяло подобные взгляды.

Черносотенцы, идеологии которых был присущ дух манихейства, предполагавший создание образа врага и его подавление, в свою очередь воспринимали кадетов-центристов как весьма опасного противника, покушающегося на традиционные устои российского самодержавия. В одной из рукописей томских черносотенцев деятели местного отдела кадетской партии Макушин, Жемчужников, Грацианов, Соболев назывались в числе "крамольников", сеящих "смуту" и даже способных на организацию взрывов и поджогов[2]. В октябре 1905 г., когда по Сибири прокатилась волна черносотенных погромов, были разрушены дома кадетов А.И.Макушина, В.К.Штильке и П.В.Орнатского, а также принятый по ошибке за квартиру одного из лидеров барнаульских кадетов Курского дом хлеботорговца Мешкова[3]. "Злейшим внутренним врагом" называли кадетскую партию ораторы от Союза русского народа на собрании избирателей III Государственной думы в Красноярске[4].

Умеренность политических позиций кадетов лишь стимулировала активность крайне правых в разоблачении их "подлинного лица". Пафосом подобного "разоблачительства" были проникнуты публикации издававшейся черносотенцами Красноярска газеты "Сусанин", пребывавшей в состоянии перманентной полемики с кадетским органом печати "Красноярец" и его редактором А.А.Жалудским. Образчиком в этом отношении может служить, например, обращенная к избирателям III Государственной думы редакционная статья следующего содержания: "Не верьте кадетам! ... Они давно морочат русский народ, именуя себя "партией народной свободы", являясь же наоборот партией народной неволи"[5]. Опыт пребывания кадетов в Государственной думе, по мнению черносотенцев, свидетельствовал об их фразерстве, неспособности к делу и одержимости стремлением к власти, к министерским постам и окладам. Аргументируя тезис об антинародном характере политики конституционных демократов, черносотенцы инкриминировали им поощрение грабежей, убийств, погромов русских людей и их имуществ рассуждениями о "принудительном отчуждении" и т.п.[6]

Осуждая кадетов за нерешительность в пресечении революционных выступлений, обвиняя их в стремлении к расчленению России, в подписании

---

[1] Сибирское обозрение. 1906. 19 мая.

[2] Рукопись черносотенцев // ЦДНИТО. Ф.6000. Оп.1. Д.77.Л.1.

[3] Сибирские вопросы. 1906. № 1. С.59, 63.

[4] Сибирская заря 1907. 2 окт.

[5] Сусанин. 1907. 29 сент.

[6] Там же.

"нелепого" Выборгского воззвания и т.п., черносотенцы не допускали возможности соглашений с ними и считали своим долгом борьбу против их агитации[1]. Не случайно один из лидеров Союза русского народа в Сибири священник Восторгов, получив в аренду газетные киоски на станциях Сибирской железной дороги, сразу же изъял из продажи газету "Красноярец" ввиду ее кадетской ориентации[2]. Представители Союза русского народа, организовавшие продажу периодических изданий на станции Обь в Томской губернии, также первоначально отказались от распространения кадетских газет, а затем, будучи вынужденными ввиду убыточности своей коммерции поступиться принципами, назначили за них несопоставимо высокие по сравнению с черносотенной литературой цены[3].

Однако кадеты не придавали сколько-нибудь серьезного внимания организации полемики с крайне правыми партиями, полагая, что черносотенцам не приходится рассчитывать на поддержку широких кругов общественности. "Мы вполне игнорируем правых, - заявляли кадеты Иркутска, - до сих пор они доказали только одно, что по части скандала они сильны"[4]. Несомненным представлялось политическое банкротство и духовное убожество черносотенцев томским кадетам[5]. Красноярские кадеты, в свою очередь, выражали уверенность в отсутствии у местных отделов Союза русского народа каких бы то ни было шансов на успех при отсутствии искусственной поддержки со стороны администрации[6].

Кадеты отдавали себе отчет в пагубных последствиях политической деятельности черносотенцев при благоприятном для них стечении обстоятельств и относили к таковым прежде всего разложение начал конституционной государственности и угрозу национальному благополучию. Поэтому, не вступая в дискуссии с крайне правыми по теоретическим вопросам, они все же считали необходимым "поставить их на свое место". Сделать это, по мнению кадетов, должен был как весь народ, "который не может сочувствовать их человеконенавистническим воззрениям и действиям", так и само правительство[7]. Таким образом, в борьбе с черносотенной опасностью фактически предлагалась тактика "единого фронта".

Не столь однозначным было отношение кадетов к леворадикальным партиям социалистической ориентации. Идея объединенной оппозиции в противовес черносотенной угрозе предполагала поиск компромисса с революцион-

---

[1] Сусанин. 1907. 11 февр.; 29 сент.
[2] Красноярец. 1907. 6 янв.
[3] Сибирская заря. 1907. 15 сент.
[4] Сибирь. 1907. 24 ноября.
[5] Сибирская жизнь. 1912. 8 марта.
[6] Сибирская жизнь. 1908. 12 авг.; Сибирские вопросы. 1910. № 1. С.30.
[7] Сибирская жизнь. 1908. 14 дек.

но-демократическими силами. На одном из первых собраний "свободной народной партии" Красноярска единогласно была принята резолюция "о солидарности с крайними партиями", продиктованная признанием необходимости сплочения "всех живых и сознательных сил общественного движения" для борьбы с черносотенной опасностью[1]. В значительной степени это решение было вызвано общей атмосферой революционного подъема осени 1905 г.[2] Изменение политической ситуации вскоре внесло коррективы в настроения красноярцев. На общем собрании организации 13 марта 1906 г. лидер левого крыла Вс.М.Крутовский предъявил ей обвинение в уклонении от объединения с "крайними прогрессивными партиями" вопреки постановлениям делегатского съезда, усмотрев в этом проявление крайней реакционности большинства красноярских кадетов и их тяготение к "Союзу 17 октября"[3].

На собрании томской кадетской организации 14 декабря 1905 г. идею солидарности с крайними левыми пытался отстаивать Р.Л.Вейсман. Настроения правого фланга в кадетской партии нашли отражение в докладе приехавшего из Москвы В.А.Караулова, который подчеркнул необходимость "всеми силами бороться с крайними левыми партиями"[4]. После оживленного обсуждения собрание приняло компромиссное решение. В резолюции признавалась возможность совместных действий с революционно-демократическими партиями, но делалась оговорка - "если это в каждом отдельном случае не противоречит принципам кадетской партии"[5].

Подобная постановка вопроса о возможности сотрудничества с партиями социалистической ориентации предполагала определение идейной платформы, которая могла бы стать основой для компромисса. Ее содержание определялось совпадением ряда требований партии народной свободы с положениями программы-минимум социалистов. Основными точками соприкосновения кадетам представлялись проекты социальных реформ, осуществимых при данном экономическом строе, и конституционные принципы, вытекающие из идеи народовластия[6]. Общность позиций по этим вопросам делала, по мнению радикал-либералов, непринципиальными разногласия по прочим программным требованиям. Иркутские кадеты, например, заявляли:"...вопрос

---

[1] Голос Сибири. 1905. 30 ноября.

[2] Позднее, после подавления первой революции одним из основных аргументов в пользу политического диалога с партиями социалистической ориентации кадеты считали наличие у таковых реальных шансов на успех среди трудящихся. См.: Сибирская жизнь. 1913. 17 мая.

[3] К истории партии народной свободы // ЦХИДНИККК. Ф.64. Оп.10. Д.22. Л.9.

[4] Сибирский вестник. 1905. 16 дек.

[5] Сибирская жизнь. 1905. 17 дек.

[6] См.: Сибирь. 1907. 13 апр.

о монархии или республике в настоящее время не имеет никакой остроты. Позиции монархии слишком сильны, чтобы кадеты считали нужным их защищать, а социалисты считали возможным в ближайшем времени на них нападать"[1].

Вместе с тем констатация общности ряда программных положений партии народной свободы и социалистических организаций не заслоняла в глазах кадетов Сибири концептуальных различий в их трактовке. Эти различия кадеты Томска зафиксировали в составленном накануне выборов в IV Государственную думу гипотетическом сценарии "свободной игры взаимоотношений" различных избирательных групп: "Кадеты и левые отстаивали бы конституцию и гражданские свободы, первые - во имя осуществления своей программы, вторые - в виде средства для достижения своих идеалов"[2]. В образной форме соотношение позиций кадетов и левых партий по вопросам практической политики обрисовал один из членов иркутского отдела партии народной свободы на собрании избирателей II Государственной думы: "Кадеты и левые ... хотят получить по векселю (Манифесту 17 октября - О.Х.) полностью. Разница между ними та, что кадеты согласны получать частями, дабы не разорить должника (царизм с его бюрократическим аппаратом - О.Х.), а крайние левые ... хотят "посадить его в тюрьму"[3].

Стратегические цели социалистов представлялись кадетам иллюзорными. При этом политические лидеры местных кадетских организаций критиковали социалистические партии не столько за перспективные замыслы общественного переустройства, сколько за отсутствие у их представителей "практического смысла", способности к политической деятельности текущего момента. Считая социалистов идеалистами, мечтателями, одушевленными светлыми идеями, витающими в отдаленных перспективах, не учитывающими фактическое соотношение сил и предел осуществимого в данной ситуации, кадеты преимущество своей партии видели именно в постановке реально достижимых целей[4]. Предметом критики для конституционных демократов, стремившихся к представительству общенациональных интересов и претендовавших на роль надклассовой политической силы, являлась также "односторонность" программ левых партий, их узкоклассовая точка зрения, "не охватывающая интересов общегосударственных" (эсеры "в первую голову" ставят крестьян, социал-демократы- рабочих)[5].

---

[1] Там же.

[2] Сибирская жизнь. 1912. 19 янв.

[3] Сибирь. 1907. 13 марта.

[4] См.: Сибирский вестник. 1905. 16 дек.; Сибирское обозрение. 1906. 4 июня; Молодая Сибирь. 1906. 20 июня; Сибирь. 1907. 20 февр, 27 февр; Сибирская жизнь. 1907. 6 окт.

[5] Сибирское обозрение. 1906. 18 июня; Сибирь. 1907. 27 февр.; 1912. 2 окт.

И все же, заявляя о неодобрительном отношении к постановке конечных целей общественного переустройства и социалистической ориентации крайне левых партий, кадеты не выходили за рамки лояльной критики. Тон их полемики с социалистами резко менялся, когда речь заходила о предлагавшихся последними способах осуществления своих проектов[1]. В этих случаях дискуссии переходили из плоскости фиксации теоретических разногласий в русло непримиримых противоречий. Снисходительность в отношении заведомо неосуществимых, по мнению кадетов, в обозримом будущем замыслов создания социалистического общества сменялась категоричным неприятием насильственных средств ломки существующего строя, опасность использования которых после событий революции 1905-1907 гг. ощущалась либералами как вполне реальная. "Бахвальство вооруженным восстанием ...: приведет только к тому, что перед нами снова будет разбитое корыто, "- заявляли кадеты Иркутска [2]. Даже левые кадеты, призывавшие к солидарности с социалистическими партиями, подчеркивали несогласие с их методами политической деятельности[3]. Лояльность кадетов в отношении партий социалистической ориентации распространялась лишь на те течения в их рядах, которые придерживались реформистских планов общественных преобразований. Придерживавшийся прокадетской ориентации И.И.Серебренников в дневниковых записях сентября 1914 г. дифференцировал "подлинную социал-демократию", высокие образцы которой дают человечеству Англия и Америка, и социал-демократию Германии, Финляндии и России, считая шансы первой на распространение и влияние неизмеримо более весомыми[4].

Контрастность тактических установок партии народной свободы, с одной стороны, РСДРП и эсеровской партии, с другой, становилась для кадетов одним из главных препятствий на пути к практическому достижению политического компромисса. В обобщенном виде представления кадетов о границах допустимых уступок во имя компромисса с левыми партиями изложил на собрании томской организации 21 декабря 1905 г. М.Н.Соболев. Он однозначно заявил, что кадеты не могут принять трех основных положений социал-демократов и социал-народников:"1) республики, как не отвечающей правосознанию и традициям массы русского населения; 2) немедленного осуществления социализма, которое невозможно по экономическим условиям, ибо развитие экономических форм происходит последовательно и постепенно, а не может быть предписано законодателем; 3) наступательных насильственных действий для разрушения существующего порядка, так как эти меры создают ненужные жертвы и оказываются утопичными перед развитой техникой

---

[1] См.: Сибирское обозрение. 1906. 1 июня.

[2] Сибирское обозрение. 1906. 28 мая.

[3] Конституционалисты-демократы // Сибирский вестник. 1905. 16 дек.

[4] Дневник И.И.Серебренникова // ГАИО. Ф.609. Оп. 1. Д.1. Л.44.

войск. Более того, эти действия, раздражая и возбуждая население против освободительных идей, могут оказать обратное влияние в смысле усиления реакции"[1].

Но даже в противостоянии левым радикалам сибирские кадеты руководствовались некими этическими "ограничителями", не позволяющими квалифицировать их позиции как явно конфронтационные. Например, омское бюро партии народной свободы в мае 1906 г. сообщало в ЦК об отказе от критики программы и тактики социал-демократов в условиях военного положения, поскольку таковая могла ассоциироваться с провокаторством, способным навлечь на политических оппонентов административные репрессии[2]. Редакция издававшейся в Томске прокадетской газеты "Сибирский вестник" предоставила местному комитету РСДРП возможность обратиться с призывом к пожертвованиям деньгами и книгами в пользу рабочей библиотеки-читальни "для пробуждения классового самосознания пролетариата и поднятия его общего умственного развития" и дала согласие на прием пожертвований через свою контору. Отрицая используемые РСДРП средства политической деятельности, члены редакции объяснили такой шаг отсутствием у этой партии в Томске собственного печатного органа и выразили надежду, что "подбор литературы в будущей библиотеке-читальне не будет страдать односторонностью"[3]. Кадеты Красноярска, заявляя протест "против всех крайностей - справа или слева", тем не менее считали долгом после декабрьских выступлений 1905 г. "возвысить свой голос с призывом к милости и справедливости при суждениях о событиях, имевших своим ближайшим поводом и источником общественное движение"[4]. Более того, члены красноярского отдела партии народной свободы Жалудский и Филимонов, выступая защитниками по делу о забастовке почтово-телеграфных служащих, просили оправдать своих подзащитных[5].

Попытки выступления кадетов с примиренческой миссией в большинстве случаев вызывали резкое неприятие не только у представителей крайне правого фланга общественного движения, но и у леворадикальных партий. Отношение социал-демократов к их позициям было отчетливо выражено в листовке омского комитета РСДРП:"...тот, кто хочет примирить народ и правительство, не друг народа, а его враг"[6]. Сибирские организации РСДРП, опре-

---

[1] Собрание народной свободной партии // Сибирская жизнь. 1905. 23 дек.

[2] Сообщение омского бюро кадетов в ЦК от 29 мая 1906 г. // ГАРФ. Ф. 523. Оп.1. Д.169. Л.4.

[3] Сибирский вестник. 1905. 27 ноября.

[4] Красноярец. 1907. 14 янв.

[5] Красноярец. 1907. 20 янв.

[6] Революционное движение в Омске в годы первой русской революции (1905-1907). Сб. документальных материалов. Омск, 1957. С.113.

деляя свое отношение к либералам, руководствовались решениями центральных органов партии, обязывавшими "разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявлялась эта ограниченность и недостаточность"[1]. С целью изоляции либералов от масс социал-демократы в выступлениях на собраниях, на страницах газет и листовок настойчиво разоблачали классовую сущность, антидемократизм программных требований, реформистской тактики и соглашательской деятельности кадетов[2].

Реформистская тактика либералов являлась объектом критики и для эсеров. "Просят разрешить собраться, просят об освобождении арестованных членов своей партии, просят не стеснять их деятельности, - писал о кадетах в своей листовке Красноярский комитет партии социалистов-революционеров. - ...Они не понимают, что просить о том, что должно быть обеспечено всем без просьб, просить как о милости - значит потворствовать преступлению, примириться с ним, быть рабом и преследовать свои узкие интересы"[3]. Не устраивала эсеров и кадетская программа ввиду ее "направленности исключительно к освобождению от полицейского гнета" и отказа от экономической революции, в чем усматривалось игнорирование интересов народа[4].

И все же неолиберальные тенденции, присущие политическим позициям кадетов, обусловили их неравнимо большую лояльность по отношению к леворадикальным партиям, чем к партиям крайне правого фланга общественного движения. Призывы радикал-либералов к единению оппозиции базиро-

---

[1] КПСС в резолюциях и решения съездов, конференций и пленумов. М., 1983. Т.1. С.71, 131.

[2] См.: Листовки сибирских комитетов РСДРП // Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции. Сб. документальных материалов. Иркутск, 1955. С.95; 1905 год в Красноярске. Сб. документальных материалов. Красноярск, 1955. С.164; Омская организация РСДРП в первой русской революции 1905-1907 гг. Сб. документальных материалов. Омск, 1956. С.108-110, 113, 125, 164-165, 189, 194, 206, 207; Революционное движение в Омске ... С 189, 207; ЦДНИТО. Ф.6000. Д.33. Л.1; Д.44. Л.5; Д.47.Л.3, 11; Д.49. Л.1; Ф.4204. Оп.4. Д.112. Л.3, 4; ЦДНИИО. Ф.300. Оп.1. Д.91. Л.3; Д.99.Л.7; Д.248. Л.8; Д.249. Л.1; Д.271. Л.1; НОКМ, но/дк. 7854; 12041. Л.1; 14473/ 1 всп.; Азиатская Русь. 1905. 16 ноября; Листок Читинского комитета РСДРП. 1907. № 3; Молодая Сибирь. 1906. 20 июня; Сибирский вестник. 1905. 2 дек; Красноярский рабочий. 1905. 10 дек.; Степной голос. 1906. 14 мая; Голос социал-демократа. 1907. № 2 //ГАНО. Ф.601. Оп.1. Д.102. Л.60.

[3] Дума и либеральные партии. Листовка Красноярского комитета ПСР. 20 марта 1906 г. // ГАРФ. КПП. № 4887.

[4] Азиатская Русь. 1905. 13 дек.

вались на представлениях о возможности достижения компромисса с партиями социалистической ориентации, диктовавшими преимущественную ориентацию «налево» в поисках партнеров по политическим блокам и соглашениям.

Иначе складывались взаимоотношения с партиями нелиберального спектра у октябристов. Особенности их политических предпочтений определялись как программными, так и тактическими установками носителей консервативных традиций в отечественном либерализме.

Тактика октябристов была вполне адекватна умеренной программе буржуазных реформ, предлагавшейся "Союзом 17 октября". Революционным способам общественного переустройства они противопоставляли "разумную", мирную эволюцию к порядку и осуществлению гражданской свободы, "нормальный прогресс". Исторический опыт цивилизованных стран воспринимался октябристами как убедительное подтверждение того, что "прочное улучшение жизни достигается не сразу, не скачками, а только медленной, упорной культурной работой"[1]. Издание Манифеста 17 октября создавало, по их мнению, благоприятные условия для эволюционных преобразований. В воззвании омского отдела "Союза 17 октября", выпущенном в декабре 1906 г., отмечалось:"...положение, созданное манифестом 17 октября 1905 г., дает возможность приступить к осуществлению конституционной жизни с тем, чтобы дальнейшее ее развитие и совершенствование достигалось путем мирной борьбы мнений и авторитетом народного представительства"[2].

Основную миссию по организации и выполнению "великой культурной работы" октябристы возлагали на Государственную думу. Этим объяснялась их настойчивость, граничившая с нетерпением, в требованиях скорейшего созыва Думы в начале 1906 г. От ее деятельности они ожидали многого: проведения "ближайших по очереди" политических реформ, начала экономических и социальных преобразований, а в конечном итоге переустройства всей жизни на началах гражданской свободы, возвещенных Манифестом 17 октября, возникновения "нового, прекрасного здания истинно свободного государства" и всеобщего подъема производительных сил. Заинтересованность всех классов, всех национальностей в подобных результатах должна была стать, по их убеждению, основой для сплочения "воедино" во имя обеспечения поддержки деятельности Государственной думы. Притягательность Думы для октябристов усиливало представление о ней, как единственной силе, способной положить конец "небывалой смуте", ведущей Россию к гибели[3]. Связывая перспективы общественного развития исключительно с Государственной ду-

---

[1] Неотложное дело (ред. ст.) // Время. 1906. 11 янв.

[2] Голос степи. 1907. 13 янв.

[3] Неотложное дело ...

мой, местные отделы "Союза 17 октября" признавали приемлемым способом борьбы только парламентский и "все способы, с ним связанные"[1].

В таком контексте внепарламентская деятельность воспринималась сибирскими октябристами как вспомогательная, а ее направления и целевые установки всецело определялись желанием обеспечить Государственной думе возможности плодотворной работы. Поэтому основные усилия они считали необходимым сосредоточить на организации избирательных кампаний, вербовке единомышленников, составлении и распространении списков кандидатов в депутаты от "Союза"[2]. Конкретное содержание внепарламентской работы октябристов задавала сама консервативно-либеральная природа их политической культуры. Определяя задачи партии на общем собрании томского отдела 15 января 1906 г., Н.Ф.Кащенко призывал "собрать все энергичные и умеренные элементы общества, вдохнуть энергию в тех, кто ее не проявляет, соединиться с народом, ... предостеречь его от несправедливых и насильственных действий над кем бы то ни было, и вместе с ним твердо стать на мирную защиту того старого, что достойно защиты, и неуклонно идти к достижению того нового , что указано нам Манифестом 17 октября"[3].

Ставка на эволюционный вариант развития с его преемственностью и поступательностью, ориентация на использование исключительно мирных способов деятельности были сопряжены для октябристов с категорическим неприятием революционных методов борьбы. В программе Временной Либерально-конституционной партии Верхнеудинска подчеркивалось: "Полное отрицание, в данном положении ненужной и безусловно вредной для ныне живущего поколения, революции"[4]. Революционное движение, мешающее людям "выполнять свои служебные обязанности", ассоциировалось у октябристов с нарушением свободы. "Настоящую свободу насилием водворить невозможно, - заявляли они. - Несомненно же достигаются этим, во-первых, запуганность и громадные потери как материальные, так и нравственные, а затем недовольство и отпор в форме такой же грубой, или даже еще более грубой"[5]. К числу возможных последствий "крайней смуты", вызванной стремлением леворадикальных партий к насильственному присвоению власти, октябристы относили также полное банкротство всего государства и общее разорение[6].

---

[1] См.: Программа Верхнеудинской Временной Либерально-конституционной партии ...; Время. 1906. 11 янв.

[2] Неотложное дело ...

[3] Кащенко Н.Ф. О патриотизме ...

[4] Программа Верхнеудинской Временной Либерально-конституционной партии ...

[5] Время. 1906. 3 янв.

[6] Речь профессора И.Г.Табашникова ...

Свои тактические позиции деятели "Союза 17 октября" пытались обосновать, оперируя, главным образом, понятиями нравственных ценностей и взывая к чувству гражданского долга. В программе, принятой на учредительном собрании томской октябристской организации 14 декабря 1905 г (т.е. в разгар Декабрьского вооруженного восстания), указывалось: "В отношении текущих событий внутренней русской общественной жизни партия держится следующих взглядов: а) забастовки в тех отраслях деятельности, которые имеют общественное или государственное значение, вообще вредны для населения, а при настоящих тяжелых условиях, переживаемых страной, гибельны; б) принуждение к забастовкам всякого рода нарушает священное право свободного гражданина - свободу личности; в) забастовки лиц, состоящих на государственной службе, ... противоречат нравственному сознанию человеческой личности, с должным уважением относящейся к своему человеческому достоинству"[1].

Омский отдел "Союза 17 октября", обращаясь в декабре 1906 г. с воззванием "К мирным гражданам", отмечал, что "ложь, клевета, обман (под которыми подразумевалась пропаганда революционных партий - О.Х-) затуманили нравственное чувство", а "кровавые способы борьбы надолго отравят народную совесть"[2]. Омским октябристам вторил один из активнейших членов томской октябристской организации А.И.Ефимов, заявивший на частном совещании членов Совета Технологического института в январе 1906г., что революционная агитация "приняла за последнее время явно изменнический, непосредственно для государства опасный характер"[3]. Основным источником революционных волнений ему представлялись не столько недостатки существующего государственного строя, сколько "причины нравственного порядка, мало зависящие от той или иной государственной системы". Долг перед Отечеством обязывал, по мнению профессора, к порядку и работе[4].

Являясь, в отличие от кадетов, противниками использования революционных форм борьбы в каких бы то ни было проявлениях и при каких бы то ни было обстоятельствах, октябристы открыто призывали правительство употребить силу при подавлении "надоевшей всем и вся кровавой революции"[5]. Введение военного положения в качестве предупредительной меры признавалось сибирскими кадетами более целесообразным, чем введение его тогда,

---

[1] Томский отдел "Союза 17 октября" ... Программа...

[2] Голос степи. 1907. 21 янв.

[3] Записка члена Совета ТТИ и.д. экстраординарного профессора А.И.Ефимова по поводу событий последнего времени, прочитанная в частном совещании членов Совета 29 января 1906 г. // ГАРФ. Ф.102. 1907. 4 д-во. Д.77. Ч.5. Т.2. Л.4.

[4] Там же.

[5] Родной голос. 1906. 4 янв.

когда "результаты преступной пропаганды приводят к вооруженным столкновениям"[1]. "Прибегать к самым энергичным крайним и решительным мерам в интересах восстановления нарушенного общегосударственного спокойствия и мирного существования граждан" они считали обязанностью правительства, заявляя, что "стеснительные и карательные меры правительства безусловно оправданы существующим положением"[2].

Одобряя репрессивные меры по подавлению революционного движения, октябристы не останавливались и перед отказом от основных положений Манифеста 17 октября, о приверженности к которым постоянно твердили. Пытаясь оправдать непоследовательность своих политических позиций, они объявляли правительственные меры, "вызываемые крайней государственной необходимостью на время существования исключительных условий", не противоречащими возвещенным Манифестом 17 октября законности и свободе [3]. Более того, так называемые "временные меры" правительства, с их точки зрения, как раз и были "направлены на водворение в стране порядка, необходимого для практического осуществления основных начал Манифеста"[4]. Октябристы снимали с правительства ответственность за политику репрессий и вполне солидаризировались с этой политикой, отмечая, что "первый долг гражданина есть уважение к закону, повиновение ему, поэтому всякий, кто взывает к насилию, нарушает гражданский долг, естественно и необходимо ставит себя сам вне покровительства законов"[5]. Содействие правительству в восстановлении "общегосударственного спокойствия" и "умиротворении Отечества на основах Манифеста 17 октября" воспринималось ими как обязанность каждого русского гражданина. Представители являвшейся коллективным членом "Союза 17 октября" тобольской партии центра во главе с их лидером Шильдер-Шульднером, не ограничившись словесной поддержкой правительственного курса на подавление революции, даже принимали непосредственное участие в деятельности организованного местной администрацией комитета для борьбы с революцией[6].

Членов "Союза 17 октября" нисколько не смущало присвоение их партии статуса правительственной. В составленном томским бюро документе, характеризовавшем общие принципы деятельности "Союза", указывалось: "Союз 17 октября" - партия правительственная в том смысле, что желание Прави-

---

[1] Родной голос. 1906. 11 янв.

[2] Речь профессора И.Г.Табашникова ...

[3] Томский отдел "Союза 17 октября" ... Программа ...

[4] Общие принципы деятельности "Союза 17 октября", составленные и отредактированные томским бюро // Время. 1906. 24 янв.

[5] Сибирские известия. 1905. 6 ноября.

[6] Костюрин В. Неудачный опыт "правительственных кандидатов" ///Сибирские вопросы. 1906. № 4. С.91.

тельства, выраженное в манифесте 17 октября, отвечает желанию партии. Эта партия оказывает доверие правительству и поддерживает его политику, пока оно остается верным началам манифеста"[1]. Такая формулировка допускала возможность отказа от поддержки правительства при определенных условиях. Председатель томского бюро Н.Ф.Кащенко обозначал их следующим образом: "Если бы мы подозревали его (правительство - О.Х.) в желании вернуться к старому порядку, или наоборот - в желании следовать крайним революционным доктринам, то мы должны были бы занять по отношению к правительству оппозиционное положение"[2]. Однако, не видя к этому достаточных оснований в годы первой революции, местные октябристы не находили их и впоследствии и так и не решились преступить черту, отделявшую "правительственные" партии от оппозиционных.

Одобрение карательных мер по пресечению освободительного движения сближало представителей консервативного либерализма с черносотенцами. Импонировали им ставка последних на пробуждение патриотизма и национального самосознания русского народа, стремление считаться с существующим положением вещей, уважительное отношение к прошлому русского народа и государства, к "зиждущим началам, вечным основам человеческих обществ", неприятие "необдуманных и скороспелых реформ, не считающихся с настроением огромного большинства народа" и т.п.[3] Поэтому высказывания октябристов в адрес черносотенных организаций, как правило, отличались вполне доброжелательным тоном. Исключения были редкими. Например, в программе Верхнеудинской Либерально-конституционной партии содержалось заявление о решительном осуждении "внутренних неурядиц всех категорий, которые часто ведут к переходу власти в преступные руки, и, в частности, еврейских погромов"[4]. Правда, аргументация этого осуждения выглядела довольно своеобразно: "Если убить даже целую тысячу евреев по всей империи, то в массе восьми миллионов наших евреев это не произведет никакого переворота, огрубеет только наш и их народ, а еврейский вопрос останется без изменения"[5].

Однако, если левые октябристы еще позволяли себе иногда оценивать действия "черных сотен" как преступные в силу нарушения ими принципа гражданской свободы[6], то с правого фланга сибирских организаций "Союза 17 октября" по поводу этих действий раздавались голоса одобрения. Черно-

---

[1] Общие принципы деятельности "Союза 17 октября" ...

[2] Кащенко Н. Политический кризис ...

[3] Время. 1906. 11 ноября.

[4] Программа Верхнеудинской Временной Либерально-конституционно партии ...

[5] Там же.

[6] Сибирские известия. 1905. 9 ноября.

сотенные погромы 1905 г. рассматривались правыми октябристами как закономерная реакция на революционные выступления, которые "парализуют мирное течение русской жизни и причиняют русскому народу миллиардные убытки"[1]. На страницах октябристской печати приветствовалось создание местных отделов "союза русского народа" и родственных ему организаций[2].

И все же возможности практического сотрудничества с черносотенцами сибирские октябристы оценивали далеко не однозначно. В томском отделе "Союза 17 октября" накануне выборов во II Государственную думу шла дискуссия во вопросу о возможности блокирования с "Русским народным обществом за Веру, царя и Отечество". Группа октябристов во главе с С.П.Абрамовым рассчитывала путем соглашения с обществом увеличить шансы своей партии на победу в предвыборной борьбе. Между тем газета "Время" проводила противоположную линию[3]. Оживленные прения по вопросу о блоке томского отдела "Союза 17 октября" с "Русским народным обществом" для совместного проведения выборов в Государственную думу состоялись на собрании октябристов 28 января 1907 г. Результаты голосования по этому вопросу выявили 27 сторонников блока и 53 его противника[4].

Тем не менее контакты октябристов с "Русским народным обществом" имели место. В газете "Время" помещались объявления "Русского народного общества" о его собраниях и приеме в члены общества, рекламировались брошюры, полученные в киосках общества[5].Проводились объединенные собрания двух организаций[6]. Порой их контакты принимали форму непосредственного сотрудничества. Так, на заседание бюро томской октябристской организации 6 апреля 1907 г. были приглашены члены правления общества "За Веру, Царя и Отечество". Согласно принятому на этом заседании руководителями организаций совместному постановлению, на имя председателя Государственной думы была отправлена телеграмма с выражением протеста против лишения представителей "первенствующей" православной религии возможности участвовать в вероисповедной комиссии, в чем усматривалось "новое намеренное оскорбление православного русского народа"[7]. Кроме того, несмотря на противодействие некоторых октябристов, состоялось соглашение томского отдела "Союза 17 октября" и "Русского народного общества"

---

[1] Сибирские известия. 1905. 5 ноября.

[2] Время. 1906. 10 ноября, 11 ноября.

[3] См.: Время. 1907. 23 янв.; Краснoярец. 1907. 28 янв.; Сусанин . 1907. 8 сент.

[4] Сибирская мысль. 1907. 30 янв.

[5] Время. 1906. 24 дек., 30 дек; 1907. 13 янв., 13 июля.

[6] Время. 1907. 14 марта, 20 марта, 27 марта.

[7] Время. 1907. 6 апр., 11 апр.

на выборах во II Государственную думу[1]. Довольно сильное течение в пользу блокирования с обществом существовало в октябристской организации Томска и накануне выборов в III Государственную думу[2].

Со своей стороны черносотенцы, встречая поддержку октябристов, также протягивали им руку дружбы. О "Союзе 17 октября" они с одобрением отзывались как о "единственной в России строго конституционной и в то же время искренно монархической партии"[3]. На собрании членов красноярского отдела "союза русского народа" в феврале 1907 г. при обсуждении вопроса о предвыборных соглашениях было отмечено: "Что касается октябристов, обещающих нам свою поддержку, то сочувствие их должно быть принято с глубокой благодарностью, и поддержка эта особенно ценна потому, что она предложена ... бескорыстно и без требования каких-либо жертв со стороны "Союза русского народа"[4]. Родственные чувства, которые испытывали черносотенцы по отношению к октябристам, были настолько сильны, что члены тобольского отдела "Союза русского народа" на собрании 8 октября 1906 г., например, избрали товарищем председателя своей организации Н.М.Харченко, являвшегося редактором печатного органа тобольского отделения партии центра "Родной голос"[5]. В иркутском отделе "Русского собрания" возникло течение, представители которого ратовали за преобразование отдела в октябристскую организацию[6]. С образованием отдела октябристской партии в Красноярске в его ряды перешли многие, примыкавшие ранее к "Союзу русского народа"[7].

Отмечая близость политических позиций и обусловленные этим тесные контакты черносотенцев и октябристов, обская группа РСДРП в своем печатном органе, газете "Обской рабочий" подчеркивала: "Черносотенцы и октябристы совершенно справедливо называют друг друга "братьями" ...Все они ярые враги народа: с ними должно решительно бороться ..."[8]. На сотрудничество черносотенцев и октябристов указывал и томский комитет РСДРП в листовке "Чего хотят для народа Союз "за Веру, Царя и Отечество" и "Союз 17 октября" (апрель 1907 г.)[9].

В борьбе с "Союзом 17 октября" социал-демократы ставили перед собой задачу "всех воочию убедить в том, что под лицемерной маской конститу-

---

[1] Время. 1907. 25 февр.

[2] Сусанин. 1907. 8 сент.

[3] Православный сибиряк. 1906. 17 дек.

[4] Сусанин. 1907. 11 февр.

[5] Сибирский листок. 1906. 12 окт.

[6] Сибирская мысль. 1906. 17 окт.

[7] Красноярец. 1907. 6 янв.

[8] Обской рабочий. 1907. № 1 (март) //НОКМ. 14473 1/всп.

[9] ЦДНИ ТО. Ф.6000. Оп.1. Д.50.Л.1.

ционализма скрывается чисто реакционная физиономия"[1]. Обращая внимание на буржуазно-помещичий и чиновничий состав октябристской партии, они подчеркивали классовый характер ее программных требований. Социал-демократы отмечали своекорыстие октябристов, разоблачали демагогичность их заявлений о намерении добиваться улучшения положения народа и предоставления ему политических свобод, постоянно проводили в своих листовках мысль об антидемократизме октябристов[2].

Первоначально некоторые представители сибирских октябристов предполагали руководствоваться в отношениях с леворадикальными партиями принципом терпимости. Имея в виду "деятелей как реакции, так и в особенности революции", лидер томского отдела "Союза 17 октября" Н.Ф.Кащенко обозначал тактическую линию партии таким образом: "Мы будем действовать спокойным словом, возможно дружественным по отношению к нашим политическим противникам ... Партия в целом ... должна быть выше чувства раздражения"[3]. Считая "борцов, которые действуют средствами хотя бы и не законными, но по существу благородными", "с полным забвением собственных интересов", достойными уважения, Н.Кащенко предполагал, что отношение к приемам борьбы, которые "недостойны уважения" следует выражать исключительно отказом от подражания им[4].

Однако в действительности принцип толерантности представителями консервативного либерализма не выдерживался. Более того, их высказывания в адрес леворадикальных партий, как правило, были преисполнены духом откровенной конфронтационности. Так, Временная Либерально-конституционная партия Верхнеудинска считала долгом "громко заявить свой протест красным врагам Отечества и выразить этим анархистам единодушно ... свое полное презрение именно как врагам Отечества, а не как партии, за каковую мы анархию вовсе не признаем"[5]. За выраженным в столь эмоциональной форме неприятием политики леворадикалов стояли претензии вполне определенного свойства. Прежде всего критичность настроя октябристов вызывал утопизм их мечтаний о социалистическом строе, склонность "хватать через край и витать в эмпиреях". Недовольство пренебрежительным отноше-

---

[1] К выработке избирательной платформы // Листок. Издание Читинского комитета РСДРП. 1907. № 3 (февраль).

[2] См.: Листовки сибирских комитетов РСДРП // ЦДНИ/ТО . Ф.6000. Оп.1. Д.50. Л.1; ЦДНИ/ИО. Ф.300. Оп.1. Д..271. Л.1, 2; ГАИО. Ф.601. ОП.1. Д.102. Л.39; НОКМ. 14473 / 1 всп.; ио/дк.7854; Революционное движение в Омске ... С. 189, 201, 207; Красноярский рабочий. 1905. 17 дек.; Обской рабочий. 1907. № 1 (март).

[3] Кащенко Н. Политический кризис ...

[4] Там же.

[5] Верхнеудинская конституционная газета. 1906. 2 февр.

нием партий социалистической ориентации к "истинной науке, логике, здравой морали" и всем общественным устоям России усиливалось представлениями о несоответствии их политических идеалов "желаниям, стремлениям и вожделениям массы русского населения"[1]. В редакционной статье газеты "Время" отмечалось:"... в крайних учениях социалистических партий далеко не все подходит к укладу русского человека , к исторически сложившимся условиям его быта, к его коренным воззрениям на сущность государственного управления"[2].

Контраст российского менталитета и постулатов социалистической доктрины являлся для октябристов одним из основных, но не единственным доказательством несостоятельности политической линии леворадикалов. Мощный рычаг, "окончательно отклоняющий все симпатии мыслящего общества в сторону умеренных партий", видели консервативные либералы в тактике социалистов, их фанатизме, проявлявшемся в использовании средств насилия для воплощения в жизнь своего политического учения "во что бы то ни стало"[3]. По меньшей мере неэтичным считали октябристы и стремление леворадикалов к спекуляции на низменных инстинктах невежественных масс[4].

Единственным бесспорным достоинством, признававшимся октябристами за крайними левыми партиями, была их организованность и сплоченность. Считая необходимым воспользоваться опытом леворадикалов, позаимствовать у них "энергию, стойкость, дисциплину, вообще их удивительную организацию", местные деятели "Союза 17 октября" рассчитывали тем самым повысить эффективность мирного протеста против "кровавого движения социализма". Более того, они выражали уверенность в том, что использование подобного опыта гарантирует полный успех борьбы за свободу, законность и порядок, "ибо большинство настоящего русского народа, а не "народа" социалистических партий - на нашей стороне"[5].

Октябристы расценивали перспективные шансы социалистов как незначительные ввиду нестыковки их общественно-политических идеалов с народными интересами. В редакционной статье газеты "Время" отмечалось:"... социал-демократы и социалисты-революционеры, как по условиям предстоящей политической борьбы, так и по печальным и гибельным результатам для народного хозяйства их деятельности, главным же образом по безжизненности их доктрины, по враждебности ее исконным интересам и представлениям русского народа, совершенно не могут рассчитывать на успех"[6].

---

[1] Время. 1906. 3 янв., 24 янв., 11 ноября.

[2] Время. 1906. 3 янв.

[3] Время. 1906. 3 янв., 24 янв.; 1907. 9 мая.

[4] Время. 1906. 3 янв. ; Речь профессора И.Г.Табашникова ...

[5] Время. 1906. 3 янв.

[6] Политические партии (ред. ст.) //Время. 1906. 24 янв.

Наиболее сильной влиятельной партией, способной составить конкуренцию "Союзу 17 октября", сибирские представители последнего считали конституционно-демократическую[1]. Полемике с ней октябристская печать уделяла, пожалуй, основное внимание. Родство "Союза 17 октября" и конституционно-демократической партии по признаку общности либеральной природы не снимало остроты противоречий между двумя отечественными ипостасями либерализма. Фиксируя сходство политических позиций своей партии и кадетской, октябристы отмечали, что "эти две партии стоят очень близко одна к другой, расходясь лишь в немногих пунктах программы"[2]. В начале 1906 г. эта близость служила даже основанием для надежд на временный характер "антагонизма, обусловленного разницей отношения названных партий к правительству в данный момент: "Союз 17 октября" верит в желание правительства осуществить намеченную 17 октября реформу и поддерживает его, партия же конституционно-демократическая ... не доверяет нынешнему правительству и занимает по отношению к нему оппозиционное положение"[3]. Анализируя основные положения листка томской кадетской организации "Чего хочет свободная народная партия", местные октябристы фактически выражали несогласие лишь с требованием прямого и тайного голосования при выборах в Государственную думу, как нецелесообразным для "данного времени", и заявляли: "Все остальные желания выражены в такой форме, что гораздо больше похожи на желания Союза, чем конституционно-демократической партии. ... Листок собственно пропагандирует более программу Союза, чем конституционно-демократической партии"[4].

И все же октябристы не склонны были считать кадетов своими единомышленниками. Серьезным "недугом" конституционно-демократической партии они считали ее принципиальную неустойчивость, неопределенность и широковещательность деклараций, обусловившие сосуществование в ее рядах "элементов несомненно умеренных, строгих конституционных монархистов" и тяготевших "влево" радикалов[5]. Особую опасность кадетов как политических противников местные октябристы связывали именно с наличием радикальной тенденции в позициях партии, выступающей "под одним с виду флагом" с "Союзом 17 октября"[6]. Поэтому одной из первоочередных тактических задач лидеры томской октябристской организации, например, считали

---

[1] См.: Время. 1906. 17 янв., 21 янв., 16 апр.; 1907. 9 мая.

[2] Союз 17 октября и конституционно-демократическая партия (ред. ст.) // Время. 1906. 17 янв.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Время.1906. 16 апр.

[6] Второе общее собрание членов томского отдела Союза 17 октября // Время. 1906. 25 янв.

борьбу с конституционно-демократической партией путем разоблачения ее "действительного облика" и "истинных намерений"[1].

Основной полемический заряд октябристской печати был направлен против выдвигавшегося кадетской партией требования созыва Учредительного собрания, которое расценивалось (ввиду отсутствия в принятой I съездом программе указания на сохранение в России монархии) как стремление к республиканской форме правления. Заявленная в программных документах сибирских кадетских организаций с первых дней их существования приверженность идеалам конституционной монархии частично выводила их из-под огня критики октябристов. Фиксируя отличия программ местных отделов от общепартийной в этом отношении, октябристы Томска даже выражали сомнения по поводу правомерности их претензий на статус филиалов конституционно-демократической партии[2]. Впрочем, и изменение пункта о государственном устройстве в официальной программе на II съезде партии народной свободы не смогло снять укоренившихся у октябристов подозрений в отношении республиканских симпатий своих оппонентов.

Другим пунктом кадетской программы, вызывавшим нападки со стороны октябристов, являлось требование автономии, как ведущее к подрыву государственного единства[3]. Это требование служило октябристам поводом для постоянных упреков кадетам в антинационализме, космополитизме, подчинении интересов коренного русского населения интересам "инородцев" и т.п.[4]

Объектом разногласий между октябристами и кадетами стали и вопросы тактического значения. Октябристы, в большинстве своем тяготевшие к сотрудничеству с черносотенцами, осуждали кадетов за соглашения с социал-демократами и эсерами. Их недовольство вызывало и то показное сочувствие, которое кадеты проявляли в период наивысшего подъема революционного движения по отношению к забастовкам[5]. При этом степень оппозиционности и радикализма кадетов зачастую явно преувеличивалась.

В свою очередь кадеты склонны были считать вопросы тактического порядка, определяющие отношение партий к событиям текущей жизни, гораздо более значимыми для выявления их подлинной роли, чем программные декларации. Соглашаясь признать "некоторый умеренно-прогрессивный характер" программы "Союза 17 октября", тактику его они расценивали как "явно

---

[1] Там же; Первое общее собрание членов томского отдела Союза 17 октября // Время. 1906. 17 янв.; Время. 1906. 24 янв.

[2] Политические партии (ред. ст.) ...; Сравнительный обзор программ партии "Союза 17 октября" и партии конституционно-демократической (ред. ст.) // Время. 1906. 27 янв.

[3] Время. 1906. 21 янв., 27 янв., 14апр., 20 апр.

[4] Время. 1907. 17 янв.

[5] Время. 1906. 17 янв., 13 апр.

реакционную"[1]. Особое недовольство радикал-либералов вызывала предрасположенность октябристов к соглашениям с крайне правыми партиями и их апелляция к поддержке со стороны местной и центральной администрации[2].

Впрочем, и программные установки октябристских организаций кадеты не оставляли без критики, считая их свидетельством намерения защищать исключительно интересы имущих классов[3]. Несостоятельность "Союза 17 октября" в выявлении глубинных причин общественного кризиса не позволяла его лидерам, по мнению кадетов, указать практический выход из сложившегося положения[4]. Критически оценивая деятельность октябристской фракции в Государственной думе, кадетская печать воспринимала ее как подтверждение полной неспособности к проведению необходимых для России коренных реформ политического строя и социального быта[5].

В целом характеристики и эпитеты, которыми сибирские кадеты наделяли октябристов, свидетельствуют о том, что они не рассматривали "Союз 17 октября" как партию либеральной ориентации, а его членов как единомышленников и соратников в отстаивании либерально-конституционных принципов общественного устройства. Для них "Союз" скорее являл собой умеренно-реакционную "партию старого порядка", образчик "замаскированной реакции или бреда романтического славянофильства". Отличительными чертами его членов кадеты считали: полную политическую бездарность; конституционное невежество; неустойчивость идей и тактики, не позволявшие рассчитывать на успех у населения[6].

Воспринимая партию октябристов в целом как "механический агрегат лиц, объединенных не положительными идеалами хотя бы очень осторожного либерализма, а отрицательным отношением к эксцессам недавней смуты", и в силу этого чрезвычайно пестрый по своему социальному составу, кадеты Сибири особенно критично оценивали организационное состояние местных отделов "Союза 17 октября". По их мнению, сибирские отделы представляли "совершенно случайный сброд, готовый распасться при первом серьезном вопросе"[7]. Раскол в рядах томской октябристской организации, в результате которого образовалось "Русское народное общество за Веру, Царя и Отечество" и отошла к беспартийным небольшая группа умеренно-либеральной интелли-

---

[1] Сибирское обозрение. 1906. 15 февр.

[2] Сибирское обозрение. 1906. 19 мата; Сибирская жизнь. 1912. 19 янв.

[3] Листок омского бюро партии народнойсвободы ... Л.35; Собрание народной свободной партии // Сибирская жизнь. 1905. 23 дек.; Народные нужды. 1906. 9 марта.

[4] Сибирская жизнь. 1909. 10 ноября.

[5] Сибирская жизнь. 1909. 6 сент., 25 окт.

[6] Сибирь. 1907. 24 ноября.

[7] Сибирское обозрение. 1906. 19 марта.

генции, преподносился как явление вполне закономерное, подтвердившее прогнозы кадетской прессы. "То, что осталось в "Союзе", представляет из себя нечто бесцветное, безличное, бесформенное, безвредное, но и бесполезное," - констатировалось в редакционной статье газеты "Сибирская жизнь"[1].

Естественно в этой связи, что кадеты Сибири в отличие от официального руководства партии народной свободы не только не допускали возможности идейного соглашения с партией "последнего правительственного распоряжения", но и скептически оценивали шансы соглашения технического, на именах[2]. После первой революции вопрос о блокировании с октябристами утратил для местных кадетов практическое звучание в связи с организационным распадом сибирских отделов "Союза 17 октября". Наметившиеся в 1914 г. среди части партийных лидеров центра настроения в пользу соглашения с октябристами, во избежание блокирования последних с крайне правыми, кадеты Сибири не поддержали, оставшись верны своей убежденности в том, что союз с октябристской партией "может быть только мезальянсом самого компрометирующего свойства".

Характеристика взаимных оценок кадетов и октябристов Сибири является показателем глубины раскола между двумя политическими течениями отечественного либерализма в начале XX в., в известной степени определившего трагичность его судьбы. Высокий уровень социальной и идейно-политической поляризации российского общества, "зажатость" либерализма между крайними флангами политического движения резко усилили традиционные различия и противоречия консервативного и неолиберального течений, придав им черты конфронтационности.

---

[1] Сибирская жизнь. 1907. 4 июля.

[2] Там же; Сибирская заря. 1907. 18 авг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс идейно-политического оформления либеральной оппозиции в Сибири отразил общие закономерности эволюции российского либерализма в начале XX в. Образование основных партий либеральной ориентации - «Союза 17 октября» и конституционно-демократической - организационно закрепило идейный раскол отечественного либерализма и способствовало кристаллизации двух его ипостасей - классического и неолиберального толка. Вместе с тем сохранялась определенная общность их мировоззренческой и политической платформы, обусловленная прежде всего приверженностью основополагающей установке либерализма - приоритету человеческой личности. Признание самоценности индивидуальной свободы, положенное в основу моделирования экономических, политических, социальных отношений, объединяло кадетов и октябристов. В этой связи представляется возможным квалифицировать их воззрения на сущностные проблемы общественного развития как соответствующие минимальному идеальному типу либерального сознания.

Анализ позиций октябристов и кадетов Сибири, в большинстве своем укладывавшихся в рамки официальных установок центрального руководства партий, свидетельствует о том, что «Союз 17 октября» и партия народной свободы являли собой достаточно репрезентативные воплощения соответственно классической и неолиберальной тенденций в отечественном либерализме. Идеология октябристской партии предусматривала безусловный приоритет права частной собственности, четко зафиксированный в программе, и традиционалистский негативизм в отношении активной регулирующей роли государства в социально-экономической сфере. Кадеты же, следуя духу неолиберальных теорий, признавали приоритет индивидуальной свободы, подчеркивая внеклассовый характер своих требований. Их стремление к преодолению формализма юридически-правового равенства посредством предоставления равных стартовых возможностей предполагало позитивную роль государства в социальной и экономической жизни.

Приемлемость характеристик двух подтипов либерального сознания - экономически-либерального (классический либерализм) и социал-либерального (неолиберализм) - для определения сущностных особенностей позиций местных октябристов и кадетов является показателем соответствия основных направлений процесса идейно-политического формирования либеральной оппозиции в Сибири ведущим тенденциям в развитии и трансформации либерализма вообще на рубеже XIX-XX вв. Однако этот процесс продемонстрировал и известную полифоничность, многообразие «идеологического семейства» либерализма, породив некоторые своеобразные региональные вариации в либеральных проектах общественных преобразований.

В значительной степени эти вариации были обусловлены особенностями политического и социально-экономического статуса Сибири. Трепетно относясь к нуждам края, местные либералы считали своим долгом дополнять общепартийные программные документы специфическими требованиями, нацеленными на обеспечение равноправного положения региона в России, на удовлетворение потребностей его развития.

Отпечаток на позиции либералов наложили и особенности политической дифференциации в крае, носившей замедленный характер. Не случайно в программных документах ряда октябристских и кадетских организаций обнаруживалось смешение требований различных политических партий. Программа «партии центра» в Тобольске, являвшейся коллективным членом «Союза 17 октября», включала целые разделы из программы конституционно-демократической партии. Кадеты Томска и Минусинска ориентировались на трудовую норму в решении проблемы определения размеров крестьянского землепользования. Более того, в программе минусинского отдела партии народной свободы был зафиксирован принцип принадлежности земли сельскохозяйственного пользования трудовому земледельческому населению, а томский комитет заявил о намерении поддерживать реформы, направленные на социализацию производства.

Наконец, сам дух провинции не мог не повлиять на умонастроения сибирских либералов. Правда, влияние это на позиции кадетов и октябристов не было равнозначным. Для первых отдаленность от центра стала дополнительным импульсом в поиске лозунгов и формул, способных снискать симпатии местного населения и обеспечить успех в условиях жесткой политической конкуренции. Октябристы же, возлагавшие ответственность за переустройство Отечества исключительно на центральные органы власти, филиальное положение своих организаций воспринимали скорее как позволявшее им самоустраниться от детализированной разработки проектов реформ и ограничиваться в своих программах декларированием самых общих и по сути ни к чему не обязывающих положений.

Если специфика в политических установках сибирских кадетов и октябристов являлась в основном отражением особенностей регионального развития, то нюансы в философском осмыслении действительности и конструировании социально-политических моделей были связаны прежде всего с индивидуальностью мировосприятия носителей либерального типа сознания. Анализ эпистолярного наследия профессоров Томского университета, являвшихся членами кадетской и октябристской партий, убеждает в наличии солидного теоретико-методологического фундамента их политических позиций и позволяет фиксировать взаимосвязь таких относительно самостоятельных мировоззренческих уровней в рамках либеральной парадигмы, как философские ориентации и политические установки. Эта взаимосвязь осуществлялась опосредованно. Идеи, почерпнутые либералами из идеалистических фило-

софских систем или же влиятельных на рубеже веков позитивистских учений, являлись основой для теоретических поисков оптимальных моделей социального и политического устройства. Попытки же разработки конкретных механизмов воплощения этих моделей на российской почве нашли отражение в программных и тактических установках кадетов и октябристов.

Философское обоснование активной созидательной роли человеческой личности в историческом процессе, необходимости ее всестороннего развития и создания для этого благоприятных условий в рамках общественной организации имело в социально-политической доктрине либерализма выход на концепцию гражданского общества и правового государства. Элементы этой концепции приобретали практическое звучание в разделах партийных программ, фиксировавших основные права граждан, определявших принципы политического устройства и регулирования социально-экономических отношений. Творческое применение гегелевской диалектики, идей неогегельянства служило обоснованием ключевых положений либеральной теории социального прогресса: эволюционизма, постепенности и преемственности в общественном развитии, социального компромисса как его цели и т.п. В свою очередь следование этой теории порождало реформизм в тактике либеральных партий.

Таким образом, мировоззренческую парадигму либерализма отличала внутренняя целостность, взаимосвязь различных ее компонентов. Однако гармоничность идеальных конструкций была подвергнута серьезным испытаниям потребностями реальной политики. Столкновение теории с практикой вносило диссонанс в изначально постулируемые принципы. Наиболее ярко это проявилось в тактических установках либералов.

Органично присущее либерализму неприятие насилия во всех проявлениях, стремление теоретиков к обеспечению правового порядка исключительно легитимными и легальными средствами и методами было поколеблено российской действительностью с ее остротой социального и политического противостояния различных сил. В условиях натиска революционно-демократических партий на существующий режим октябристы выступили в поддержку охранительной политики царизма, сопровождавшейся применением репрессий. Кадеты же проявляли определенную снисходительность в отношении радикальных действий со стороны общественности, находя им оправдание в неприемлемости реакционного курса правительственных властей. Естественно, что и либеральный по своей сути принцип толерантности также был препарирован социокультурными реалиями России. Не предполагая терпимости по отношению к тому, что само не допускает терпимости, этот принцип не мог найти должного воплощения в расколотом глубинными противоречиями политическом пространстве. Этим, в частности, объяснялась ограниченность либеральной практики поиска компромиссов с различными социальными и политическими силами.

Мощный интеллектуальный потенциал либерализма оставался невостребованным в обществе с низкой правовой, политической и общей культурой. Теоретики и практики либерально-оппозиционного движения осознавали связанные с этим сложности в реализации предлагавшихся ими проектов, а потому не настаивали на ее форсировании. Их вариант модернизации Отечества предполагал длительный процесс формирования гражданского национального сознания как необходимой основы и предпосылки создания правового общественного и государственного строя, залог его прочности. Индивидуальная свобода (физическая и интеллектуальная) была призвана, по замыслу либералов, способствовать воспитанию у граждан инициативы, самодеятельности и вместе с тем чувства ответственности, которые и послужили бы основным источником общественного прогресса.

В своем стремлении к формированию развитого общественного самосознания и кадеты, и октябристы руководствовались прежде всего желанием психологически и интеллектуально подготовить россиян к восприятию либеральных ценностей . Предусматривая для решения этой задачи использование самых разнообразных средств (науки, образования, просвещения, искусства, религии и пр.), либералы отнюдь не предполагали резкой трансформации или же насильственной ломки отечественных культурных традиций. Внимательное отношение кадетов к проблемам развития религиозного сознания и особенно акцентирование роли религиозно-нравственного начала октябристами являлись одним из характерных симптомов ориентации на российский менталитет с присущим ему доминированием веры над разумом и вместе с тем показателем того, что и сами либералы были его носителями.

Отказ от слепого копирования западных образцов, попытки опереться на отечественные политические и социокультурные традиции в движении к либеральному идеалу свидетельствовали о значительных адаптационных возможностях либерализма. Однако и сама по себе постановка задач европеизации на либеральный манер, независимо от приспособления механизма их решения к специфике России, не встречала симпатий и поддержки в широких слоях общества. Либеральные ценности априори воспринимались как чуждые самому духу российской цивилизации с его решительным неприятием индивидуализма. К тому же учет отечественных социокультурных особенностей оборачивался долговременной перспективой постепенного приближения к правовому порядку, в то время как в массовых слоях населения назрела потребность в осязаемых, конкретных переменах «не завтра (и тем более не послезавтра), а сегодня». Парадокс заключался в том, что ориентация либералов на специфику российского менталитета , проявлявшаяся в стремлении к его постепенной, щадящей, очень тонкой коррекции с целью развития правосознания, культивирования чувства законности, гражданской ответственности и инициативы у соотечественников в конечном итоге являла собой разительный

контраст с доминировавшими в обществе настроениями максимализма и экстремизма.

Кадеты, более чутко, чем октябристы, улавливавшие политическую конъюнктуру своего времени, пытались приспособиться к ней. Однако в результате их оппозиционность заметно вышла за рамки классического либерализма. Покинув собственную политическую нишу, кадеты утратили устойчивость позиций. Подчеркнуто дистанцируясь от классически либерального типа политического мышления и поведения, они вместе с тем были обречены проигрывать в радикализме революционно-демократическим партиям, которые в глазах масс бесспорно выглядели гораздо более последовательными защитниками их интересов. В свою очередь, октябристы в условиях резкой конфронтации социальных и политических сил отдавали предпочтение прямому сотрудничеству с властями, блокированию с черносотенно-правительственным лагерем. Тем самым их либерализм в значительной мере приносился в жертву охранительным устремлениям. В конечном итоге, оказавшись зажатым между двумя крайними, непримиримо по отношению друг к другу настроенными флангами общественного движения, возникший на единой парадигматической основе лагерь либеральной оппозиции был окончательно расколот проблемами практической политики. Неспособность кадетов и октябристов к конструктивному политическому диалогу, столь отчетливо проявившаяся в Сибири, вносила серьезную дестабилизацию в ряды сторонников либерализма, снижая их потенциальные возможности.

Таким образом, социокультурные реалии России, бросив вызов мировоззренческой гармонии либерализма, стали одним из основных факторов, заблокировавших реализацию либеральной альтернативы общественного развития в начале XX в.

Безусловно, комплексный анализ причин невостребованности глубоко обоснованных проектов либеральных преобразований в России начала XX в. должен предусматривать характеристику и других факторов (как внешних по отношению к деятельности конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября», так и связанных с особенностями их внутреннего функционирования). В этой связи автор предполагает вернуться к решению поставленной проблемы в ходе дальнейшего исследования, основным объектом которого должны стать особенности и закономерности организационно-практической деятельности кадетов и октябристов Сибири в 1905 - феврале 1917 гг.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАИО - Государственный архив Иркутской области
ГАКК - Государственный архив Красноярского края
ГАНО - Государственный архив Новосибирской области
ГАОО -Государственный архив Омской области
ГАРФ -Государственный архив Российской Федерации
ГАТО -Государственный архив Томской области
НОКМ -Новосибирский областной краеведческий музей
ЦДНИИО - Центр документации новейшей истории Иркутской области
ЦДНИТО - Центр документации новейшей истории Томской области
ЦХИДНИКК - Центр хранения и использования документации новейшей истории Красноярского края

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава 1. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА СИБИРСКИХ ЛИБЕРАЛОВ 22

1. Философские основы мировоззрения 22

2. Личность и общество в социальной доктрине либерализма 47

3. Политическая концепция: поиск оптимальной модели государственной организации 75

Глава 2. СИБИРСКИЙ ВАРИАНТ ЛИБЕРАЛЬНОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА РОССИИ: ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 109

1. Проблемы политической реорганизации общества в программных установках либералов Сибири 109

2. Проекты модернизации социально-экономических отношений: принципы и механизм реализации 149

3. Тактические позиции: методы и средства движения к либеральному идеалу 191

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 222

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 227

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.
Бумага типографская. Печ. л. 14,3 Усл. печ. л. 13,3.
Уч.-изд. л. 12,0 Тираж 300 экз. Заказ 312.

РИО ТГУ, 634029, Томск, 29, Никитина, 4.